

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ —
МСХА ИМЕНИ К.А. ТИМИРЯЗЕВА

В. И. Трухачев
Р. А. Тлепцок

**МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ,
НАУКОЙ
И ОБЩЕСТВОМ:**
Петровская (Тимирязевская)
академия в дискурсе
периодической печати

Монография

Издательско-полиграфический центр «ТОТ ПИТЕР»
Санкт-Петербург, 2025

УДК 378.6
ББК 74.48
Т80

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Оришев А. Б., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории ФГБОУ ВО «РГАУ – МСХА имени К. А. Тимирязева» (г. Москва);

Николашин В. П., доктор исторических наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (г. Тамбов)

Т80 **Трухачев, В. И., Тлепцок, Р. А.** Между властью, наукой и обществом : Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати : монография / В. И. Трухачев, Р. А. Тлепцок. – Санкт-Петербург : Тот Питер, 2025. – 224 с. : ил.

Монография представляет собой комплексное воссоздание социальной реальности и корпоративной культуры сообщества Петровской (Тимирязевской) академии, выполненное в парадигме исторической антропологии. Реконструкция осуществляется на основе дискурс-анализа периодической печати, что позволяет выявить механизмы конструирования корпоративной идентичности «тимирязевцев» и публичного имиджа ученого-аграрника. В ходе исследования обосновывается тезис о том, что периодическая печать функционировала как существенный элемент воспроизводства интеллектуальной традиции, выступала ключевым каналом коммуникации между академической корпорацией, государственной властью и обществом, участвовала в продуцировании нарративов о социальной миссии науки и интеллигенции. Источниковую базу составляет обширный корпус архивных материалов, периодики, мемуаров и дневников. Адресатами издания являются студенты и сотрудники университета, историки, культурологи, антропологи науки и все, кто интересуется историей российского аграрного образования, науки и общественной мысли.

ISBN 978-5-6055027-1-5

© Трухачев В. И., Тлепцок Р. А., 2025
© Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева, 2025

К.А. Тимирязев

*Если наука и не знает
в настоящее время чего-нибудь,
то она будет знать
это в будущем.*

И.А. Стебут

*Дело не в том, чтобы многому
научить, а в том,
чтобы хорошо научить;
дело не в том, чтобы нагрузить
голову учащегося,
а в том, чтобы развить ее.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	12
Глава I. Петровская земледельческая и лесная академия: институционализация аграрного знания и формирование нового социокультурного типа	22
Глава II. Антропология русского просвещения: Николай Иванович Железнов на изломе эпох	34
Глава III. Петровская (Тимирязевская) академия в медиапространстве как социокультурный и научно-просветительский феномен.....	49
Глава IV. Участие Тимирязевской академии в протестной деятельности во второй половине XIX века: фиксация в прессе	62
Глава V. «Нечаевское дело» и Петровская сельскохозяйственная академия: историко-антропологический анализ медийного скандала.....	74
Глава VI. «Известия Петровской земледельческой и лесной академии» (1878–1893 гг.): научно-исторический анализ академического издания в контексте институционализации аграрной науки России	88
Глава VII. Культурно-исторический контекст формирования интеллектуальной традиции Тимирязевской академии в зеркале русской прессы конца XIX – начала XX века.....	98
Глава VIII. Дискурс юбилеев и некрологов в периодике как инструмент формирования «мест памяти» Тимирязевской академии (XIX – начало XX вв.).....	109

Глава IX. Повседневность Академии: наука, быт и дух вольнодумства (вторая половина XIX — начало XX вв.).....	126
Глава X. Научные исследования и практические проекты профессоров Тимирязевской академии в области аграрных реформ и борьбы с голодом: отражение в периодической печати	145
Глава XI. Трансформация Петровской сельскохозяйственной академии: характер и содержание дискуссий.....	155
Глава XII. Антропология разлома: жизненный мир Петровской (Тимирязевской) академии в эпоху революции и становления советской власти (1917–1929 гг.).....	163
Заключение	182
Список использованных источников и литературы	185
Приложения	199

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное исследование предлагает взгляд на историю Тимирязевской академии сквозь призму исторической антропологии. Наша цель — не просто реконструировать хронологию событий, но понять жизненный мир академического сообщества второй половины XIX — первой четверти XX вв.: какими категориями мыслили его представители, какие ценности исповедовали, как выстраивали свои практики и диалог с обществом. Основным источником для этого путешествия в прошлое служит периодическая печать — не как склад фактов, а как живая среда, где формировался и транслировался уникальный стиль мышления «Тимирязевки»¹. Газеты и журналы того времени были полем интенсивной коммуникации, на страницах которого ученые, преподаватели и студенты не просто фиксировали новости, но и совместно вырабатывали язык, концепции и нормы новой аграрной науки. Это позволяет нам увидеть Академию не как замкнутый институт, а как дина-

---

¹ Несмотря на неоднократную смену официального названия во второй половине XIX — первой четверти XX вв., использование в монографии устойчивых исторических понятий «Петровка» и «Тимирязевка» представляется методологически оправданным. Эти неформальные названия, укоренившиеся в профессиональной среде и общественном сознании, выступают не просто как синонимы, а как важные историко-культурные маркеры. Они позволяют выстроить нарратив, избегая громоздких и постоянно меняющихся официальных наименований (таких как Петровская земледельческая и лесная академия, Московский сельскохозяйственный институт и т.д.), и обеспечивают смысловую целостность исследования. Опираясь этими терминами, авторы акцентируют преемственность научно-педагогических традиций и уникальной корпоративной культуры данного учреждения, которые сохранялись и развивались, транслируясь сквозь череду административно-номенклатурных преобразований. Таким образом, этот подход не только не противоречит научной точности, но и способствует более глубокому раскрытию темы, подчеркивая единство исторического явления за формальной изменчивостью его названия. Более подробно см.: Приложение № 4.

мичный организм, чья внутренняя жизнь была неразрывно связана с культурными, экономическими и политическими контекстами эпохи.

В рамках исследовательского подхода мы фокусируемся на нескольких ключевых аспектах, которые позволяют увидеть за официальной историей Академии живых людей и их практики, представляя академическое сообщество как сложный организм, связанный общими ритуалами от лекций и лабораторных опытов до полевых экскурсий. Нас интересует не только формальная сторона этих практик, но и тот неформальный язык общения, система отношений и повседневные взаимодействия, которые определяли реальную жизнь этого сообщества. Через тексты публикаций мы стремимся различить не только официальные доктрины, но и живые человеческие заботы, конфликты, стратегии выживания и успеха.

Особое внимание было уделено конкретным персоналиям — преподавателям и студентам. Их биографии и личные траектории становятся ключом к пониманию мотивации, стиля научного поиска, тех этических установок, которые формировали их профессиональный облик. Нас интересует не только результат их работы, но и сам процесс сомнения, ошибки, творческие поиски, которые обычно остаются за страницами официальных отчетов. Историко-антропологический «взгляд» позволяет проследить важную трансформацию: как абстрактные научные идеи превращались в конкретные практические рекомендации, как эксперимент на опытном поле влиял на реальную жизнь крестьянских хозяйств, и как, в свою очередь, запросы извне формировали исследовательскую повестку внутри Академии. Наконец, мы работаем с текстами как с историческими артефактами, внимательно вчитываясь в их стилистику, распознавая скрытые смыслы и идеологические клише. Такой анализ помогает реконструировать не только то, о чем говорили современники, но и то, как они мыслили, их интеллектуальные привычки и ментальные рамки.

Таким образом, эта книга не летопись в строгом смысле слова, а попытка нарисовать антропологически насыщенный портрет научного и образовательного организма в момент его становления. Мы надеемся, что читатель услышит в собранных здесь текстах не только голоса ушедшей эпохи, но и ощутит напряженный пульс интеллектуальной жизни, где рождались те традиции,

что определили лицо отечественной аграрной науки. 160-летняя история Тимирязевской академии предстает в этом свете как история формирования особого типа личности — ученого-практика, для которого работа на земле была не только профессией, но и формой гражданского служения, а научное знание — инструментом преобразования реальности. Пусть настоящее издание станет для современного читателя не только источником информации, но и поводом для размышления о том, как создаются научные традиции, какую роль в этом процессе играет человеческий фактор и как наследие прошлого продолжает жить в профессиональной культуре сегодняшнего дня.

Это исследование — попытка исторической реконструкции отечественной сельскохозяйственной мысли, запечатленной в периодической печати XIX — первой четверти XX вв., в рамках которой сквозь призму газетных и журнальных публикаций, архивных документов и научных трактатов, прослеживается явственно путь Академии изнутри — ее идеалы, вызовы и достижения, а также место в общественной жизни России изучаемого периода. Основная задача издания не собрать всевозможные сведения, а создать целостную карту того экспериментально развивающегося образовательного и научного организма, которым являлась в исторических реалиях второй половины XIX — первой четверти XX вв. «Тимирязевка».

Тимирязевская академия — старейшее высшее аграрное учебное заведение России, возникла как ответ на потребности страны в аграрной науке, сопряженной с практикой, экономической необходимостью и культурно-политическими задачами эпохи. Периодика того времени служила не столько литературной лакуной, сколько полем знаний, где ученые, педагоги и студенты общались с читателем напрямую через заметки, очерки, обзоры, отчеты и интервью. В настоящем предисловии стоит отметить несколько ключевых аспектов исторической реконструкции: Во-первых, периодическая печать — это источник динамики. Она фиксирует не только фактическую информацию о структуре и преобразованиях Академии, но и настроения эпохи: убеждения, критические оценки, научные споры, мечты и страхи перед будущим. Во-вторых, важна взаимосвязь теории и практики. В газетных и журнальных публикациях прослеживаются связи между агрономическими экспериментами, обучением студентов и потребностями сельского

хозяйства, что позволило увидеть Академию как живой организм, действующий на стыке науки и производства. В-третьих, внимание к именам и идеям. На страницах периодики часто звучат научные направления, фигуры преподавателей и выпускников, их идеи и вклад в развитие агрономической теории и техники. Их исторические портреты — это не просто биографии, а ключ к пониманию концепций и методик, которыми руководствовались исследователи.

И еще об одном, использованный в рамках работы метод исторической реконструкции подразумевает критический подход к источникам: сопоставление материалов разных изданий, учет контекста публикаций, распознавание языковых клише и редакторских норм эпохи. В результате читатель получает не документальную летопись в строгом смысле, а живое, иногда противоречивое, но музыкально звучащее полотно эпохи. Задача работы не только воспроизвести факты, но и передать атмосферу времени, в котором складывался научный стиль и образовательная практика Тимирязевской академии. Мы стараемся показать, как на страницах печати рождались идеи об агрономических методах, сельскохозяйственной практике, о садоводстве, о прикладной биологии, о методах обучения и о роли науки в общественной жизни. В этом смысле предисловие является мостом между прошлыми текстами и современным читателем: оно приглашает слушать голоса эпохи и пытаться понять логику их науки и их воспитанников.

160 лет Тимирязевской сельскохозяйственной академии — время перманентных попыток синтезировать учебные лекции, полевые опыты и заводские практики в цельную картину знаний. В период XIX — первой четверти XX вв. в стенах Академии формировались не только технические умения, но и культурная установка исследователя: внимательного наблюдателя природы, ответственного за результат и за будущее тех, кто будет работать на земле. Эти страницы периодической печати — не просто хроника публикаций, это зеркало эпохи: публикации, которые отражают надежды и сомнения селекции урожайности, агротехники, метеорологии, семеноводства; заметки о новых сортах, методах обработки почвы, инженерных устройствах и образовательном подходе к студентам. Они показывают, как научная мысль подстраивалась под реальность хозяйств и как каждое

открытие становилось частью общего дела — повышения продуктивности и устойчивости аграрной практики.

Особую ценность представляет реконструкция контекстов: каким образом формировались исследовательские приоритеты, какие связи существовали между преподавателями, студентами и практическими работниками полей и экспериментальных станций. Мы видим не просто архивные фрагменты, а живую ткань научной культуры: методологию, язык, эксперименты, привычку к проверке гипотез и к системной критике своих же результатов. В определенном смысле работа может выступить путеводителем по эпохе, когда наука и практика еще тесно переплетались в общих целях: просвещение крестьян, развитие сельского хозяйства страны и создание учебных традиций, которые могут служить опорой и источником вдохновения для будущих поколений исследователей. Пусть чтение обретет для современного читателя не только информационную ценность, но и ощущение непрерывности научной жизни: от первых заметок в периодической печати к современным подходам к аграрной науке и образовательной мысли.

Настоящее издание не итог исследований, а отклик на них. Мы надеемся, что читатель найдет в собранном материале не только фактическую информацию, но и ощущение того становления, которое переживала отечественная аграрная наука на рубеже веков: стремление к системности, к эксперименту и к ответу на вопросы о будущем сельского хозяйства, которое держится на прочной связке науки и практики. Пусть эта монография станет для всех не только справочным пособием, но и поводом к размышлениям о том, как рождается научная традиция, как формируются образовательные институты и какой след она оставляет в культуре страны.

ВВЕДЕНИЕ

Периодическая печать России второй половины XIX — первой четверти XX вв. представляет для исторической антропологии не просто важный социальный институт, но и уникальное коммуникативное пространство, «текстуальную среду обитания» интеллектуала, в которой конструировались, оспаривались и транслировались коллективные представления, идеологии и идентичности. Это была сложная семиотическая среда, где вербальные и даже визуальные коды формировали особую картину мира для читающей публики. Сами издания выступали не безликими структурами, а живыми, «одушевленными» сообществами авторов, редакторов и читателей, объединенных общими ценностными ориентирами, языками описания реальности и стилистическими кодами. С точки зрения исторической антропологии, господство «толстого» ежемесячного журнала как ключевого типа издания — это не только структурная особенность медийного ландшафта², но и свидетельство определенного типа интеллектуальной культуры, ориентированной на глубокое, рефлексивное усвоение знаний, протяженные во времени дискуссии и формирование «воображаемого сообщества» читающей публики, рассеянной по просторам империи. Этот формат предполагал особый, замедленный ритм потребления информации, вдумчивый диалог между материалами номера и создавал площадку для длинных, аргументированных текстов, в которых кристаллизовалась общественная мысль, а авторский голос обретал вес и узнаваемость³.

В условиях Российской империи с ее огромными территориями, относительно слабо развитой инфраструктурой и огра-

ниченными каналами горизонтальной коммуникации журнал, а позже — массовая газета, становились для интеллектуала, чиновника, земского деятеля и обывателя главными «окнами в мир», выполняя функцию коллективного наставника, поставщика культурных кодов и агента модернизации. Они выступали ключевым посредником (медиатором) между различными, часто изолированными социальными мирами, великосветскими салонами, научными кабинетами, университетскими аудиториями, земскими собраниями и политическими кружками, создавая гибридное и напряженное публичное поле. Именно через призму периодики многие современники осознавали такие масштабные и абстрактные процессы, как развитие капитализма, кризис деревни, становление науки как социальной силы. Периодика была не просто регистратором событий, но и активным участником их осмысления и интерпретации, предлагая публике готовые «картины мира» и сценарии поведения.

Историко-антропологический фокус данного исследования позволяет принципиально сместить ракурс с традиционной институциональной истории Академии на повседневные практики, стратегии выживания, саморепрезентации и конструирования идентичности ее ключевых акторов — профессуры Тимирязевской (Петровской) сельскохозяйственной академии. Мы рассматриваем академическое сообщество не как однородную группу, а как совокупность индивидов с их уникальными жизненными траекториями, мотивациями и способами интеграции в публичное пространство. Сама Академия, чье возникновение стало прямым следствием «великой реформы» 1861 года и кризиса патриархальной модели сельской жизни, является идеальным объектом для антропологического анализа. Она была не просто учебным заведением, но и социокультурным локусом, «местом памяти» и точкой столкновения традиционных сословных идентичностей («помещик», «крестьянин», «чиновник») с новыми, только формирующимися — «ученый-агроном», «интеллигент-просветитель», «эксперт». Ее профессора и студенты были людьми «пограничья», чья профессиональная и личная идентичность формировалась в напряженном поле между теорией и практикой, кабинетным знанием и полем, верностью государственной службе и критикой официального курса, лояльностью корпорации и долгом перед «народом».

² Шевлякова В.В. Периодическая печать в конце XIX — начале XX вв. об аграрном вопросе в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 2. Т 4. С. 44.

³ Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю: извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) [введение, подгот. текстов и комментариев Р. А. Тлепцок; ред. и авт. предисл. Э. А. Шеуджен]. М., 2010. С. 8.

В этом контексте обращение профессоров к периодической печати было не просто способом популяризации знаний или дополнительным родом занятий, но и важнейшей социальной, профессиональной и экзистенциальной практикой. Через публицистику они конструировали и легитимизировали свой публичный статус, вели сложный, подчас опасный диалог с властью и обществом, отстаивали профессиональную автономию науки и формировали новую этику служения не государю персонально, но науке, «народу» и «прогрессу». Их научные тексты в «Отечественных записках», «Русской мысли», «Вестнике Европы» или специализированных изданиях вроде «Земледелец» и «Сельского хозяина» были актами социального действия, инструментом прямого влияния на аграрную политику, средством воспитания новой генерации «культурных хозяев» и, наконец, способом личного и корпоративного самоутверждения в быстро меняющемся мире. Публикуясь, ученый не просто сообщал информацию; он занимал определенную позицию в идеологическом поле, вступал в невидимые коалиции с одними изданиями и полемизировал с другими, тем самым выстраивая свою публичную биографию.

Материалы и методы исследования, таким образом, нацелены на реконструкцию этого многомерного человеческого измерения. Корпус источников, вобравший в себя публикации в центральных («Московские ведомости», «Русские ведомости», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др.) и специализированных изданиях («Земледельческая газета», «Сельское хозяйство и лесоводство», «Лесной журнал» и др.), а также научную публицистику М.П. Щепкина, И.И. Иванюкова, И.А. Стебута, К.А. Тимирязева, Д.М. Прянишникова и других рассматривается не как безличный информационный массив, а как совокупность «текстов-жестов», «историй жизненного опыта», раскрывающих систему взглядов, ценностей, языковых стратегий и скрытых травм научного сообщества. Эвристический потенциал работы видится в том, чтобы увидеть за строками статей и полемических заметок живых людей с их мотивами, амбициями, внутрипрофессиональными конфликтами, страхами перед цензурой и искренними попытками осмыслить и преобразовать окружающую их действительность. Особое внимание уделяется паратекстовым элементам: подписям, псевдонимам, которые сами

по себе являются маркерами стратегий поведения (конспирация, игра, создание персонажа).

Методология, помимо комплекса общенаучных (анализ, синтез, обобщение) и специально-исторических методов (принципы историзма и объективности, проблемно-хронологический, историко-сравнительный методы), дополняется ключевыми исследовательскими перспективами исторической антропологии и смежных дисциплин. Углубленный историко-биографический и просопографический метод⁴ использовался не только для анализа роли личностей, но и для коллективной реконструкции «жизненных траекторий» профессуры в контексте больших социальных трансформаций. Это позволило выявить общие паттерны: происхождение, карьерные пути, брачные и дружеские связи, модели вхождения в публичное поле, что в совокупности рисует портрет корпоративной группы и ее трансформации во времени. Анализ дискурса и историческая семантика позволили выявить не только то, о чем писали ученые, но и как они это делали. Какие риторические приемы, концепты («прогресс», «польза», «народ», «почва», «наука», «кризис»), метафоры и образы они использовали для убеждения аудитории, легитимации своего экспертного статуса и конструирования символических границ со своими оппонентами? Как менялся смысл этих концептов в зависимости от издания и политической конъюнктуры?

Не менее значимым явилось и изучение практик просветительских, экспертных, публицистических, сетевых (переписка, участие в редакциях), что помогло понять, как абстрактное теоретическое знание переводилось в плоскость публичного действия, повседневного профессионального труда и формирования неформальных интеллектуальных сетей, связывавших Академию с миром большой политики и журналистики. Сюда же относится практика комментирования правительственных решений, участие в публичных комиссиях по итогам публикаций. В рамках прове-

⁴ Просопографический метод в истории (просопография) — это метод изучения биографий исторических лиц, относящихся к определенной эпохе или местности, имевших общие политические, социальные или этнические черты, занимавших определенную должность. Метод позволяет анализировать исторические процессы на различных уровнях, включая политический, экономический, социальный и культурный.

денного исследования важным было обращение к истории эмоций, позволившей понять механизм рефлексии: как профессора выражали в текстах разочарование, гнев, надежду, профессиональную гордость, обиду на власть или коллег? Как эмоциональный тон их публикаций менялся в зависимости от политического климата (эпоха «великих реформ» vs эпоха «контрреформ» Александра III или эпохи ломки и революционных потрясений)? Анализ эмоций позволил оживить сухие тексты, увидеть за ними личность. Микроисторический подход был применен к ключевым кейсам, таким как «нечаевское дело» или закрытие и реорганизация Академии в 1890-х гг., Революция и Гражданская война. Это позволило через призму конкретного, детально реконструированного события показать механизмы работы всей системы взаимодействия науки, власти и прессы, выявить стратегии отдельных акторов в момент кризиса.

Структура и логика исследования выстроены в соответствии с проблемно-тематическим принципом, который позволяет выявить различные грани взаимодействия академического сообщества с прессой. Научный анализ был сфокусирован на нескольких ключевых сюжетах, образующих отдельные главы монографии. Прежде всего, изучение процесса конструирования публичной идентичности ученого-агронома: как через биографические очерки, некрологи, юбилейные статьи формировался образ профессора как нового типа интеллектуального лидера, сочетающего глубокую науку с практической деятельностью и гражданской ответственностью. Не менее значимым является и осмысление «мира науки» как публичной дискуссии посредством участия профессуры в критических общественных дебатах на страницах прессы (голод 1891–1892 гг., аграрный кризис, судьба общины, дискуссии о путях развития сельского хозяйства, пути развития страны в годы революционных потрясений и войн). Здесь наука выступает как арбитр в споре идеологий.

Печать как инструмент профессиональной солидарности и внутренней полемики позволяет заглянуть в «кулуары» научного сообщества. Именно там, на страницах специализированных журналов, те самые «толстые» ежемесячники, осуществлялся свой, внутренний разговор. Здесь вырабатывался профессиональный язык, завязывались связи и велись свои, не всегда видимые посторонним, дискуссии. Важнейшей составляющей является

и репрезентация Академии в периоды кризисов и скандалов. Так, отражение в прессе кризисных моментов в жизни Академии («нечаевская история», студенческие волнения, временное закрытие, Революция и Гражданская война), показывает как Академия и ее представители становились объектом публичной рефлексии и идеологических баталий. И, наконец, пожалуй, самая человеческая часть исследования сфокусирована на личных стратегиях и выживании, на том, как научная карьера тесно переплеталась с журналистикой, как публикация могла сделать или сломать репутацию, и как ученые использовали газетные полосы, чтобы продвигать свои проекты и искать союзников в сложной игре карьерного роста.

Современная историография, обогащенная методологией исторической антропологии, перестала рассматривать периодическую печать России исключительно как инструмент политической борьбы или коммерческое предприятие. Теперь она видит в ней сложную антропологическую систему-пространство производства и циркуляции смыслов, формирующих повседневную жизнь, идентичности и культурные практики. Если советская историография (как в справочнике «Русская периодическая печать», 1957) изучала прессу сквозь призму классового анализа, то антропологический подход позволяет спуститься на уровень читательских практик⁵. Как именно читалась газета? В одиночку или вслух в кругу семьи? В трактире или в университетской аудитории? Эти практики были ритуалом, актом социализации и конструирования общего информационного пространства.

Исследования Вострикова П.П., Королева Б.И., Вышегородского С.С., Жиликовой Н.В., Ивановой Л.Д., Сперанского П.А. изучают периодическую печать как многогранный феномен, учитывая её политические, экономические и культурные аспекты⁶. Рассматриваемая

⁵ Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917 гг.). Справочник. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 352 с.

⁶ Востриков П.П., Королев Б.И. Государственная цензурная политика в отношении периодической печати в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Власть. 2015. № 4. С. 178–183; Жиликова Н.В. История российской печати конца XIX — начала XX веков. М.: Юрайт, 2016; Иванова Л.Д. Формирование системы периодической печати в России на рубеже XIX–XX вв. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1. С. 42–47; Иванова Л.Д. Система газетной

авторами проблематика цензуры, в антропологической перспективе может быть переосмыслена не просто как история репрессивного института, а как история взаимоотношений между редакторами, авторами и цензорами, порождающая особые языковые стратегии свой эпох язык, систему намеков, понятных «своим», что формировало особую читательскую общность, способную к декодированию скрытых смыслов. Антропологический взгляд выявляет новые лакуны. Изучение региональной прессы на национальных языках становится исследованием конструирования этнической и локальной идентичности. Взаимодействие цензуры и редакционной политики предстает как поле символической борьбы за власть определять реальность. А коммерциализация прессы рассматривается через создание нового типа человека «массового потребителя», чьи вкусы и страхи формируются через рекламу и фельетоны.

Историческая антропология позволяет перевести историю Тимирязевской (Петровской) академии из плоскости официальных отчетов и научных биографий в плоскость истории повседневности, телесных и материальных практик. Ранние документы, такие как Устав 1865 года⁷, с антропологической точки зрения, являются не просто административными актами, а проектами по созданию нового типа человека — «ученого-аграрника», призванного преобразить российскую деревню. Последующие законодательные изменения, отраженные в документах 1873 г.⁸ и 1894 г.⁹, фикси-

прессы на рубеже XIX–XX вв. Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. № 2. С. 5–12; *Сперанский П.А.* Цензура и печать Российской империи второй половины XIX — начала XX вв. в современной отечественной историографии // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 4. С. 138–143; *Вышегородский С.С.* Периодическая печать как исторический источник // Молодой ученый. 2025. № 30 (581). С. 97–100.

⁷ Устав Петровской земледельческой и лесной академии, [Штат Петровской земледельческой и лесной академии и состоящей при ней фермы] [Утв. 27 окт. 1865 г.]. Санкт-Петербург, 1865. 17 с.

⁸ Устав Петровской земледельческой и лесной академии: утвержден 16/28 июня 1873 года. М.: Губернская типография, 1873. 46 с.

⁹ Высочайше утвержденное положение о Московском сельскохозяйственном институте и штат: [утверждено 6 июня 1894 г.]. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. 26 с.

руют эволюцию государственной политики в отношении высшей школы и позволяют проследить динамику административного регулирования академической жизни. Антропологический интерес вызывает, как этот идеал сталкивался с реальностью: сословные ограничения приема — это не просто пережиток, а система социальной дисциплины, пытающаяся контролировать состав академического сообщества.

Работа А.В. Чаянова — это уже образец антропологического подхода до его теоретического оформления. А.В. Чаянов описывает не просто Академию, а «место памяти»¹⁰, где переплетаются история, архитектура, ландшафт и личные воспоминания. Он фиксирует повседневную жизнь Петровско-Разумовского, его «гений места» (*genius loci*)¹¹. Советская историография (например, сборник 1950 г.), акцентируя революционную роль студентов, игнорировала их повседневный опыт: как они жили, что ели, как проводили досуг, как формировалось корпоративное чувство¹². Антропология же изучает студенческие волнения конца XIX — начала XX вв. не только как политический протест, но и как бунт против дисциплинарных практик, затрагивающих личную жизнь.

Значимо, что современные исследователи, в числе которых необходимо выделить работы А.Б. Оришева (2016)¹³, сфокусировали исследовательское внимание на проблематике и через биографии ученых показывают, как в стенах Академии формировался научный габитус — система диспозиций, привычек мышления

¹⁰ *Чаянов А.В.* Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем: путеводитель по Тимирязевской сельско-хозяйственной академии. М., 1925. 87 с.

¹¹ В исторической антропологии «гений места» (*genius loci*) — это творец, чья жизнь, биография, работа или произведения связаны с определённым местом (домом, усадьбой, поселением, деревней, городом, ландшафтом, местностью).

¹² Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. Научная конференция: [материалы научной конференции академии, состоявшейся 6–12 декабря 1950 года / под общей редакцией Г.М. Лоза]. Москва: ТСХА, 1952. 298 с.

¹³ *Оришев А.Б.* Петровская (Тимирязевская) академия: становление аграрной науки и образования в СССР (1917–1932). М.: РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, 2014; Его же. Петровская академия в годы гражданской войны // Доклады ТСХА: Сборник статей. Вып. 287. Том I (Часть 3). М.: Изд-во РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2015. 224 с. С. 7–8; *Его же.* Тайны российской аграрной науки: тимирязевский прорыв. [Б. м.]: Издательские решения, 2016. 398 с.

и поведения, характерных для ученого-агронома. Изучение вклада К.А.Тимирязева или В.Р. Вильямса дополняется вопросами: как был устроен их рабочий день? Как происходил перенос знаний «с поля в аудиторию»? Как телесный опыт работы с землей и растениями влиял на формирование научных теорий? Таким образом, антропологическая перспектива открывает для исследования новые темы: материальная среда Академии (лаборатории, общежития, поля), пищевые практики, история университетского тела (как студенты и профессора одевались, как болели, как отдыхали), а также неформальные сети и ритуалы, скреплявшие академическое сообщество. Предлагаемое исследование позволит услышать не только официальные голоса институции, но и живые голоса людей, ее населявших.

Анализ корпуса историографических источников через призму исторической антропологии позволил «по-новому» структурировать и критически осмыслить массив существующих исследований. Первый блок, посвященный собственно периодике, сегодня активно обогащается работами, рассматривающими прессу не как рупор идей, а как сложное пространство формирования общественных настроений, интеллектуальных сетей и культурных баталий. Второй блок, фокусирующийся на истории Академии, в современной историографии все чаще обращается к микросоциологии научного сообщества, анализу повседневной жизни вуза, механизмов формирования научных школ и неформальных связей между учеными. Однако комплексное «человеческое» измерение этого взаимодействия — мотивы, идентичности, стратегии адаптации к цензурным и политическим ограничениям, язык взаимных репрезентаций, эмоциональная составляющая научного труда остается во многом исследовательской лакуной. Существующие работы часто дихотомичны: либо история идей, либо институциональная история. Настоящее исследование призвано преодолеть эту дихотомию, поместив в центр анализа человека-ученого, действующего в конкретных исторических обстоятельствах и использующего печать как ключевой ресурс для реализации своих профессиональных, гражданских и личных устремлений. Мы рассматриваем периодическую печать не просто как зеркало, отражавшее деятельность Академии, но и как активную среду, в которой сама эта деятельность обретала публичный смысл, социальную значимость и, в конечном счете, свою историческую форму.

Таким образом, данная работа, рассматривая отражение жизни и деятельности Тимирязевской академии на страницах периодики, ставит своей целью не просто хронологическое описание событий, а глубокую, многослойную реконструкцию жизненного мира русской научной интеллигенции эпохи великих реформ, контрреформ, ломки и революционных потрясений. Это исследование о том, как через слово, напечатанное в журнале или газете, конструировалась новая социальная роль ученого-гражданина, пытавшегося преодолеть фундаментальную пропасть между теорией и практикой, академическим знанием и насущными, подчас трагическими, проблемами страны. Читая их тексты сегодня, мы можем услышать не только голоса идеологов или узких специалистов, но и голоса людей во всей их сложности и противоречивости, стремившихся «вписать» аграрную науку в культурный код нации и найти свое место в бурном потоке истории. Это позволит не только углубить понимание истории российского аграрного образования и науки, но и внести вклад в более общую тему — историю публичной сферы и интеллектуальной культуры России на переломе от империи к советскому государству.

ГЛАВА I

ПЕТРОВСКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ И ЛЕСНАЯ АКАДЕМИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ АГРАРНОГО ЗНАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ТИПА

Историко-антропологическое измерение исследования генезиса высшего аграрного образования в России предполагает смещение фокуса с анализа институциональных структур на реконструкцию практик, стратегий и ментальных установок ключевых акторов эпохи «Великих реформ». Открытие Петровской земледельческой и лесной академии 3 (15) декабря 1865 года представит в этом ракурсе не просто как административный акт, но и как сложный процесс конструирования новой социальной реальности, в рамках которой происходило формирование уникального научно-образовательного ландшафта и соответствующего ему антропологического типа — ученого-агронома как агента модернизации. Данная глава ставит целью проанализировать основания Академии через призму взаимодействия государства, научного сообщества и общества, выявив, каким образом экономические императивы и социальные трансформации транслировались в конкретные образовательные практики и формы организации знания, определившие на десятилетия вперед траекторию развития отечественной аграрной науки¹⁴.

Основание Петровской земледельческой и лесной академии стало кульминацией длительного процесса осознания элитами Российской империи глубины системного кризиса аграрного сек-

¹⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). В 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. С. 56–58.

тора, достигшего своей критической точки в 1840–1850-е годы. Традиционная историография часто связывает создание Академии исключительно с отменой крепостного права в 1861 году, однако, как убедительно демонстрирует анализ источников, инициатива вызревала в недрах профессионального сообщества значительно раньше. Еще в 1857 году Императорское московское общество сельского хозяйства (ИМОСХ) ходатайствовало об учреждении в Москве специализированного земледельческого института, аргументируя это «крайней нуждой в распространении сельскохозяйственных знаний научного характера»¹⁵. Эта инициатива не была единичной: параллельно аналогичные предложения выдвигало и Южное общество сельского хозяйства¹⁶, что свидетельствует о формировании общероссийского запроса на научное знание как инструмент преодоления хозяйственной стагнации.

С точки зрения исторической антропологии, ключевым представляется вопрос о мотивации этих «агентов модернизации». Члены научных обществ, крупные землевладельцы и чиновники-прагматики, такие как министр государственных имуществ М.Н. Муравьев, действовали не только из экономических соображений. Их публицистика и докладные записки указывают на глубокий сдвиг в менталитете — переход от патриархального восприятия сельского хозяйства как сферы, регулируемой традицией и обычаем, к его пониманию как объекта рационального управления, основанного на данных естественных наук и экономики¹⁷. В этом контексте тезис В.М. Баутина о «неубедительности» аргумента, сводящего причины создания Академии к реформе 1861 года, представляется методологически плодотворным¹⁸.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 398. Оп. 1. Д. 1234. Л. 3–5 об. (Журнал заседания ИМОСХ от 15 марта 1857 г.).

¹⁶ Журнал сельского хозяйства. 1857. № 10. С. 22.

¹⁷ Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. С. 78–81.

¹⁸ Баутин В.М. К вопросу о причинах основания Петровской академии // Вестник аграрной истории. 2001. № 3. С. 33–41; Баутин В.М. Московское общество сельского хозяйства и петровская земледельческая и лесная академия // Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России. М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова, 2020. С. 39.

Действительно данный тезис представляется не полностью отражающим историческую действительность. Во-первых, инициатива учреждения нового высшего учебного заведения была выдвинута двумя Обществами сельского хозяйства задолго до реформы. Во-вторых, отмена крепостного права и подъем сельскохозяйственного образования следует рассматривать не как причину и следствие, а как два взаимосвязанных явления в рамках одного масштабного процесса модернизации. Российское сельское хозяйство и деревня в 1840–1859 годах переживали глубокий системный кризис, для преодоления которого требовались комплексные меры: освобождение крестьян и интенсивное развитие образования, как общего, так и специального¹⁹.

Официальная правительственная позиция была сформулирована М.Н. Муравьевым в докладе, утвержденном Александром II 12 июня 1861 года: «Вызываемая переменами в быте сельских сословий необходимость приложения к земледелию усовершенствованных машин, орудий и способов обработки порождает в классе земледельцев потребность в деятелях, которые при помощи научных сведений могли бы с успехом предпринять и совершить преобразования в направлении сельской промышленности... является ощутительная надобность в людях, основательно изучивших сельское хозяйство»²⁰. Этот документ является ярким свидетельством формирования нового государственного дискурса, в котором «образованность» становится ключевым ресурсом управления. Необходимость создания высшего учебного заведения обосновывалась следующим образом: «Соединение в Петровско-Разумовском всех условий, необходимых для открытия не только одного обширного агрономического института, но и других второстепенных его рода заведений с опытным, учебным и практическими хозяйствами, совершенно уравновесят значительные пожертвования казны»²¹.

¹⁹ Баутин В.М. Московское общество сельского хозяйства и петровская земледельческая и лесная академия // Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России. М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова, 2020. С. 39–40.

²⁰ РГИА. Ф. 398. Оп. 2. Д. 567. Л. 12 об. (Докладная записка министра государственных имуществ М.Н. Муравьева от 12 июня 1861 г.).

²¹ Сборник сведений о Петровской академии. М., 1869. С. 2.

Однако дальнейшие события и последовавшая отставка М.Н. Муравьева в 1862 году, приход А.А. Зеленого²², сделавшего ставку на развитие сети трехгодичных земледельческих училищ (в Казани, Саратове, а также реформирование Горького и Харьковского училищ), выявили внутреннюю борьбу в правительственных кругах между сторонниками элитарной, наукоемкой модели подготовки кадров и приверженцами более утилитарного, массового подхода²³. Министр считал земледельческие училища главным типом сельскохозяйственных учебных заведений, поскольку селу требовалось значительное число приказчиков и управителей имениями²⁴. 27 октября 1865 года император Александр II утвердил устав и штат Петровской земледельческой и лесной академии, что стало победой первой стратегии и подчеркивало ее приоритетный характер в глазах верховной власти²⁵. Таким образом, ключевые причины основания Петровской земледельческой и лесной академии имели как экономические, так социальные и научные основания. Экономические фиксировали сельское хозяйство как основу экономики России, но его эффективность оставалась низкой. Требовались квалифицированные кадры, владеющие современными агрономическими, лесоводческими и экономическими знаниями. Социальные увязывали освобождение крестьян с потребностью в новых методах ведения сельского хозяйства и специалистах, способных их внедрять. Научные акцентировали внимание на необходимости развития естественных наук, что требовало создания площадки для применения научных знаний в аграрной сфере.

²² Зеленой Александр Алексеевич (1818–1880) — русский государственный деятель, министр государственных имуществ Российской империи в 1862–1872 годах.

²³ Соловьев Я.В. Самодержавие и дворянство в пореформенной России. Л.: Наука, 1973. С. 145–148.

²⁴ Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Книга III. Постановления по сельскохозяйственным учебным заведениям. 1836–1899. СПб., 1900. С. 119–123.

²⁵ Устав Петровской земледельческой и лесной академии, [Штат Петровской земледельческой и лесной академии и состоящей при ней фермы] [Утв. 27 окт. 1865 г.]. Санкт-Петербург, 1865. 17 с.

Финансовое обеспечение проекта свидетельствует о его высокой значимости для государства. Единовременное ассигнование из Государственного казначейства на первоначальное обустройство составило 10 000 рублей, а общая стоимость устройства Академии, включая покупку имения, достигла огромной суммы в 1 007 083 рубля. Ежегодное содержание вуза оценивалось в 134 980 рублей²⁶. Эти цифры не только отражают масштаб вложений, но и являются маркером «капитализации» знания: государство было готово инвестировать в создание института, который, как ожидалось, должен был многократно окупить расходы за счет роста продуктивности аграрного сектора²⁷.

Выбор усадьбы Петровско-Разумовское, приобретенной казной в 1861 году за 250 тысяч рублей специально «с целью учреждения агрономического института, фермы и других сельскохозяйственных заведений»²⁸, обладает глубоким историко-антропологическим смыслом. Происходила символическая «смена вех»: исторический центр дворянской усадебной культуры, связанный с именами Нарышкиных и Разумовских, целенаправленно трансформировался в центр науки и просвещения, открытого для всех сословий. Этот акт можно интерпретировать как форму символического присвоения, где пространство, насыщенное памятью о старом порядке, переосмысливалось и наполнялось новым, прогрессистским содержанием²⁹.

²⁶ Змеев В.А., Зайцева Н.Л. Петровская академия // Высшее образование в России. № 11 С. 145–149. С. 146.

²⁷ Для покрытия затрат на строительство и оборудование Академии были организованы продажа и долгосрочная аренда земельных участков под дачи и огороды, а созданный в южной части академических владений дачный поселок позже получил название Петровско-Разумовского (в народе его называли «Соломенная сторожка»). См.: Величко С. Переписка с читателями. Соломенная сторожка // Наука и жизнь. 2003. № 4.

²⁸ Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 459. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.

²⁹ Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М.: Традиция, 1997. 284 с. С. 90–95.

Вид на усадьбу в конце XVIII века

Источник: Жан Балтазар де ла Траверс

Архитектурный проект, осуществленный Н.Л. Бенуа и П. Кампиони, материально закрепил этот разрыв с прошлым. Известно, что первоначально Н.Л. Бенуа хотел приспособить под требования учебного процесса усадебный главный дом, который стоял на этом месте, но впоследствии от этой мысли отказались, и старый дом снесли. Снос ветхого усадебного дворца и возведение на его месте нового «здания аудиторий» с уникальными выпуклыми стеклами был не просто градостроительным решением, но и мощным жестом, утверждавшим примат функциональности, рациональности и демократичности. Внутренняя организация пространства — размещение в одном комплексе аудиторий, лабораторий (химической, физической), специализированных кабинетов (минералогического, геодезического), библиотеки, музея и общежития на 48 мест — создавала уникальную среду, где учебный процесс, научный поиск

и повседневная жизнь студентов были тесно переплетены³⁰. Территория Академии, включившая дендрологический сад (заложенный Р.И. Шредером еще в 1862 году), лесную дачу, опытные поля и метеорологическую станцию, становилась живой лабораторией, стирающей грань между «университетской» теорией и «полевой» практикой.

Усадьба Петровско-Разумовское, г. Москва.

Фото 1840–1847 гг. из коллекции Государственного Эрмитажа

³⁰ Саваренская Т.Ф. Архитектурные ансамбли Москвы XV — начала XX веков: принципы художественного единства / авторы: Т.Ф. Саваренская (руководитель), Д.О. Швидковский и др.; под редакцией академика РААСН, доктора искусствоведения, профессора Т.Ф. Саваренской. Стройиздат, 1997. 471 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004483368/

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

Устав Петровской земледельческой и лесной академии, разработанный при активном участии ее первого директора Н.И. Железнова и профессора химии П.А. Ильенкова, являлся документом, носившим во многом революционный характер. Согласно параграфу № 1, Академия имела целью «распространение сведений по сельскому хозяйству и лесоводству»³¹, что подчеркивало ее просветительскую, публичную миссию, выходящую за рамки узкопрофессиональной подготовки. Ключевые принципы организации академической жизни, закрепленные в Уставе, были направлены на формирование особого типа учебного заведения и, соответственно, особого типа его обитателя. Прежде всего, всеобщность и отсутствие образовательного ценза: этот принцип ломал традиционные социальные барьеры, открывая путь к получению высшего образования для разночинцев и выходцев из крестьянской среды, тем самым демократизируя доступ к «высокому» знанию³². Не менее значимым являлось право свободного выбора предметов и отсутствие вступительных/переводных экзаменов: данная норма декларировала доверие к сознательности и внутренней мотивации студента, воспитывая в нем черты самоуправляемой, автономной личности, ответственной за свою образовательную траекторию³³. И, наконец, право присуждать ученые степени кандидата и магистра наделяло Академию атрибутами университета, поднимая статус аграрных наук до уровня классических дисциплин и создавая основу для воспроизводства собственной научной элиты³⁴.

Управленческая структура, включавшая директора, совет и хозяйственный комитет под общим ведомством Департамента земледелия и сельской промышленности, сочетала элементы административной вертикали с коллегиальными началами самоуправления профессорской корпорации. Академия становилась

³¹ Устав Петровской земледельческой и лесной академии. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1865. 48 с.

³² Там же. С. 1. Параграф 2.

³³ Правила для поступления в число слушателей Академии и для посещения лекций посторонними лицами / Петровская земледельческая и лесная академия. Москва: В тип. И. Чуксина, 1866. 16 с.

³⁴ Там же. С. 1. Параграф 3.

не только учебным заведением, но и социальной инженерией, моделью желаемого будущего для российской интеллигенции. Первые годы деятельности Академии неразрывно связаны со становлением научных школ и образовательных практик. Торжественное открытие лекций 25 января 1866 года стало актом публичной презентации нового института. Речь директора Н.И. Железнова³⁵, обращенная к первым слушателям, задавала высокую планку моральной и интеллектуальной ответственности. Формирование профессорского корпуса из выдающихся ученых — Н.Н. Кауфмана (ботаника), И.А. Стебута (земледелие), В.Е. Граффа (лесоводство), П.А. Ильенкова (химия) — обеспечило не только передачу знаний, но и зарождение мощных научных школ. Их педагогическая и исследовательская деятельность была ориентирована на синтез фундаментальной науки и прикладных задач³⁶. Организационная структура Академии, сложившаяся к 1865 году, может быть представлена в виде следующей таблицы, иллюстрирующей принцип интеграции знания и практики:

Таблица

*Организационная структура
Петровской земледельческой и лесной академии в 1865 году*

Элемент структуры	Функциональное назначение	Научное и педагогическое руководство	Антропологическое измерение (формируемые компетенции и идентичность)
Сельскохозяйственное отделение	Изучение агрономии, животноводства, сельскохозяйственной экономики.	Проф. И.А. Стебут, проф. А.П. Людоговский.	Формирование типа «ученого-агронома» — управляющего, способного к системному анализу и планированию сельскохозяйственного производства.

³⁵ Открытие лекций в Петровской земледельческой и лесной академии. Речь Н. И. Железнова 25 января 1866 г. [Б. м.] : В тип. Ф. Стелловского, 1866. 14 с.

³⁶ См. например: *Стебут И.А.* Вступительная лекция (Читанная в Петровской земледельческой и лесной академии при начале курса 1866 года). [Б. м. : б. и.], 1866. 24 с.

Элемент структуры	Функциональное назначение	Научное и педагогическое руководство	Антропологическое измерение (формируемые компетенции и идентичность)
Лесное отделение	Изучение лесоводства, дендрологии, лесной инженерии.	Проф. В.Е. Графф, проф. М.К. Турский.	Создание типа «государственного лесоведа» — рачительного хозяина, мыслящего категориями устойчивого развития и долгосрочных проектов.
Опытная ферма	Проведение экспериментов, апробация технологий, практическое обучение.	Руководство директора и совета Академии.	Внедрение в сознание принципа опытной проверки теории; воспитание «экспериментального взгляда» на природу.
Лесная дача	Практическое лесоводство, учебные таксации, лесовосстановление.	Проф. В.Е. Графф.	Освоение природного пространства как объекта планомерного, научно обоснованного преобразования и охраны.

Практика была не дополнением, а стержнем учебного процесса. Студенты работали на ферме, лесной даче, на опытных полях, что превращало абстрактное знание в навык. Знаковыми событиями первых лет стали утверждение «Положения об устройстве и управлении фермой Петровской академии» (1866), закладка дендрологического сада (1870–1871), организация рыборазводного, шелководного заведения и пасеки. Особого внимания заслуживает инициатива К.А. Тимирязева и И.А. Стебута, результатом которой стало строительство в 1872 году первого в России вегетационного домика — «опытной станции физиологического типа»³⁷. Это событие маркировало выход российской агрономии

³⁷ *Тимирязев К.А.* Сочинения. В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 8. 412 с.

на передовой рубеж мировой науки, где лабораторный эксперимент становился основой для полевых исследований.

Основание Петровской земледельческой и лесной академии в 1865 году стало ответом на вызовы времени — необходимость модернизации сельского хозяйства, подготовки квалифицированных кадров, внедрения научных методов в аграрный сектор. Демократический устав, уникальная материальная база, соединение образования с наукой и практикой сделали Академию образцовым учебным заведением своего времени. Анализ документов и периодики позволяет увидеть, как Академия вписалась в историко-культурный ландшафт России, став не только центром образования и науки, но и хранителем исторической памяти, связующим звеном между прошлым и будущим российского сельского хозяйства. Опыт Петровской академии, ее преподавателей и студентов — от первых лет существования до современности — представляет собой ценное наследие для современного аграрного образования и науки России.

Инновационные принципы организации выделяли Академию среди других учебных заведений России. Управленческая структура Академии включала директора, совет и хозяйственный комитет. Академия находилась в ведении Департамента земледелия и сельской промышленности, что подчеркивало ее прикладной характер и ориентацию на решение практических задач сельского хозяйства³⁸. Торжественное открытие Академии получило широкое освещение в столичной и провинциальной прессе. Газеты подчеркивали историческое значение создания первого в России высшего сельскохозяйственного учебного заведения. «Московские ведомости» — одна из крупнейших газет того времени регулярно публиковала материалы о деятельности Академии. В номерах за 1865–1869 годы можно найти информацию о читаемых курсах, публичных лекциях, научных достижениях профессоров. Газета представляла Академию как символ модернизации российского образования и сельского хозяйства³⁹. Научно-популярные журналы, такие как «Вестник естественных наук» и «Сельское хозяйство

³⁸ Устав Петровской земледельческой и лесной академии ...Санкт-Петербург, 1865. С. 1. Параграф 4.

³⁹ Открытие Петровской земледельческой академии // Московские ведомости. 1865. 26 ноября. С. 3–4.

и лесоводство», публиковали статьи профессоров Академии, популяризируя научные знания среди широкой аудитории. Эти публикации способствовали формированию общественного интереса к аграрной науке и образованию.

Таким образом, основание Петровской земледельческой и лесной академии в 1865 году стало рубежным событием в истории российского образования и науки. Оно отражало глубокие социально-экономические преобразования пореформенной России и отвечало насущной потребности модернизации аграрного сектора. Уникальная организационная структура Академии, сочетавшая образование с научными исследованиями и практической деятельностью, стала моделью для последующих учебных заведений России. Периодическая печать сыграла значимую роль в формировании общественного восприятия Академии, освещая ее деятельность, достижения и вызовы. Пресса не только информировала общественность, но и участвовала в формировании дискурса о путях развития российского образования и науки. Историческое значение образования Академии заключалось не только в ее непосредственном вкладе в развитие аграрной науки и образования, но и в более широком влиянии на общественную жизнь России. Она стала важным элементом формирующейся системы высшего образования и центром притяжения для интеллектуальной элиты страны.

ГЛАВА II

АНТРОПОЛОГИЯ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЖЕЛЕЗНОВ НА ИЗЛОМЕ ЭПОХ

Фигура Николая Ивановича Железнова (1816–1877) занимает значимое место в понимании интеллектуальных и социальных процессов в России пореформенной эпохи. Его личность и деятельность представляют собой репрезентативный случай, позволяющий исследовать парадигму русского просвещения в ее практическом воплощении. Данная глава ставит целью рассмотреть жизненный путь и основные свершения Железнова не как линейный триумф или трагедию, а как комплексный проект, отразивший в себе потенциал, противоречия и объективные ограничения своей исторической среды. Анализ будет сосредоточен на трех ключевых аспектах: мотивационных истоках его служения, реализации образовательной модели Петровской академии как антропологического эксперимента и его научном наследии, пережившем своего создателя.

Деятельность Н.И. Железнова невозможно понять вне контекста этико-психологического климата, сложившегося в среде русской интеллигенции к середине XIX века. Идея «долга перед народом» была не просто абстрактным интеллектуальным трендом⁴⁰, она являлась мощным экзистенциальным импульсом, определявшим жизненные стратегии образованного сословия. В этой системе координат биография Н.И. Железнова читается как последовательная реализация идеала просвещенного служения. Его активное участие с 1859 г. в работе редакционной комиссии при «Главном комитете по крестьянскому делу», занимавшемся подготовкой Крестьянской реформы 1861 года,

⁴⁰ Мокшин Г.Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж: Научная книга, 2007. 357 с. С. 47.

где он, по свидетельствам, настаивал на освобождении крестьян с землей, было первым масштабным опытом применения его принципов на практике⁴¹. Этот опыт, сопряженный с бюрократическими сложностями и политическими интригами, не разочаровал его, но, судя по всему, убедил в необходимости долгосрочной и системной работы. Ученый-естественник, привыкший к точным экспериментам в лаборатории, перенес свой методологический подход в социальную сферу. Последующий переход к созданию Петровской земледельческой и лесной академии стал логичным ответом на вызов времени: вслед за дарованной юридической свободой должна была последовать модернизация аграрного знания как основа экономической и, как следствие, социальной самостоятельности крестьянства.

Петровская академия под руководством Н.И. Железнова создавалась не просто как очередное учебное заведение. Она проектировалась новой образовательной средой, виделась отцам-основателям в своем законченном развитии целостной образовательной экосистемой, призванной культивировать новый тип личности — независимого, компетентного и социально ответственного «хозяина земли русской». Либеральный устав Академии был практическим манифестом, провозглашавшим переход от патерналистской модели образования к системе, основанной на принципах автономии и доверия. Следующая таблица наглядно демонстрирует суть этого антропологического эксперимента:

Параметр	Традиционная образовательная модель	Новаторская модель Железнова
Статус студента	Воспитанник, объект дисциплины	Гражданин, субъект выбора
Подход к знанию	Догма, набор истин для усвоения	Процесс, диалог с практикой
Природа свободы	Привилегия, дарованная сверху	Естественное право, несущее ответственность
Идеальный выпускник	Чиновник-специалист	Просвещенный хозяин-практик

⁴¹ Манойленко К.В. Николай Иванович Железнов, 1816–1877. Москва: Наука, 2007. С. 82–83.

Отмена вступительных экзаменов, свобода посещения лекций и иные либеральные нормы были инструментами формирования личности, способной к самоуправлению и осознанному выбору. Знаменитое предостережение Н.И. Железнова студентам — «не увлекайтесь предоставленной вам свободой» — является красноречивым свидетельством внутренней сложности проекта. Создатель системы, основанной на свободе, отдавал себе отчет в ее рисках и потенциальных издержках, пытаясь выполнять роль не только архитектора, но и модератора новой социальности. Утверждение либерального Устава Петровской земледельческой и лесной академии в 1865 году сопровождалось острой публичной дискуссией на страницах периодической печати, представляющей собой репрезентативный случай идеологического противостояния эпохи «Великих реформ». Центральным оппонентом проекта выступила влиятельная газета «Московские ведомости», что было обусловлено кардинальной сменой ее редакционного курса.

В 1863 году арендатором и идейным руководителем издания, принадлежавшего Московскому университету, стал публицист М.Н. Катков. Если в конце 1850-х годов газета занимала умеренно-либеральные позиции и поддерживала создание новой сельскохозяйственной школы, то под его руководством она трансформировалась в рупор консервативно-охранительной идеологии, начав «резко нападать на демократические идеи того времени». Именно в этом ключе следует интерпретировать передовую статью в одном из январских номеров 1864 года, содержащую не только критику Устава, но и фундаментальные сомнения в целесообразности существования самой Академии. Основные претензии издания были связаны с ее экономической нецелесообразностью: газета характеризовала создание Академии как «непозволительную трату казенных денег», задавая риторическими вопросами: «Не позволительно ли спросить, <...> чем вызвано это громадное заведение, какой вопиющей потребности оно удовлетворяет, какую определенную цель оно имеет и кого будет выпускать из своих стен?»⁴². Критикуя «громадность» заведения, «Московские ведомости» предлагали альтернативу

⁴² Московские ведомости. 1864. № 22. С. 1.

в виде организации публичных курсов при Московском обществе сельского хозяйства или обращения к уже существующей Земледельческой школе. Явственно в публикации проявляется идеологическое неприятие либеральных принципов — подлинной причиной нападков было неприятие тех образовательных и социальных принципов, которые легли в основу Устава Академии. Редакцию беспокоила «неопределенная ширь» Устава и затруднение административного надзора за студентами. Особое негодование вызывал демократический, всесловный характер приема и щедрая система стипендий, предназначенных для поддержки неимущих студентов. Газета иронизировала: «Благотельная академия, <...> мало того, что предлагает желающим сокровища сведений, но еще предлагает и деньги, да какие: стипендии крупнее университетских!»⁴³. Эта критика была реакцией на новаторскую сущность академии, которую современники характеризовали как воплощение духа времени. Как точно заметил писатель В.Г. Короленко, некоторое время учившийся в Академии, ее первый устав отразил «все надежды, оживлявшие интеллигенцию того времени», а его основой стала «свобода изучения, вера в молодые силы страны»⁴⁴.

Прямым ответом на выпады «Московских ведомостей» стала публицистическая статья первого директора Академии, академика Н.И. Железнова, опубликованная в том же издании. Его ответ имел четкую бинарную структуру: в первой части он отстаивал саму идею высшего агрономического образования, а во второй доказывал жизненность конкретных положений Устава. Н.И. Железнов вывел дискуссию на уровень фундаментальных принципов государственной политики в сфере просвещения. «Главная обязанность всякого правительства состоит в принятии мер, содействующих поступательному движению государства на пути к просвещению — утверждал первый директор Академии. Если задуманная мера обещает приблизить государство к этой высокой цели, то дальновидное правительство, не взирая на значительность единовременной затраты, должно осуществить меру

⁴³ Московские ведомости. 1864. № 22. С. 2.

⁴⁴ Короленко В.Г. Собрание сочинений. В 10 т. Москва: Гослитиздат, 1953–1956. Т. 5: История моего современника. 1954. 395 с. С. 126, 128.

даже в том случае, если признанное действительно полезным предпринимается в виде опыта»⁴⁵.

Ученый обосновывал необходимость Академии объективными потребностями страны, указывая на «крайнюю отсталость русского сельского хозяйства» и доказывая, что «распространение просвещения влечет за собой подъем благосостояния страны». Его аргументация представляла собой не просто защиту конкретного учебного заведения, а изложение программы модернизации России через развитие науки и образования, что отражало его просветительские идеалы, сформированные в ходе участия в подготовке Крестьянской реформы 1861 г. Таким образом, полемика вокруг Устава Петровской академии являлась не просто локальным спором, а ярким проявлением глубинного идеологического конфликта между консервативной и либерально-просветительской моделями развития национального образования в пореформенной России.

Публичная полемика вокруг образовательной модели Петровской земледельческой и лесной академии не утихла и после ее официального открытия в 1865 году, вступив в новую фазу. Критический дискурс сместился с общих вопросов целесообразности создания Академии к дискредитации ее конкретной деятельности. На этом этапе ведущую роль в атаке на Академию взяла на себя газета «Голос», чья редакционная политика в данный период также эволюционировала в сторону консерватизма. Издание выдвинуло тезис о том, что Академия «не удовлетворяет нуждам времени и сельского хозяйства». В качестве конструктивной альтернативы специализированному высшему учебному заведению «Голос» предлагал создание политехнической школы с агрономическим отделением⁴⁶. Данное предложение, по сути, низводило статус агрономического образования до уровня прикладной специальности в рамках более широкого технического образования, лишая его фундаментальной научной компоненты и институциональной автономии.

Против данной позиции сформировалась коалиция влиятельных периодических изданий, отстаивавших необходимость высшего агрономического образования. Ведущую роль в апо-

⁴⁵ Московские ведомости. 1864. № 27. С. 3.

⁴⁶ Голос. 1865. № 320. С. 1–2; № 321. С. 1–2.

логетике Академии играла «Земледельческая газета», которую редактировал видный деятель Ф.А. Баталин. Публикации в этом издании содержали развернутую аргументацию, связывающую катастрофическое положение русского сельского хозяйства с отсутствием системной научной поддержки. Академия представлялась не просто учебным заведением, а критически важным научно-методическим центром, призванным переломить негативную тенденцию через подготовку высококвалифицированных кадров и генерацию новых знаний⁴⁷. К «Земледельческой газете» присоединились и другие издания либерального толка, такие как «Русские ведомости», что свидетельствовало о консолидации интеллектуальных сил, поддерживавших образовательный эксперимент. Параллельно с Н.И. Железновым против нападков «Московских ведомостей» ранее выступили газеты «Северная пчела» и «Северная почта». В своих публикациях они, по свидетельствам, «доказывали полную несостоятельность всех соображений «Московских ведомостей»», причем «Северная пчела» горячо защищала ключевой демократический принцип устава — открытость Академии для всех сословий⁴⁸.

Однако реакция противников Академии не ограничивалась газетной полемикой. Против нее была задействована и «тяжелая артиллерия» в лице авторитетного журнала «Русский вестник», во главе которого стоял идеолог консерватизма М.Н. Катков. В мартовском номере за 1864 г. журнал опубликовал статью видного животновода И.Н. Шатилова. Несмотря на сдержанный и аполитичный тон, статья по существу защищала позицию «Московских ведомостей», утверждая, что Петровская академия России не нужна, а ее создание не было вызвано объективной необходимостью⁴⁹. Таким образом, полемика 1864–1865 гг. демонстрирует, что проект Петровской академии продолжал оставаться в фокусе общественного внимания и стал важным рубежом в борьбе между двумя образовательными парадигмами: узкопрактической,

⁴⁷ Земледельческая газета. 1865. № 49. С. 770–774.

⁴⁸ Любецкий С. Петровское-Разумовское // Русские ведомости. 1865. № 127; Петровская земледельческая академия (к издателю «Северной пчелы»). Е.С.-ий. Петровское-Разумовское // Северная пчела. 1864. № 34. С. 107; По поводу Петровской академии // Северная почта. 1864. № 36. С. 141–142.

⁴⁹ Шатилов И.Н. О сельскохозяйственном образовании в России // Русский вестник. 1864. Т. 50. Март. С. 310–327.

сводившей образование к передаче ремесленных навыков, и фундаментально-научной, рассматривавшей его как драйвер комплексной модернизации аграрного сектора. Упорное сопротивление консервативных кругов различного калибра — от ежедневных газет до солидных журналов — лишь подчеркивало новаторский и потенциально преобразующий характер созданного Н.И. Железновым учебного заведения.

Открытие Петровской земледельческой и лесной академии в ноябре 1865 г. представляет собой репрезентативный кейс для анализа практик имперского управления и социальных стратегий различных групп населения. Перенос даты открытия с 14 на 21 ноября и последующая официальная публикация объявлений о приеме демонстрируют характерный для бюрократической системы ритм, где централизованные решения министерства определяли временные параметры локальных событий. Феномен массового притока абитуриентов (свыше 600 заявлений при плане 200 человек) раскрывает глубинные социальные процессы пореформенного периода. Данный статистический факт свидетельствует о формировании новой образовательной стратегии среди различных слоев населения, для которых высшее агрономическое образование становилось каналом социальной мобильности и адаптации к изменяющимся экономическим условиям.

Особый исследовательский интерес представляет секретное предписание Министерства государственных имуществ от 17 ноября 1865 г., устанавливавшее 10%-ю квоту для лиц польского происхождения и запрет на их обеспечение казенным жильем⁵⁰. Эта административная практика отражает имперскую политику «управления различиями», где этническая принадлежность становилась критерием для ограничения доступа к образовательным ресурсам. Запрет на предоставление жилья представлял собой форму социальной изоляции, направленную на маргинализацию на фоне польского восстания 1863–1864 гг. («Январское восстание») определенной этнической группы в академическом пространстве.

⁵⁰ Балашов Л.Л. Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева // Сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева: [Сборник к 75-летию Академии]: [1865–1940 гг.] / [Под общ. ред. проф. В.С. Немчинова]. Москва: Сельхозгиз, 1946. 391 с. С. 24.

Фотография сделана на Торжественном открытии
Петровской земледельческой и лесной академии, 3 декабря 1865 г.
Фотография из музея истории МСХА

Действия Н.И. Железнова и Совета академии, принявших всех подавших заявления поляков, несмотря на правительственные ограничения, могут быть интерпретированы как акт институционального сопротивления. Этот поступок демонстрирует формирование особого академического этоса, где профессиональная солидарность и приверженность принципам просвещения преобладали над имперскими директивами. Конфликт между министерской инструкцией и решением академического совета раскрывает сложную динамику взаимоотношений между центральной властью и формирующимся академическим сообществом в пореформенной России. Таким образом, история открытия Академии и первого набора студентов позволяет реконструировать не только формальные аспекты образовательной реформы, но и глубинные социальные практики, стратегии адаптации и сопротивления, характерные для различных групп российского общества 1860-х гг.

25 января 1866 г. состоялось торжественное открытие Петровской академии, о чем и не замедлили сообщить газеты. Программа торжества включала речь директора и оглашение списков принятых слушателей. Слушатели вместе с многочисленными приглашенными собрались в красивом актовом зале главного здания. В своей речи Н.И. Железнов осветил цели и задачи нового учреждения и наметил пути, которыми надо идти, чтобы овладеть знаниями в области сельского хозяйства. С позиции исторической антропологии обращение Н.И. Железнова к слушателям Академии представляет собой ценный источник для реконструкции модели социального проектирования и формирования нового антропологического типа в пореформенной России. Н.И. Железнов сознательно конструировал особый тип отношений внутри академического сообщества, основанный на принципах осознанного гражданского служения и интеллектуальной автономии. Его характеристика студентов не как «юношей, нуждающихся в ежедневном надзоре, а как людей, сознательно избирающих для себя определенный курс деятельности» отражает попытку формирования ответственного субъекта, противопоставленного традиционной патерналистской модели образования⁵¹.

⁵¹ Московские ведомости. 1864. № 28. С. 3–4.

Особый интерес представляет предлагаемая Н.И. Железновым иерархия знаний и образовательная траектория. Его наставление о необходимости начинать с «вспомогательных дисциплин» (физики, химии, ботаники) перед переходом к специальным предметам демонстрирует понимание образования как процесса поэтапного формирования научного мировоззрения. Это противостояло утилитарному подходу, характерному для многих современников. Значимое место в его дискурсе занимает концепция нравственного образования, где технические знания рассматриваются как недостаточные без развития «нравственных качеств». Эта позиция отражает характерное для русской интеллигенции представление о неразрывной связи профессиональной компетентности и этической составляющей.

Метафора Академии как «семьи, стремящейся к достижению общей цели», раскрывает попытку создания альтернативной социальности — сообщества, основанного не на административной иерархии, а на общих ценностях и целях. Такой подход можно рассматривать как практику социального экспериментирования, характерную для эпохи реформ. Упомянутое предостережение «не увлекайтесь предоставленной вам свободой»⁵² свидетельствует о понимании Н.И. Железновым диалектики свободы и ответственности в образовательном процессе. Его рекомендация «остаться в Академии лишний год» вместо поверхностного изучения предметов демонстрирует установку на качественное, а не формальное образование. Акцент на практических занятиях и необходимости «приложить руки ко всякому делу» отражает стремление преодолеть традиционный разрыв между теорией и практикой, характерный для классического университетского образования. Таким образом, педагогическая позиция Железнова представляла собой целостный проект формирования нового социального типа — просвещенного практика, сочетающего профессиональные знания, нравственные принципы и гражданскую ответственность. Этот проект отражал общие тенденции эпохи, связанные с поиском новых моделей социального устройства и образования в пореформенной России.

Социальный состав первых наборов Петровской земледельческой и лесной академии представляет собой репрезентативный случай формирования нового типа образовательного

⁵² Московские ведомости. 1864. № 28. С. 4.

сообщества в пореформенной России. Гетерогенность студенческого контингента по социальному положению отражала глубинные социальные процессы эпохи, когда образовательные траектории переставали быть исключительной прерогативой привилегированных сословий. Статистические данные свидетельствуют о формировании особой образовательной стратегии: из 132 слушателей первого набора лишь 39 имели законченное среднее или высшее образование⁵³. Этот количественный дисбаланс раскрывает феномен социального лифта, когда Академия становилась каналом вертикальной мобильности для лиц, не обладавших формальными образовательными капиталами, но стремившихся к получению профессиональной компетенции. Низкие показатели успеваемости (в 1867 г. из 39 экзаменовавшихся удовлетворительные оценки получили только 10 человек) могут интерпретироваться не только как следствие слабой подготовки, но и как проявление культурного разрыва между традиционными образовательными практиками и новыми профессиональными требованиями. Однако этот дефицит формального образования компенсировался наличием у студентов особого социального капитала — «рвения к знанию, горячего энтузиазма и стремления скорее применять свои силы к устройству новой жизни».

Ответной реакцией академического сообщества стало формирование альтернативных педагогических практик. Профессора И.А. Стебут и М.П. Щепкин организовали специальные дополнительные занятия и беседы, что демонстрирует адаптацию образовательной системы к специфическому студенческому контингенту. Эти практики можно рассматривать как форму неформального образовательного договора, основанного на взаимном доверии и общих ценностях. Парадоксальное несоответствие между формальными показателями (лишь 82 человека из первых наборов окончили полный курс) и реальным социальным влиянием («сотни первых слушателей... оказались потом самыми горячими агрономическими работниками»⁵⁴) свидетельствует о сложности

⁵³ Сборник сведений по Департаменту земледелия и сельской промышленности. СПб., 1880. Вып. 2. С. 156.

⁵⁴ Катаев Н.М. Петровская академия — Московский сельскохозяйственный институт. Пятьдесят лет существования. (1865–1915 гг.). Петроград: тип. «Сел. вестн.», 1915. С. 15.

измерения эффективности образовательных моделей через призму исключительно формальных критериев. Этот феномен позволяет говорить о формировании альтернативных траекторий профессиональной социализации, где ценность приобретали не столько дипломы, сколько практические компетенции и социальные связи. Таким образом, история первых наборов Петровской академии раскрывает механизмы формирования нового типа профессионального сообщества, где образовательные стратегии, педагогические практики и критерии успешности складывались в процессе сложного взаимодействия между институциональными структурами и социальными акторами.

Однако создаваемая Н.И. Железновым среда породила иные формы социальности, чем те, на которые он рассчитывал. Конфликт, приведший к его уходу с поста директора в 1869 г., является классическим примером кризиса интерпретаций. Отставка Н.И. Железнова с поста директора Петровской земледельческой и лесной академии представляет собой комплексный социокультурный феномен, раскрывающий глубинные трансформации властных отношений и коллективных идентичностей в пореформенной России. Данный кризис может быть интерпретирован как момент столкновения различных моделей управления и социального взаимодействия. Первый годичный акт Академии 29 июня 1868 г., неоднократно переносившийся, представляет собой характерный пример ритуала институциональной легитимации. Однако его проведение уже демонстрировало признаки системного кризиса. Многократные отсрочки, включая последнюю по причине «позднего возвращения с Парижской всемирной выставки», свидетельствуют о нарастании напряженности между академической автономией и бюрократическими процедурами.

После выстрела Д.В. Каракозова (4.04.1866) происходит фундаментальная трансформация академического пространства. Внедрение системы тотального надзора — от назначения «двух помощников эзекутора и десяти служителей из отставных унтер-офицеров» до попыток возложения полицейских функций на ассистентов — представляет собой имплементацию дисциплинарных технологий в образовательную среду. Особую значимость приобретает министерское предписание о направлении воспитания «в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного

порядка», что фактически означало идеологизацию академического пространства.

Конфликт марта 1869 г. в Петровской земледельческой и лесной академии, приведший к отставке Н.И. Железнова, представляет собой сложный социально-антропологический феномен, который можно рассматривать как момент столкновения различных моделей власти, интерпретаций свободы и формирующихся корпоративных идентичностей. В основе конфликта лежал спор, вызванный посещением студентами в своих комнатах посторонних лиц, в основном «особ женского пола»⁵⁵. Однако бытовой повод стал лишь катализатором, обнажившим глубинные противоречия. Н.И. Железнов, действуя в логике патерналистской заботы, усмотрел в этом угрозу репутации и порядку в Академии. Его требование было направлено на ограждение хрупкого организма учебного заведения от «поводов к недоумениям»⁵⁶. В его действиях просматривается роль «просвещенного патриарха», ответственного за целостность вверенного ему проекта.

Студенты же, в числе 110 человек, дали иную интерпретацию происходящему. Их коллективная жалоба в совет стала актом эмансипации и разрыва патерналистского договора. Они апеллировали к формальным нормам Устава, указывая на отсутствие в нем прямых запретов, и тем самым продемонстрировали рождение новой студенческой субъектности, основанной на идее личной автономии и праве оспаривать распоряжения начальства. Кульминацией кризиса стало обращение Н.И. Железнова непосредственно в министерство, что было воспринято профессорской корпорацией как «неколлегиальный поступок». Телеграмма министра, требовавшая от студентов «беспрекословного исполнения» распоряжений директора и объявлявшая их жалобы недопустимыми, была истолкована советом как выражение недоверия к себе

⁵⁵ Журналы заседаний совета Петровской земледельческой и лесной академии за 1868, 1869 и первую половину 1870 года. М., 1876. С. 102–105, 111–115, 119–122, 123–126.

⁵⁶ Годичный акт... бывший: краткий отчет о состоянии и действиях Петровской земледельческой и лесной академии со времени ее основания. 29 июня 1868 года. Москва: Унив. тип. Катков и К^о, 1869. 59 с.

со стороны власти⁵⁷. Это сплотило профессуру не вокруг фигуры директора, а вокруг принципа академической солидарности и коллегальности. Раскол между Железновым и большинством совета знаменовал собой кризис традиционной иерархии и становление нового корпоративного этоса, где внутренние договоренности стали цениться выше административного подчинения. Таким образом, уход Железнова был не просто административной отставкой, а смысловой капитуляцией. Он осознал, что созданная им либеральная система породила новые, чуждые ему формы социальности, где его роль «просвещенного патриарха» более не была релевантной. Этот конфликт вышел далеко за стены Академии, став проявлением общероссийского напряжения между уходящей патриархальной моделью управления и возникающими демократическими и корпоративными принципами, определяющими жизнь образованного общества в пореформенную эпоху.

Возникшая ситуация стала для ученого проявлением глубокого личностного кризиса, обусловленного утратой доверия с двух сторон: как со стороны студенчества, так и со стороны профессорской корпорации. Эта двойственная изоляция особенно остро воспринималась в контексте многолетнего бескорыстного труда по созданию Академии, что придавало ситуации характер экзистенциального провала. Процесс принятия решения об отставке демонстрирует сложную внутреннюю борьбу. Об этом свидетельствует двухэтапность его действий: первоначальное прошение от 25 апреля 1869 г. о назначении временного заместителя на период командировки в г. Санкт-Петербург для участия в Ботаническом конгрессе и всемирной выставке садоводства, а затем, спустя всего три дня, окончательное прошение об отставке⁵⁸. Такой поэтапный уход может быть интерпретирован как психологически обоснованная стратегия дистанцирования, позволяющая смягчить травму разрыва с делом жизни.

Реакция министерства, выразившаяся в лестной оценке заслуг Н.И. Железнова и назначении его членом Совета министра государственных имуществ, представляет собой характерный

⁵⁷ Журналы заседаний совета Петровской земледельческой и лесной академии за 1868, 1869 и первую половину 1870 года. М., 1876. С. 103.

⁵⁸ РГИА. Ф. 398. Д. 12003. Л. 1–3.

бюрократический ритуал реинтеграции, направленный на символическую компенсацию утраты статуса. Это назначение можно рассматривать как форму почетного исключения из прежнего профессионального сообщества с одновременным включением в высшие бюрократические структуры. Таким образом, отставка Н.И. Железнова знаменует важный рубеж в трансформации академической культуры России 1860-х гг., когда патриархальная модель просвещенного реформатора уступала место новым формам академической самоорганизации и взаимодействия. Добровольная отставка Н.И. Железнова символизировала завершение определенного этапа: созданная им система начала жить по собственным, а не до конца предсказанным законам.

История Н.И. Железнова — это модель русского просветительского проекта в его наиболее цельном и последовательном воплощении. Его жизненная стратегия, сочетавшая научный рационализм с высокой общественной этикой, позволила ему заложить основы нового типа аграрного образования и стать пионером в ряде направлений отечественной агрономии. Образовательная модель Петровской академии, несмотря на все внутренние конфликты и кратковременность существования в первоначальном виде, доказала свою эффективность, дав путевку в жизнь целой плеяде ученых и практиков. Трагедия личного отстранения Н.И. Железнова от своего детища обернулась доказательством жизнеспособности заложенных им принципов автономии, которые пережили своего создателя. Таким образом, «феномен Железнова» позволяет говорить не о провале или триумфе, а об укоренении идей. Его наследие — это не только конкретные научные открытия или созданное учебное заведение, но и демонстрация того, что проекты, основанные на доверии к человеческому разуму и ответственности, обладают значительным запасом прочности и способны давать всходы, даже когда почва эпохи кажется неподатливой и суровой. Его опыт — это ценный ресурс для понимания механизмов и условий успешной реализации масштабных социальных и научных преобразований в переломные периоды истории.

ГЛАВА III

ПЕТРОВСКАЯ (ТИМИРЯЗЕВСКАЯ) АКАДЕМИЯ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ФЕНОМЕН

Эпоха второй половины XIX — начала XX вв. стала поворотной в истории российской периодики, когда газеты и журналы перестали быть исключительно канцелярскими сводками и превратились в полемическую площадку, в которой формировались научные представления, образовательные программы и общественные идеалы. В этот период развивались универсальные принципы научной критики, отражался процесс институционализации знаний, а также происходил переход к более системному освещению вопросов сельского хозяйства, аграрной экономики, естественных и сельскохозяйственных наук. Именно здесь, на стыке журналистики, академической традиции и нового типа образовательной деятельности, начинает выстраиваться специфическая историография периодической печати: не только хроника фактов, но и аналитика методов исследования, критический разбор источников, попытки реконструировать научные траектории через призму газетной публикации.

Петровская (с 1923 г. — Тимирязевская) академия, будучи ведущим аграрным учебным заведением империи, оказалась в эпицентре этого процесса. Ее репрезентация в медиапространстве позволяет реконструировать не только историю института, но и процесс формирования нового типа научной коммуникации, основанной на принципах публичности и социальной ответственности⁵⁹. Особую значимость приобретает анализ того, как через

⁵⁹ Более подробно см.: *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.

призму периодической печати происходило становление научно-этого аграрного сообщества, каким образом конструировался образ ученого-агронома как носителя специального знания, и какие стратегии использовались для интеграции научного дискурса в общественное сознание. Все это позволяет рассматривать периодическую печать не просто как источник информации, но и как активного участника процесса научной институционализации.

Историография периодической печати изучаемого периода опирается на комплекс взаимодополняющих источников, анализ которых позволяет выявить становление «научного этоса»⁶⁰ как социальной нормы. Каталоги и библиографические заметки в самих изданиях, журнальные рецензии на научные публикации, воспоминания сотрудников редакций, наконец, рукописные архивы научных учреждений — все это образует многослойный дискурс, в котором переплетаются официальные и неформальные практики коммуникации. Специалисты начали систематизировать сведения о персоналиях ученых, институтах, методах преподавания, используя периодическую печать не просто как хроникальный источник, но и как инструмент реконструкции интеллектуальных траекторий.

Особого внимания заслуживает эволюция подходов к изучению научной периодики. Если в начале рассматриваемого периода преобладал библиографический метод, ориентированный на фиксацию отдельных публикаций и их авторов, то к концу XIX в. складывается системный подход, рассматривающий периодику как целостный феномен научной коммуникации. Исследователи стремились проследить «социологию идей» — каким образом агрономические, ботанические, физиологические концепции усваивались и трансформировались в общественном сознании.

При научном рассмотрении проблемы значимым становится обращение к анализу типологизации источников и их информа-

⁶⁰ Научный этос — это совокупность норм и ценностей, которые регулируют отношения между членами научного сообщества в ходе научной деятельности. Концепция этоса науки была предложена американским социологом науки Р. Мертоном в 1942 году. Мертон считал, что этос обеспечивает согласованное функционирование науки как социального института и эффективность научных исследований. Более подробно см.: *Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / Ed.B. Barnes. L.: Penguin Books, 1972; Pp. 65–79; Merton R.K. The Sociology of Science. Chicago: Chicago University Press, 1973. Pp. 267–278.*

ционного потенциала. Особенности источниковой базы определяются триадой форм, каждая из которых репрезентирует определенный аспект научной коммуникации. Так, журнальные заметки и корреспонденции фиксируют не только биографические данные деятелей науки, но и повседневные практики — от описания образовательных программ до библиографических списков и полемических откликов на предшествующие работы. Эти материалы особенно ценны для реконструкции повседневной жизни научного сообщества, его неформальных связей и коммуникативных стратегий. Корреспонденции из региональных центров, где развивались сельскохозяйственные эксперименты, демонстрируют процесс «приземления» академического знания, его адаптацию к локальным условиям и практикам. Через эти материалы можно проследить, как теоретические разработки Петровской земледельческой и лесной академии внедрялись в практику региональных хозяйств, с какими трудностями сталкивались и какие модификации претерпевали. Академические очерки выполняют роль синтетических обзоров, позволяющих историку науки реконструировать логику исследовательских школ и механизмы трансфера знаний между учебными заведениями и академическими центрами. Эти тексты часто создавались ведущими профессорами академии и представляли собой рефлексию над состоянием и перспективами развития научных направлений.

Вторая половина XIX века стала периодом кардинальной трансформации медиаландшафта, обусловленной комплексом социокультурных факторов. Смещение акцента с «толстых» литературно-общественных журналов («Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская мысль» и др.) в сторону газетной периодики было вызвано несколькими взаимосвязанными процессами. Рост грамотности и урбанизации создал массовую аудиторию, заинтересованную в оперативной информации. Технологические инновации в полиграфии (внедрение ротационных машин, усовершенствование наборных процессов) значительно увеличили тиражи и снизили стоимость изданий. Особую роль сыграли изменения в законодательстве о печати. Отмена предварительной цензуры в 1865 году и последующие послабления после Манифеста 17 октября 1905 года создали качественно новые условия для развития периодики. Эти изменения напрямую затрагивали и научную журналистику — у ученых появилось больше

возможностей для публичного обсуждения актуальных проблем науки и образования.

Вторая половина XIX века стала эпохой активной интеграции агрономических знаний в систему образования и общественной жизни. Появилась потребность в систематизации знаний о растениях, почве, климате и технологиях ведения хозяйства, что нашло отражение и в периодической печати. Роль сельскохозяйственных академий, агрономических факультетов и экспериментальных станций стала заметной как в образовательном, так и в научном пространстве страны. В периодической печати, связанной с формированием образа Петровской (Тимирязевской) академии, явственно прослеживаются несколько ключевых тенденций рассматриваемого периода. Прежде всего отмечалось усиление роли экспедиционных и полевых данных в аграрной науке и их интерполяция в учебные курсы. Второй момент заключался в фиксации превращения практики агрономии в теоретическую дисциплину с четко выстроенными методиками исследования. И, наконец, массовое участие общественных и образовательных институций в распространении новых знаний через открытые лекции, журнальные статьи и учебные пособия.

Необходимо отметить основные тенденции в развитии периодической печати во второй половине XIX — начале XX вв. Прежде всего, исторические реалии рассматриваемого периода отражала трансформация медиаландшафта от журналов к газетам. Газеты стали универсальным средством информации, сочетая политические новости, культурные обзоры, литературные произведения и рекламу.

К началу XX века сформировалось разделение на «большую» прессу (например, «Русское слово», «Новое время») и «малую» прессу (например, «Газета-копейка»⁶¹), ориентированную на массового

⁶¹ «Газета-копейка» — ежедневная бульварная газета, выходившая в 1908–1918 годах в Петербурге. Некоторые факты об издании: На страницах публиковали актуальные городские новости, фельетоны, сообщения из-за рубежа, небольшие заметки, посвященные политической жизни России. Газета имела низкую стоимость (по сравнению с другими изданиями), благодаря чему пользовалась большой популярностью среди читателей (особенно, среди мещан и рабочих). Одним из авторов газеты была мать Михаила Зощенко Елена Сурина, печатавшая в издании рассказы о жизни бедняков. К «Газете-копейке» выходили многочисленные приложения, в том числе «Журнал-копейка», «Всемирная панорама», «Листок-копейка» и другие.

читателя. «Большие» газеты писали о международной политике, рецензировали театральные премьеры, публиковали очерки и стихотворения, приводили биржевые сводки, ориентируясь на более образованную аудиторию. Наиболее авторитетными газетами последней трети XIX — начала XX вв. считались «Русское слово», петербургское «Новое время», интеллигентские «Русские ведомости» и деловые «Биржевые ведомости». «Малая» пресса рассчитывала на городского обывателя из низов, тяготеющего к сенсациям, криминальной хронике, местным новостям и бульварным романам. К данной категории относились издания «Газета-копейка», «Петербургский листок», «Московский листок» и «Одесский листок». Альтернативой этим изданиям стала легальная печать для рабочих, но рабочие газеты имели политизированный характер подачи информации чем активно вовлекали в свою деятельность читателей⁶². Всплеск газетного дела связан с технологическими нововведениями рубежа XIX—XX веков. Периодическая печать зависела от работы почты, телеграфа, междугородного телефона, железных дорог⁶³. Исследователи выделяют несколько ключевых функций периодической печати этого периода. Прежде всего, формирование общественного мнения: периодика стала инструментом идеологического воздействия как со стороны государства, так и со стороны различных общественных групп. Во-вторых, стали каналом коммуникаций общество — правительство, в рамках которого газеты и журналы позволяли обществу выражать свое отношение к политике властей.

После Октябрьской революции газета подверглась цензуре, что привело к прекращению выхода «Газеты-копейки» с ноября 1917 по март 1918 г. В августе 1918 года «Газета-копейка» была закрыта. Кроме петербургского издания, в 1909 году М.Е. Городецкий и В.А. Анзимиров начали выпускать «Газету-копейку» в Москве (с 1910 года «Московская газета копейка», с 1912 — «Московская копейка», в 1917–1918 — «Газета для всех»). К 1913 году петербургская «Газета-копейка» по своим тиражам вышла на один уровень с «Русским словом», выпускавшимся издательством Сытина в Москве с 1894 года, однако стоила в три раза дешевле него. У газеты были собственные типографии в Петербурге и Москве. В 1914 году товарищество издательского дела «Копейка» стало акционерным обществом.

⁶² Лунев С. Газетное дело начала XX века. Как была устроена пресса Российской империи 1900–1914 годов. Электронный ресурс. URL: <https://vatnikstan.ru/history/gazetnoe-delo-1900-1914/> (дата обращения: 29.10.2025).

⁶³ Вольфсон И.В. Практика газетного издательства. Краткое руководство. Пг., 1919. С. 18.

«Московская газета-копейка» за 5 апреля 1911 года

В-третьих, информационная функция периодики позволяла оперативно распространять новости, включая международные события, биржевые сводки и культурные обозрения. И, наконец, коммерческая функция прессы реализовывалась все явственнее, так как реклама и объявления стали важным источником финансирования изданий.

Периодическая печать стала более специализированной⁶⁴. Помимо универсальных газет, появились издания, ориентиро-

⁶⁴ На 1913 год по Российской империи учтено 1158 газет (для сравнения: в 1908 году — 794 газеты). Главными газетными центрами стали Санкт-Петербург, Москва и Варшава, где были зарегистрированы 119, 59 и 56 изданий соответственно. Города, где накануне Первой мировой войны по Российской империи официально издавалось более десяти наименований газет: в Одессе — 38 газет, в Риге — 36, в Тифлисе — 28, в Вильно — 25, в Ревеле — 22, в Киеве — 19, в Нижнем Новгороде — 15, в Иркутске — 15, в Лодзе — 14, в Баку — 13, в Екатеринославе — 13, в Казани — 13, в Кишиневе — 12, в Кутаиси — 12, в Саратове — 12, в Харькове — 12, в Оренбурге — 10. См.: Статистика произведений печати, вышедших в России в 1910 году. СПб.: 1911. С. 104–110. Тиражи были невелики. До Первой мировой войны ни одна газета не смогла преодолеть отметку в полмиллиона экземпляров одного номера. Самый большой тираж имело выходившее в Москве «Русское слово» — более 300 тысяч копий в 1913 году. В силу удобного географического расположения газеты Москвы шире и быстрее распространялись по России. Утренние выпуски газет Первопрестольной доставлялись в города вроде Рязани и Ярославля к полудню. Тираж влиятельного столичного «Нового времени», особо близкого к высшему царскому чиновничеству, составлял от 80 до 200 тысяч экземпляров в зависимости от номера в 1913 году.

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

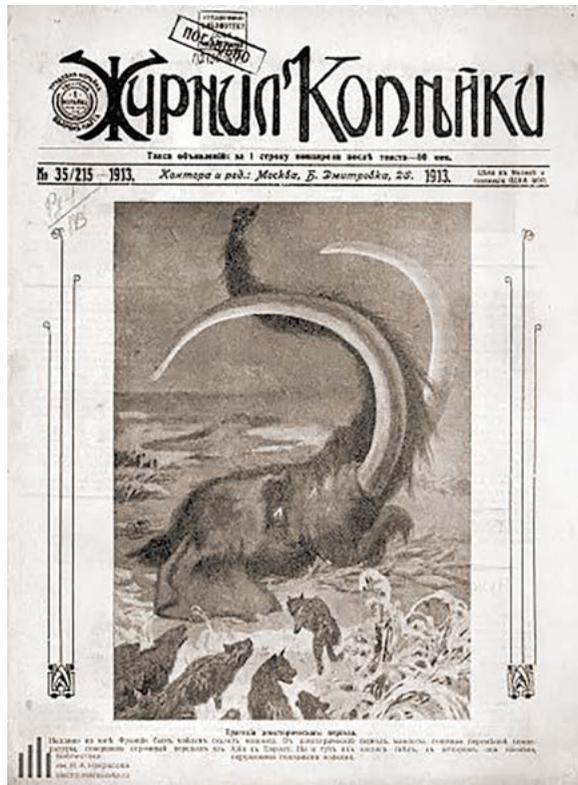
ванные на конкретные аудитории: научные и отраслевые журналы (например, сельскохозяйственные, экономические, юридические). Политические издания, связанные с различными партиями и движениями. Региональная пресса, отражающая местные новости и проблемы.

Таблица

Основные типы периодических изданий второй половины XIX — начала XX вв.

Тип издания	Примеры	Аудитория
Универсальные газеты	«Русское слово», «Новое время»	Широкая публика
Специализированные журналы	«Труды Вольного экономического общества»	Ученые, специалисты
Политические издания	«Правда» (РСДРП), «Гражданин»	Партийные активисты
Будуарная пресса	«Газета-копейка», «Журнал-Копейка», «Московская газета-копейка», «Петербургский листок»	Городские низы

Для осмысления места Петровской (Тимирязевской) академии в контексте периодической печати изучаемого периода важно понимание факта, что основанная в 1865 году как Петровская земледельческая и лесная академия она была не только учебным заведением, но и важным интеллектуальным центром. Ее профессора и студенты активно участвовали в общественной жизни, что находило отражение в периодической печати. Профессора академии (такие как М.П. Щепкин, И.И. Иванюков, И.А. Стебут, К.А. Тимирязев, М.К. Турский, В.В. Докучаев, Д.Н. Прянишников и др.) публиковали статьи в научных и общественно-политических изданиях, пропагандируя достижения агрономической науки. В периодике часто поднимались темы, связанные с сельским хозяйством, образованием и научными исследованиями, что делало Академию одним из центров дискуссий.

«Журнал-Копейка», № 35 за 1913 год⁶⁵

Академия фигурировала в периодической печати в нескольких контекстах. Наиболее важный блок составляют научные и образовательные публикации, как в публичных, так и специализированных изданиях (например, сельскохозяйственные журналы), в которых освещалась деятельность Академии, ее исследования и учебные программы. Второй блок составляют об-

⁶⁵ Бульварный «Журнал-Копейка» издавался в начале XX века и рассказывал обо всем на свете. Например, № 35 за 1913 год рассказывает о том, что испанский король был замечен босиком на пляже, в Африке нашли скелет дракона (видимо, динозавра), в Америке есть подземный сад, и в нем растут шампиньоны, картошка и сельдерей, а на курортах Франции прошел костюмированный вечер собак. На обложку издание поместило картину боя мамонта с древними волками.

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

щественно-политические дискуссии. Третий блок составили публикации, затрагивающие «вписанность» учебного заведения в культурную жизнь города и страны. Академия и ее окрестности (включая исторический парк и усадьбу Петровско-Разумовское) часто упоминались в путеводителях и культурных обзорениях⁶⁶. Отдельно целесообразно отметить влияние Академии на специализированную прессу. Тимирязевская академия способствовала развитию специализированной сельскохозяйственной периодики. Профессора и выпускники академии участвовали в создании и редактировании изданий, посвященных сельскому хозяйству. Академия была связана с изданиями, которые публиковали результаты агрономических исследований, такими как «Журнал опытной агрономии»⁶⁷, «Сельский вестник»⁶⁸ и «Сельскохозяйственный вестник»⁶⁹.

⁶⁶ См., например: Московский календарь на 1872 г. Путеводитель по Москве и ее окрестностям, с адресными справочными сведениями. Москва: Издание И. Анского, 1872. С. 134–135; Москва: Историческое описание Москвы. Вся Москва в кармане. Ист. рассказы о достопамятностях и достопримечательностях Москвы, от дня ее основания и до наших времен: История. Этнография. Статистика. Топография. Нравы и обычаи. Справ. адрес календарь: Сост. любители рус. старины. Москва: Д. Преснов, 1873. 576 с. С. 528–529; Полнейший путеводитель по Москве и ее окрестностям: со всеми необходимыми сведениями, как для приезжающих, так и для живущих в Москве: с подроб. ил. пл. Москвы, окрестностей и окруж. ж. д. Москва: Н.П. Дубов и Н.А. Пономарев, 1909. 80 с.; Всеобщий путеводитель по Москве и окрестностям: с приложениями плана Москвы, окрестностей, электрических трамваев и театров. 3. изд. Москва: Изд. Петрова, 1911. 94 с. и др.

⁶⁷ Журнал опытной агрономии / издатель-редактор Коссович П. С. (1862–1915). Периодические издания. Санкт-Петербург: Типография Альтшулера, 1900–1915.

⁶⁸ Сельский вестник (рус. дореф. Сельский вѣстникъ) — еженедельная народная газета, издававшаяся при «Правительственном вестнике» с сентября 1881 по ноябрь 1917 годов. Сначала «Сельский вестник» выходил полулистовыми номерами и почти исключительно был посвящен правительственным распоряжениям; платных подписчиков было около 5000. Позже, когда газета стала постепенно расширять свою программу, печатая главным образом статьи по вопросам крестьянского обихода, число платных подписчиков быстро возросло и достигло 70 000. Волостным правлениям «Сельский вестник» рассылался бесплатно в общем количестве 15 000 экземпляров. Кроме того, ежегодно издавалось бесплатное приложение — «Календарь и справочная книжка», где, кроме обычных календарных сведений, помещались различные полезные советы по крестьянскому обиходу.

⁶⁹ Сельскохозяйственный вестник: Еженедельный. ил. журнал сельского хозяйства, разведения животных и домоводства. Годы: 1891–1897.

«Сельский вестник». 1881 г. № 1

Таким образом, периодическая печать второй половины XIX — начала XX вв. стала важным инструментом формирования общественного мнения и распространения информации. Его трансформация от литературных журналов к массовым газетам отразила социально-политические изменения в Российской империи. Петровская (Тимирязевская) академия заняла свое место в этом

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

медиа-ландшафте как центр научной, образовательной и общественной деятельности. Ее влияние проявлялось в публикациях профессоров, обсуждении аграрных вопросов и упоминаниях в культурном контексте. Историография проблемы периодической печати этого периода продолжает развиваться, включая новые аспекты, такие как региональные исследования и анализ специализированных изданий. Дальнейшее изучение имиджевой роли Академии и научного образа в периодической печати может углубить наше понимание взаимодействия между образованием, наукой и медиа в важный период нашей истории, когда преобразования в обществе пытались реализовывать не путем ломки и социальных потрясений, а путем системного реформирования.

Созданная в XIX веке как ведущее учебно-научное учреждение по агрономии и биологии Петровская (Тимирязевская) академия стала важной точкой пересечения академической теории и педагогической практики. Ее фиксация в периодической печати происходила по нескольким направлениям. Прежде всего, это институционализация аграрной науки в публикациях периодики. Периодическая печать изучаемого периода активно освещала развитие академических центров, задач, реализуемых в рамках конкретных проектных программ. Петровская (Тимирязевская) академия выступала как пример институционализации аграрной науки, где теоретические подходы сочетались с экспериментальной работой и практическим обучением. В публикациях встречаются рассказы об открытии новых лабораторий, о развитии экспериментальной базы, о подготовке кадров, о сотрудничестве с педагогическими школами и сельским хозяйством. Историографически эти материализованные формы свидетельствуют об эволюции науки как процесса, который сопровождается изменениями в образовательной системе.

В периодической печати масштабно фиксировались и методы преподавания дисциплин: от ботаники к агрономии и физиологии. В текстах периодики встречаются обзоры, где описываются методологические принципы агрономии, физиологии растений и ботаники. В частности, в рамках академии развивались направления, связанные с физиологией растений, световым режимом, водным режимом, биохимией и экспертизой почв. Историографическая реконструкция этих аспектов помогает понять, как менялись учебные программы, какие дисциплины выходили

на передний план и какие исследования считались приоритетными. Периодика не только фиксировала факты, но и формировала образ научной картины мира, в которой академическое учреждение выступало как источник новых знаний, которые затем внедрялись в практику сельского хозяйства.

Источники периодической печати XIX — начала XX вв. освещают не только научные открытия, но и педагогическую миссию академии: как формировались учебные планы, какие методы преподавания применялись, какие требования предъявлялись к студентам, как оценивалась их подготовка. В текстах можно увидеть описания лекций, учебных курсов, лабораторных занятий, а также формулировки целей образования⁷⁰. Это помогает реконструировать образ образования как целостного процесса: от подготовки будущих учителей, инженеров и исследователей до формирования просветительской и профессиональной элиты, которая будет влиять на развитие аграрной культуры страны. Особенностью освещения образовательных практик в периодике был акцент на их инновационности. Подробно описывались новые методы преподавания, организация практических занятий, использование наглядных пособий и демонстрационных экспериментов. Все это создавало образ Академии как передового учебного заведения, идущего в ногу с современными педагогическими тенденциями.

Значимое место занимали дискуссии о содержании аграрного образования, которые велись на страницах периодических изданий. В этих дискуссиях сталкивались разные подходы — от узкопрактического до фундаментально-научного. Профессора академии отстаивали необходимость сочетания глубокой теоретической подготовки с практическими навыками, что находило отражение в публикациях. Важным выглядит и взаимосвязь академии и общественных усилий по просвещению. Периодическая печать того времени часто подчеркивала роль образовательных учреждений в общественном просвещении. Петровская (Тимирязевская) академия становилась прикладной площадкой для проведения открытых лекций, демонстраций, аграрных выставок, публикаций методических материалов. Это подчеркивает связь между Академией и обществом: на страницах периодических изданий речь

⁷⁰ См.: Памятная книжка Петровской земледельческой и лесной академии. М., 1866–1867. Составлена по 15 апреля 1866 года.

шла о распространении знаний, продвижении новых технологий, расширении агрообразования в регионах. В этом контексте Академия становилась частью культурной инфраструктуры, через которую знания о растительном мире и агротехнике попадали к широкому читателю.

Газетные и журнальные публикации того времени демонстрируют интерес не только к фактологическому описанию, но и к интерпретационному конструкту: как именно объяснять причины успехов и неудач, как соотносить научные открытия с экономическими и социальными контекстами, как оценивать влияние образовательной деятельности. В контексте Петровской (Тимирязевской) академии особенно важно отделять эпистолярно-публицистические материалы от строго научных работ, учитывать жанровые различия между газетными заметками, очерками, обзорами и академическими монографиями. Историографам приходится работать с переплетением публичной риторики и академической дисциплины, чтобы не исказить динамику развития науки.

В целом, характеризуя газетные и журнальные публикации, необходимо указать на фиксацию и демонстрацию в них сложного переплетения фактологического описания и интерпретационных конструктов. В контексте Петровской (Тимирязевской) академии особенно важно различать эпистолярно-публицистические материалы и строго научные работы, учитывая жанровые различия между газетными заметками, очерками, обзорами и академическими монографиями. Историкам приходится работать с этим многослойным дискурсом, чтобы реконструировать подлинную динамику развития науки и ее восприятия обществом. В целом в исторических реалиях второй половины XIX — начала XX вв. периодическая печать сыграла ключевую роль в формировании публичного образа Петровской (Тимирязевской) академии как ведущего центра аграрной науки и образования в России. Посредством медиарепрезентации конструировался образ ученого-агронома как носителя специального знания и социального реформатора, формировался престиж научной деятельности, транслировались достижения и инновации. Все это позволяет рассматривать периодическую печать не как пассивное зеркало, отражавшее деятельность Академии, а как активного участника процесса научной коммуникации и институционализации.

ГЛАВА IV

УЧАСТИЕ ТИМИРЯЗЕВСКОЙ АКАДЕМИИ В ПРОТЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ФИКСАЦИЯ В ПРЕССЕ

Тимирязевская академия, основанная в 1865 году как Петровская земледельческая и лесная академия, с момента своего создания стала не только центром аграрной науки, но и значимым пространством формирования общественно-политической активности студенчества. Вторая половина XIX века в России характеризовалась ростом освободительного движения и студенческого протеста, и академия оказалась в эпицентре этих процессов. Исследование форм и причин участия Академии в протестной деятельности указанного периода, опираясь на исторические источники и научные публикации позволяет глубже понять взаимодействие образовательной среды и политических процессов в имперской России. Основанная в эпоху Великих реформ, Академия изначально отличалась достаточно демократичным уставом, который допускал прием лиц всех сословий без ограничений возраста⁷¹. Это способствовало формированию разнородной студенческой среды, включающей как представителей привилегированных классов, так и разночинцев. Однако именно социальная неоднородность и прогрессивные взгляды преподавательского состава создавали предпосылки для возникновения протестных настроений.

Важным фактором стало и расположение Академии — усадьба Петровско-Разумовское, удаленная от центра Москвы, предоставляла студентам определенную автономию, что способство-

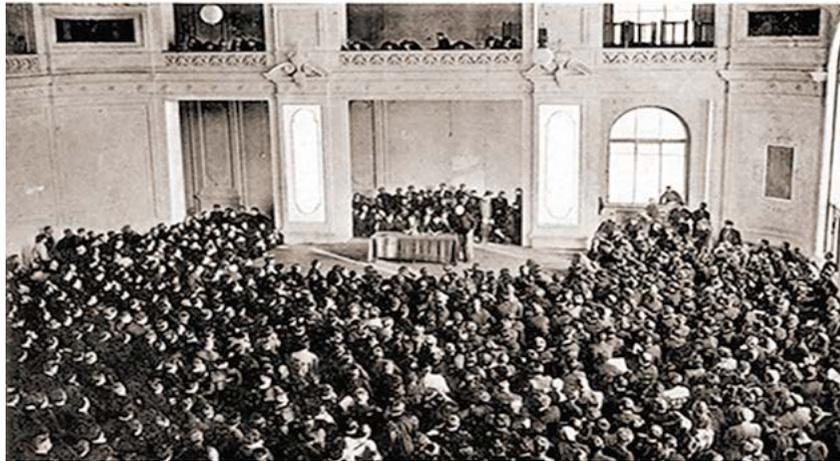
⁷¹ Устав Петровской земледельческой и лесной академии... Санкт-Петербург, 1865. С. 1. Параграфы 1–4.

вало формированию самостоятельных студенческих кружков и объединений. Кроме того, после отмены крепостного права в 1861 году страна остро нуждалась в грамотных сельскохозяйственных специалистах, и академия стала центром притяжения для молодежи, стремившейся к знаниям и преобразованию общества.

Петровская земледельческая и лесная академия играла одну из ключевых и наиболее радикальных ролей в студенческом движении 1860–1870-х годов, во многом соответствуя общей картине, но выделяясь особой активностью. Участие Академии в этом процессе было не эпизодическим, а системным и глубоким. В Академии присутствовали все формы академического протеста, но их масштаб и накал были выше, чем во многих других вузах. Причины этого явления видятся в сравнительно либеральном уставе. Академия имела больше автономии, меньше казарменной дисциплины, что способствовало развитию самоуправления и вольномыслия. Вторым немаловажным фактором являлся «Разночинный» состав студентов: сюда поступали в основном не дети аристократов, а выходцы из небогатых семей, семинаристов, стремившиеся к получению практической профессии, и этот слой был наиболее восприимчив к радикальным идеям. Третьим фактором является специфика образования, способствующая распространению материалистических и нигилистических взглядов, популярных в радикальной среде. Конкретные формы протеста в Академии формировались по трем направлениям. Нелегальные сходки и кружки были обычным делом. Студенты собирались для обсуждения политических вопросов, чтения запрещенной литературы (Чернышевский, Писарев, Лавров, а затем и Маркс). В 60–70-х гг. XIX века значимое влияние на студенческую массу начинают оказывать землячество. Петровское землячество было одним из самых сильных и сплоченных, служа основой для организации коллективных действий. Радикальная форма протеста — бойкоты и забастовки вспыхивали регулярно в ответ на действия начальства или политические события в стране.

Но самым ярким аспектом участия Академии с протестной деятельности стала связь с революционными организациями. В середине 1860-х годов Петровская земледельческая и лесная академия в Москве стала одним из важных центров притяжения для радикально настроенной молодежи. Именно здесь разворачивалась деятельность революционного кружка, созданного

Николаем Андреевичем Ишутиным⁷², который поступил в Московский университет в 1863 году. Ключевой опорой «ишутинцев» стали студенты не только университета, но и, что особенно важно, Петровской сельскохозяйственной академии. Преимущественно выходцы из разночинской среды, они были вдохновлены идеями Николая Чернышевского и мечтали о коренном переустройстве общества на социалистических началах через крестьянскую общину. Для студентов-петровцев, изучавших естественные науки и агрономию, эти идеи имели практическое измерение: они видели путь к изменению жизни народа через переустройство его хозяйственного уклада. Однако под влиянием Н.А. Ишутина, склонного к конспирации и радикальным методам, изначально просветительские цели кружка стали смещаться в сторону заговора.

Студенческая сходка 1860–1870-х гг.

Н.А. Ишутин, проявлявший качества лидера и тягу к властвованию, создал внутри своей «Организации» крайне радикальную группу под названием «Ад». Задачей этой ячейки

⁷² **Николай Андреевич Ишутин** (3 [15] апреля 1840, Сердобск — 5 [17] января 1879, Карийская каторга) — русский революционер, один из первых социалистов-утопистов, создатель революционных кружков. Один из первых представителей русских революционеров-заговорщиков, руководствовавшихся принципом «цель оправдывает средства».

была подготовка цареубийства как способа встряхнуть народ и спровоцировать революционные изменения. И именно в этой рискованной деятельности студенты Петровской академии играли значительную роль, находясь в самой гуще заговора. Их участие оказалось роковым. Когда двоюродный брат Ишутина, Дмитрий Каракозов (также связанный с кружком), в 1866 году совершил неудачное покушение на императора Александра II, последовали жесточайшие репрессии. Кружок был разгромлен, а его участники, в том числе и студенты Петровской академии, арестованы. Это событие на несколько лет подавило студенческое движение в России и положило конец относительно либеральному университетскому курсу.

Таким образом, студенты Петровской академии были не просто пассивными участниками, а активной силой в одном из первых в России революционных заговоров, основанных на идее индивидуального террора. Деятельность ишутинского кружка, в котором петровцы заняли заметное место, стала мрачным предвестником последующей эпохи революционного народничества и продемонстрировала, как академическая среда может становиться питательной средой для радикальных политических проектов. Их история логически предвещает еще более громкую связь Академии с революционным подпольем — деятельность Сергея Нечаева и убийство студента И. Иванова в 1869 году.

Уже в первые годы существования Академии студенты проявляли недовольство существующими порядками. Например, в 1876 году будущий писатель Владимир Короленко, обучавшийся в академии, вместе с товарищами возглавил акцию протеста против притеснений студентов. В 1874–1876 гг. Короленко слушает лекции в Петровской лесной академии великого ученого Тимирязева, с которым успел подружиться, а тот, желая облегчить быт полуголодного студента, поручает ему изготовление демонстрационных материалов для своих лекций — Короленко хорошо рисовал и чертил. Но за участие в студенческих беспорядках Владимира исключили из Академии и выслали из Москвы под надзор полиции на север Вологодской губернии. Он подписал адрес с перечислением притеснений и вручил его директору. В результате В. Короленко и его соратники были исключены из Академии и высланы из Москвы. Это событие стало примером организованного студенческого протеста, направленного против административного произвола.

Традиция организованного сопротивления в Академии имела глубокие корни. Ярким примером свободомыслия явилась и акция протеста 1876 года, которую возглавил студент Владимир Короленко⁷³. В.Г. Короленко поступил в Академию в начале 1874 года после исключения из Петербургского технологического института из-за финансовых трудностей и участия в студенческих волнениях. Петровская академия была в то время одним из самых прогрессивных и демократичных учебных заведений России, центром притяжения талантливой, но зачастую небогатой молодежи, жаждущей знаний и мыслящей независимо. Для В.Г. Короленко, выросшего в семье судьи с твердыми представлениями о справедливости, эта атмосфера была родственной. В академии 70-х гг. XIX в. царил «дух народничества», студенты не только изучали агрономию и лесное дело, но и горячо спорили о путях развития России, о долге интеллигенции перед народом. Многие студенты летом уезжали «в народ» — работать земскими агрономами, учителями, чтобы быть ближе к крестьянству.

В. Короленко даже назначили стипендию из-за нехватки собственных средств у студента. Во время учебы он не забывал семью и часто брал в Академии краткие отпуска, чтобы побыть с родными. Ключевое событие, послужившее поводом для отчисления В.Г. Короленко из Академии, связано с инцидентом в столовой в апреле 1876 года. Суть конфликта заключалась даже не столько в «качестве еды», сколько это был вопрос уважения и достоинства. Студенты неоднократно жаловались на откровенно плохое питание и хамское отношение содержателя столовой. Их обращения игнорировались администрацией, что воспринималось как пренебрежительное отношение к студенчеству как к сообществу. Следствием конфликта стало появление коллективного заявления поданного директору академии, что явилось актом гражданской

⁷³ **Владимир Галактионович Короленко** (15 [27] июля 1853, Житомир — 25 декабря 1921, Полтава) — русский писатель, журналист, публицист, общественный деятель. Почётный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности (1900–1902, с 1918). Известный публицист, заслуживший признание своей правозащитной деятельностью как в годы царской власти, так и в период Гражданской войны и советской власти. Короленко был связан с революционным движением, за что неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Значительная часть литературных произведений писателя навеяна впечатлениями о проведенном в Житомире детстве и ссылкой в Сибирь.

позиции. Студенты действовали организованно, как коллектив, требуя соблюдения своих прав. Для властей того исторического периода в свете радикализации студенческих проявлений любая организованность студентов была подозрительной и воспринималась как политическая вылазка.

Короленко В.Г., г. Москва, 1874 г.

Власти отреагировали жестко. Отчисление В.Г. Короленко и его товарищей (В.М. Устинова и Н.Ф. Четыркина) было не столько наказанием за жалобу на еду, сколько политической акцией, призванной подавить «дух непокорства» в одном из самых вольнодумных вузов страны. Важный нюанс: В.Г. Короленко исключили с правом восстановления через год. Это показывает, что формального повода для жесткого наказания не было, но администрация решила «проучить» активистов. Однако жизнь сложилась так, что В.Г. Короленко не вернулся в Академию. Причина в том, что после исключения его жизнь резко изменилась. В конце 1876 года, уже будучи отчисленным, В.Г. Короленко по доносу был арестован за участие в народническом движении. Начались годы тюрем,

ссылок (знаменитая ссылка в Вятскую губернию, затем в Сибирь). У него просто не было физической возможности вернуться к учебе. Его путь как профессионального революционера-народника, а затем и как писателя, начался именно с этого момента. Академия стала точкой отсчета его гражданского неповиновения.

Много лет спустя в октябре 1905 года В.Г. Короленко обращается с письмом к профессору А.Ф. Фортунатову, где заявляет, что «очень хотел бы принять участие в издании сборника в честь 50-летия Петровской академии». Это безусловно прекрасное свидетельство того, насколько важной для В.Г. Короленко была эта «альма-матер». 1905 год: Год первой русской революции. В.Г. Короленко — уже знаменитый писатель, признанный «совесть нации». В это время он обращается к профессору Фортунатову (известному статистику и экономисту) с желанием участвовать в юбилейном сборнике. Это не просто ностальгия. Это публичная демонстрация связи с идеалами молодости, с учреждением, которое олицетворяло для него свободомыслие и служение народу. В разгар революционных событий он как бы возвращается к истокам своего гражданского становления.

Правительство хорошо понимало «неблагонадежность» «Петровки». Предпринятые меры были суровыми. После дела Д.В. Каракозова и особенно после «нечаевского дела» в Академии был ужесточен надзор. В 1870 году последовали массовые исключения неблагонадежных студентов. Высочайше утвержденные 1 сентября 1878 г. временные правила «Об особых мерах к ограждению общественного спокойствия»⁷⁴, которые практически исключили прокурорский надзор за проведением дознаний, также больно ударили по Академии, вызвав протесты. Согласно Правилам, «чины Корпуса жандармов получили право ареста всех подозреваемых в совершении государственных преступлений лиц, не испрашивая на это санкции прокурора, а только направляя чинам прокурорского надзора для сведения копии постановлений

⁷⁴ «Временные правила» впервые позволили жандармерии проводить аресты и обыски по политическим преступлениям в административном порядке. Это происходило в случаях, когда виновность подозреваемого была для офицеров жандармерии очевидной, но не имелось необходимых улик, чтобы ее доказать (например, если обвинение строилось исключительно на агентурных данных, которые судами не учитывались как доказательства).

9 387
22 Окм. 1905
Петровка, М. Падомы
от 1.
125
Дорогой Алексей Федорович!
Мне пришла мысль написать к 25-летию Академии (адреса которого сейчас не помню), Вам уведомить, почему я не могу прислать Вам приветственной телеграммы в день 50-летия Академии. Заключая в письмо Ваше по поводу присоединения к журналу в сборнике. Но присоединяю, в котором я в Вашем адресе писал ранее, — боюсь и теперь давать телеграммы. Но все же как-то мне хотелось бы написать Вам что-нибудь в сборнике, пожелания: здоровья и для меня во всем наилучшим. М. Короленко, — кто-то телеграммы востановил о некоторых профессорах. Благодарю в том, что в молодости никогда не забывал о своих будущих воспитанниках и не собираюсь этого.

Письмо В.Г. Короленко профессору Петровского сельскохозяйственного института (был создан вместо Петровской академии) А.Ф. Фортунатову о возможном участии в сборнике в честь 50-летия Петровской академии с воспоминаниями о преподавателях Академии. Октябрь, 1905 г.

об арестованных. Получив такие сведения, чины прокурорского надзора никакого участия в распоряжениях по ним не принимали»⁷⁵. Однако действовали эти правила недолго, и 4 сентября 1881 г. были отменены⁷⁶. Петровская академия была не просто участником, а одним из эпицентров студенческого и революционного движения 1860–1870-х годов. Правомерность утверждения подтверждается участием в подготовке кадров для народного движения («хождение в народ»), связями с самыми радикальными организациями (ишутинцы, нечаевцы) и провокациями на фоне ключевых событий, менявших всю политику правительства в сфере образования (покушение Каракозова, убийство Иванова). Таким образом, описывая общее студенческое движение, именно на примере Петровской академии можно наиболее ярко показать его переход от академического протеста к революционной борьбе.

Ужесточение надзора за студенческими организациями и кружками вылилось в введение ограничений на прием определенных категорий студентов. Например, первоначально в Академию не принимали женщин, женатых мужчин и евреев, так как последних «боялись из-за революционного духа». Однако эти меры не всегда достигали цели. Протестная активность продолжалась, принимая новые формы, такие как создание подпольных кружков и издание нелегальной литературы. Протестная активность студентов носила не только сугубо академический, но и просветительский характер, способствуя формированию интеллигенции с развитым гражданским самосознанием. Изучение этой проблематики позволяет глубже понять не только внутреннюю историю одного из старейших аграрных вузов России, но и социальную динамику российского общества в преддверии революционных потрясений XX века. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть сосредоточены на анализе кон-

⁷⁵ Гугасари Е.С. Роль уголовно-процессуального законодательства Российской империи в борьбе с терроризмом (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 6. С. 215–216.

⁷⁶ Указ Именной, данный Сенату 4 сентября 1881. Об отмене действия некоторых узаконений, изданных к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. № 383. URL: http://www.nlr.ru/res/law_r/search.php (дата обращения: 25.09.2025).

кретных механизмов организации протеста внутри Академии и биографиях ее студентов-участников общероссийского движения.

Отражение студенческих волнений в Тимирязевской академии в прессе второй половины XIX века было сложным, противоречивым и напрямую зависело от политической ориентации издания. Пресса стала главной ареной, на которой формировался публичный образ Академии и ее студентов. Освещение можно условно разделить на три основных направления, соответствующих лагерям в российской периодике того времени: официально-консервативная пресса (например, «Московские ведомости» под редакцией М. Н. Каткова), либеральная и прогрессивная пресса (например, «Русские ведомости», «Голос», «Отечественные записки» до их закрытия) и революционно-демократическая нелегальная печать (листовки, прокламации).

Официально-консервативная пресса формировала образ «рассадника крамолы». Для этого направления прессы было характерна демонизация Академии. После скандального «нечаевского дела» (1869) Академия в консервативной печати прочно приобрела образ «гнезда нигилистов» и «рассадника революционной заразы»⁷⁷. Событие подавалось как закономерный итог вольнодумства, царившего в стенах вуза. Протесты студентов, включая события 1899 года, часто объяснялись не политическими или социальными причинами, а «леностью», «недостатком религиозного воспитания», «влиянием преступных агитаторов». Требования студентов игнорировались или высмеивались. Периодические издания направления высказывались с одобрением репрессивных мер. Закрытие Петровской академии в 1894 году и ее преобразование в Московский сельскохозяйственный институт с более строгим уставом подавалось как необходимая и мудрая мера правительства по наведению порядка. Характерна лексикологическая подача информации: использовалась терминология с резко негативной коннотацией: «буйство», «беспорядки», «крамола», «неблагонадежные элементы». Так, в газете «Москов-

⁷⁷ По уверению «Московских ведомостей», виновны вовсе не те, которые виновны, а виновата на первом плане петербургская литература, вожаками которой в злоумышлениях представляются Шелгунов, Суворин и Генкель. Цит.: по М.Е. Салтыкову-Щедрину. Наши бури и непогоды. Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 9. Критика и публицистика (1868–1883). М.: Художественная литература, 1970.

ские ведомости» можно было встретить формулировки, осуждающие «своеволие» студентов и призывавшие к «водворению порядка» самыми жесткими методами⁷⁸.

Многие статьи «Московских ведомостей» по поводу «нечаевского дела» носили характер неприкрытых доносов. 21 декабря 1869 г. «Московские ведомости» (№ 278) сообщали: «Всем известно, что с некоторых пор наша учащая молодежь стала предметом злонамеренной агитации. Наши учебные заведения осаждены каким-то тайным врагом, который на них пробует свои силы и который, нет сомнения, совсем не то, чем он выдает себя для уловления бедных молодых людей»⁷⁹. Поджигателями вредных и злонамеренных умонастроений в студенческой среде «Московским ведомостям» виделась «петербургская литература, вожаками которой в злоумышлениях представляются Шелгунов, Суворин и Генкель»⁸⁰. Издание пошло еще дальше, выступив с идеей новой системы следствия, рекомендуемой «Московскими ведомостями». По закону арестовывают обыкновенно тех, против кого есть несомненные улики относительно участия в преступлении. «Московские ведомости» держатся того мнения, что так ничего не разыщешь, поймаешь только мелкоту, а корни — главные виновники — останутся скрытыми. По их мнению, надобно брать не по несомненным уликам, и даже не по уликам, а так просто по предположению или, точнее сказать, по вдохновению»⁸¹.

Либеральные издания занимали более взвешенную, но в целом солидизирующую позицию. При анализе причин они стремились разобраться в корнях проблемы, указывая на связь студенческих волнений с общим кризисом в стране: отсутствием гражданских свобод, полицейским произволом, применении «Временных правил» 1899 года с отдачей забастовщиков в солдаты, ограничением университет-

ской автономии. В отличие от консервативной прессы, либеральные газеты старались донести до публики реальные требования протестующих (академические свободы, отмена ограничений для студентов, право на собрания), что само по себе было важным политическим актом. Они часто критиковали жесткие, чисто репрессивные меры властей, утверждая, что подобные действия лишь усугубляют конфликт и радикализируют молодежь. Такие издания, как «Русские ведомости», выполняли важную функцию хроникера, сообщая о ходе забастовок, количестве исключенных студентов, что позволяет современным историкам восстанавливать картину событий.

Наконец, нелегальная и радикальная печать фокусировалась на героизации и мобилизации протестного потенциала. Для революционных кружков студенческие волнения были важным ресурсом. Студенты Петровской академии, участвовавшие в протестах, изображались как передовые борцы с самодержавием. Их выступления подавались как часть общей народной борьбы. В листовках и прокламациях (например, издаваемых народниками или ранними марксистами) сообщения о волнениях использовались для агитации, призывов к солидарности и расширению протеста. Нелегальная печать давала свою трактовку событий, противопоставляя ее «казенной» и даже «буржуазно-либеральной» прессе.

Проблемы и особенности фиксации в прессе заключались в жесткой фильтрации печати. Любые публикации на эту тему проходили строгую цензуру. Многие детали, особенно касающиеся организации протеста и его лидеров, замалчивались или искажались. Вторым системным признаком являлось отсутствие прямой речи: голоса самих студентов доходили до читателей в основном в пересказе и с комментариями журналистов или властей. Их собственные манифесты и резолюции редко публиковались полностью. Освещение в провинциальной прессе было крайне скудным и полностью зависело от информационных сводок из столичных газет. Таким образом, пресса не просто «фиксировала» события в Тимирязевской академии, а активно их конструировала, предлагая публике разные, зачастую противоположные, интерпретации. Читатель, в зависимости от своих взглядов, мог увидеть в студенческих волнениях либо «опасную крамолу», либо «законный протест прогрессивной молодежи». Эта медийная битва вокруг репутации Академии была важной частью общественно-политического дискурса в Российской империи накануне XX века.

⁷⁸ Цит. по: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Так называемое «нечаевское дело» и отношение к нему русской журналистики // Собрание сочинений в двадцати томах. М., «Художественная литература», 1970. Т. 9. Критика и публицистика (1868–1883).

⁷⁹ *Московские ведомости.* 21 декабря 1869 г. № 278. С. 2.

⁸⁰ *Московские ведомости.* 8 января 1870 г. № 5. С. 3.

⁸¹ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Наши бури и непогоды. Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 9. Критика и публицистика (1868–1883). М.: Художественная литература, 1970. С. 175–176.

ГЛАВА V

«НЕЧАЕВСКОЕ ДЕЛО» И ПЕТРОВСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕДИЙНОГО СКАНДАЛА

Убийство студента Ивана Иванова в гроте парка Петровской земледельческой и лесной академии 21 ноября 1869 года стало точкой бифуркации не только в истории российского революционного движения, но и в истории самой Академии. Для исторической антропологии это дело представляет уникальный случай: оно позволяет исследовать, как частное событие, произошедшее в замкнутом академическом сообществе, было трансформировано прессой в событие общенационального масштаба, как конструировались публичные образы его участников и как формировался миф о «нечаевщине». Пресса в этой истории выступала не пассивным регистратором, а активным творцом реальности, своего рода «судом общественного мнения», который во многом предопределил официальные решения властей и дальнейшую репутацию Академии. Данная глава анализирует «Нечаевское дело» через призму взаимодействия трех сил: уникальной среды Петровской академии, радикальной идеологии Сергея Нечаева и мощного механизма общественного влияния — периодической печати.

Основанная в 1865 году Петровская академия с ее демократическим уставом (отсутствие вступительных экзаменов, все-сословность, свободное посещение) была экспериментальным социальным пространством. Это была не просто учебная аудитория, а настоящая «республика ученых и студентов», живущая по собственным законам. Историко-антропологический подход позволяет увидеть за сухими строчками устава живую ткань человеческих отношений, которая и стала питательной средой

для драмы. Изолированность кампуса в Петровско-Разумовском, компактное проживание, совместная работа на опытных полях — все это сплачивало студентов в тесное сообщество, «нашу компанию», как выразался в своем дневнике позднее другой студент Академии, А.А. Праздников⁸². В этой среде быстро распространились не только научные знания, но и идеи — от нигилизма до народничества. Студенты Академии, многие из которых были выходцами из небогатых семей (как и сам Иван Иванов), представляли собой новый социальный тип — «разночинца-практика», стремящегося не к чиновничьей карьере, а к реальному служению народу через науку. Эта искренняя, хотя подчас наивная, устремленность делала их восприимчивыми к радикальным проповедникам вроде С. Нечаева, который мастерски играл на этих струнах. Именно эта особая атмосфера — сочетание академической свободы, социальной утопии и молодежного максимализма — стала тем «грунтом», в котором укоренилась «Народная расправа». Власти и консервативная пресса впоследствии именно эту среду объявят главной виновницей трагедии.

Созданная С. Нечаевым организация «Народная расправа» (или «Общество топора»), основу которой составили студенты младших курсов Петровской академии в Москве, с антропологической точки зрения представляет собой классический пример попытки создания «тотального института» внутри более широкого социального поля. «Катехизис революционера» был не просто программой, а сводом правил, направленных на полное перерождение человека. Объявляя революционера «обреченным», разрывающим все связи с семьей, моралью и «проклятым миром», С. Нечаев пытался создать новую, искусственную идентичность. Этот документ можно рассматривать как свод ритуальных предписаний, целью которых было уничтожение старой личности и рождение «нового человека» — безжалостного инструмента революции. Подобные практики «смерти и возрождения» характерны для многих закрытых сект и радикальных групп, где лояльность группы ставится выше всех общечеловеческих норм.

⁸² Праздников А.Г. Революционные события 1905 г. в Москве, отраженные в дневнике студента-вятчанина // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 101–109.

С.Н. Нечаев. Фото ок. 1865 г.

Непосредственным поводом для убийства Ивана Иванова стал внутрикружковый конфликт. В 1869 году нечаевцы планировали организовать в Петровской академии акцию солидарности — расклейку листовок в связи со студенческими волнениями в Московском университете. И. Иванов, авторитетный член кружка, выступил против этой затеи, справедливо полагая, что такие действия спровоцируют власти на закрытие Академии. Это неподчинение С. Нечаев воспринял как угрозу своему единовластию в организации. Руководствуясь принципами сформулированного им «Катехизиса революционера», где провозглашалась допустимость любых аморальных средств для достижения революционных целей, С. Нечаев решил сплотить кружок с помощью «кровавой поруки» — убийства того, кто посмел усомниться в его лидерстве. В замысел С.Г. Нечаева, обвинившего студента И. Иванова

в предательстве и планировавшего его убийство в гроте, были посвящены двое членов организации «Народная расправа». Непосредственную задачу заманивания жертвы 21 ноября 1869 года в место предполагаемой казни выполнял наиболее возрастной участник группы — литератор И.Г. Прыжов, известный как автор труда «История кабаков в России в связи с историей русского народа»⁸³. В качестве предлога И.Г. Прыжов использовал легенду о находящемся в гроте тайнике с подпольной типографией, предположительно зарытой ранее участниками революционных групп «иштутинцев» или «каракозовцев». Обнаружение типографского оборудования преподносилось как возможность организации нелегального производства пропагандистских материалов для распространения среди студенчества.

Попытка задушить жертву шарфом не удалась из-за сопротивления И. Иванова. Помешала теснота грота и отчаянное сопротивление самого Иванова, который, как доподлинно выяснилось на суде, не имел никаких связей с властями и был намеренно выбран в жертвы С. Нечаевым для примера другим единомышленникам. В итоге убийцы оглушили Иванова ударами кирпича, выпавшего из стены ветхого грота (шрамы от укусов останутся на руках революционера на всю жизнь, как боевые отметины, и вызовут отвращение у М. Бакунина, к которому сбежит убийца)⁸⁴. Затем Нечаев добил Иванова выстрелом в голову из револьвера, труп завернули в пальто одного из убийц (Алексея Кузнецова), привязали к нему кирпичи и спустили под лед, надеясь скрыть следы убийства как минимум до весны. Но случайный прохожий крестьянин

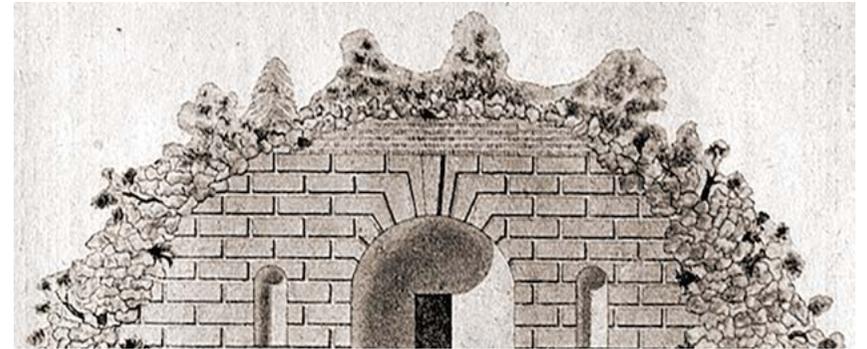
⁸³ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Санкт-Петербург, Москва: М.О. Вольф, 1868. 320 с.

⁸⁴ В марте 1869 года Сергей Нечаев скрывался у М.А. Бакунина в Женеве, объявив себя представителем новой волны революционного движения. М. Бакунин оказывал С. Нечаеву поддержку и даже поселил его у себя. Более того С. Нечаев совместно с М. Бакуниным издал от имени несуществующего «Всемирного революционного союза» ряд ультрареволюционных манифестов: «Постановка революционного вопроса», «Начало революции» (журнал «Народная расправа». № 1). Однако в июле 1870 года М.А. Бакунин и Н.П. Огарев, узнав подробности о деятельности С. Нечаева в России, прекратили отношения с ним. С. Нечаев вынужден был скитаться по Европе, скрываясь от преследований царского правительства, но в 1872 году был выдан Швейцарией как уголовный преступник.

села Петровские Выселки Петр Калугин обнаружил в районе грота вещественные доказательства — головной убор, башлык и дубину уже на третий день 25 ноября. Криминалистическое обследование выявило цепочку кровавых следов, ведущих к пруду, где под ледовым покровом на глубине в полметра виднелось мертвое тело. Прибывшие представители московской уездной полиции извлекли труп И. Иванова со следами насильственной смерти и утяжеляющими элементами. Процесс идентификации провели однокурсники погибшего, а руководство расследованием осуществлял непосредственно начальник Московского губернского жандармского управления (ГЖУ) генерал-лейтенант И.Л. Слезкин.

С историко-антропологической точки зрения, убийство студента И. Иванова членами организации «Народная расправа» под руководством С. Нечаева представляет собой сложный ритуальный акт, выходящий за рамки бытового преступления. Данное событие может быть рассмотрено как перформативная практика, направленная на консолидацию революционного сообщества через демонстративную жертву. Сама процедура убийства была насыщена символическими действиями, призванными легитимировать насилие внутри группы. Заманивание жертвы в грот под предлогом поиска «клада» (мифической типографии) инсценировало обряд посвящения или общую тайну. Однако тесное, сакральное пространство грота превратилось в место ритуальной казни. Использование специфических орудий — шарфа, кирпича, позже револьвера — демонстрирует спонтанную ритуализацию насилия, где каждый предмет приобретал символическую функцию: шарф как орудие тихого устранения «предателя», кирпич как архаичное оружие «стихийного» гнева, револьвер как акт финального, почти судебного приговора.

Телесность сопротивления И. Иванова, оставившего на руках убийц шрамы от укусов, и последующее обращение с его телом (связывание, привязывание кирпичей, погружение под лед) указывают на попытку не просто скрыть труп, но и совершить обряд символического изгнания. Укусы стали телесными метками, материальными свидетельствами вины палачей, которые впоследствии вызывали отвращение даже у такого радикала, как М.А. Бакунин. Погружение в ледяную воду можно интерпретировать как архаичный акт очищения и возвращения «оскверняющей» жертвы стихиям, что должно было скрыть следы до весны — времени обновления и таяния.

Уничтоженный Нечаевский грот (передний фасад)

Расследование быстро вышло на след преступников благодаря документам, забытым в кармане пальто. Суд над «нечаевцами» состоялся в Петербургской судебной палате с 1 по 15 июля 1871 года. Материалы процесса, в том числе программные документы, прокламации и другие материалы С. Нечаева, публиковались в газете «Правительственный вестник», а потом перепечатывались другими изданиями. Это был первый в России гласный политический процесс. К делу были привлечены 87 человек, хотя реальных участников «Народной расправы» насчитывалось не более 60. Главные обвиняемые — П.Г. Успенский, И.Г. Прыжов, А.К. Кузнецов и Н.Н. Николаев — получили различные сроки каторжных работ (от 7,5 до 15 лет). Сам С. Нечаев, скрывшийся за границу, был арестован в Швейцарии в 1872 году, выдан России и приговорен к 20 годам каторги. Он умер в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости в 1882 году.

Обнаружение тела и последующий суд стали ответным ритуалом имперской власти, направленным на публичную демонстрацию своего правосудия и обезвреживание «чудовищного» акта. Публичность процесса, освещение в «Правительственном вестнике» и участие лучших адвокатов были призваны легитимировать приговор в глазах образованного общества, показав, что государство действует в правовом поле. Приговоры, дифференцированные по степени вины, создали иерархию соучастников, превратив преступление в структурированное нарративное произведение с четкими ролями. Заключение и смерть С. Нечаева в Алексеевском рavelине — это отдельный сюжет о микрополитике власти

и сопротивления в тотальном институте. Личное распоряжение Александра II о безымянном содержании Нечаева было актом символического убийства: лишение имени, статуса, голоса, это попытка стереть его из публичного пространства и социальной памяти.

Однако С. Нечаев, даже в условиях полной изоляции, сумел превратить тюремную камеру в новый «центр» конспиративной деятельности. Вербовка караульных солдат — это классический пример подрывного использования человеческих связей и «слабых мест» любой бюрократической системы. Его дерзкий план захвата царской семьи прямо в сердце имперской власти Петропавловском соборе демонстрирует, что тюрьма не стала для него местом пассивного ожидания смерти, а превратилась в новый «грот» для подготовки перформативного политического акта. Провал плана из-за доноса народовольца Леона Мирского⁸⁵, желавшего спасти собственную жизнь, раскрывает антропологию страха и выживания в революционной среде, где солидарность легко рушится под давлением инстинкта самосохранения.

Таким образом, история от убийства в гроте до смерти в рavelине предстает не как цепь случайных событий, а как последовательность взаимосвязанных ритуальных практик и политических спектаклей. С одной стороны, это практики революционной группы, использующей ритуализированное насилие для сплочения. С другой — ответные практики государства, использующего суд и тюрьму для демонстрации своей силы и нейтрализации угрозы. Цитирование воспоминаний Короленко, пронизанных «чувством особенной тоски», лишь подчеркивает, как место ритуального убийства стало топосом коллективной травмы и рефлексии для последующих поколений интеллигенции.

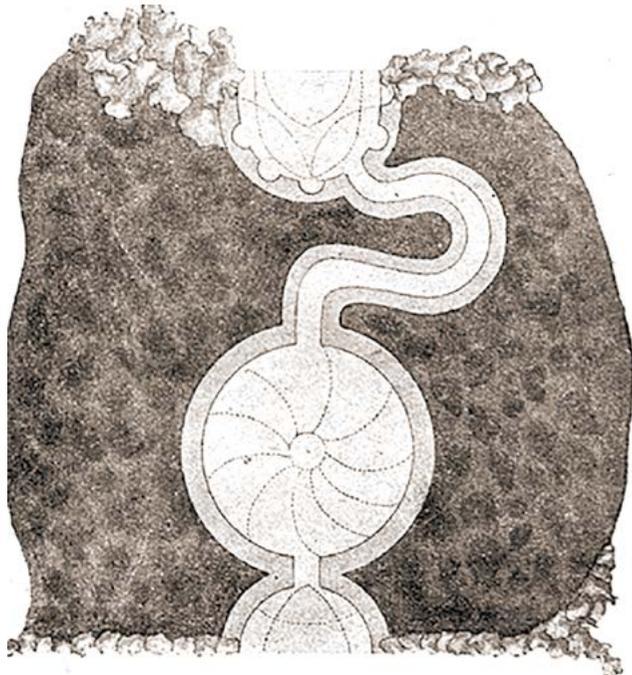
⁸⁵ О замысле узнал сидевший в соседней камере народовец Леон Мирский, приговоренный к смерти за участие в покушении на шефа жандармов Дренгельна. 20-летний студент Медико-хирургической академии Мирский очень хотел жить — и выдал властям С. Нечаева в обмен на личное помилование. В итоге Мирского приговорили к пожизненной каторге, все 44 тюремщика, подвергшиеся вербовке и попавшие под пропаганду С. Нечаева, были сосланы в Сибирь либо в Архангельскую губернию на срок от 2 до 4 лет, а режим содержания был до крайности жестоким. Проведя в рavelине почти 10 лет, Сергей Нечаев скончался в своей камере от паралича сердца 21 ноября 1882 г. и был похоронен в безымянной могиле. Ему было 35 лет. Более подробно см.: Лурье Ф.М. Политический сыск в России: 1649–1917. Москва, Санкт-Петербург: Центрполиграф; Мим-Дельта, 2006.

Убийство И. Иванова было не просто устранением неудобного. Оно носило ярко выраженный ритуальный характер и выполняло несколько ключевых функций внутри группы. Прежде всего, это функция сплочения («кровавая порука»). Совместное пролитие крови, особенно товарища, должно было навеки связать участников кружка, сделав их соучастниками преступления. Это классический механизм формирования мафиозной или сектантской солидарности, когда выход из группы становится невозможным из-за страха разоблачения. Второй функцией являлась легитимация власти С. Нечаева. Сомнение И. Иванова в существовании всемогущего «Комитета» («Не вы ли, Сергей Геннадьевич, и есть этот самый Комитет?») было прямым вызовом харизматической власти лидера. Убийство стало актом демонстрации и утверждения этой власти. Оно показывало остальным, что любое неповиновение карается смертью. Вопрос И. Иванова о деньгах был не бытовой ссорой, а столкновением двух моделей власти: традиционной, основанной на доверии и диалоге, и тоталитарной, построенной на мифе и терроре. Ну и наконец, символический выбор жертвы и места. Убийство произошло не где-нибудь, а в гроте парка Академии — в лиминальном (пороговом) пространстве, скрытом от посторонних глаз, что типично для проведения ритуалов. И. Иванов, «добрая душа», согласившийся помочь товарищу, стал идеальной ритуальной жертвой: его гибель символизировала окончательный разрыв со «старой» моралью, основанной на сочувствии и взаимопомощи.

Суд над «нечаевцами» и особенно публикация «Катехизиса» стали мощным культурным шоком для российского общества. Уголовное преступление было осмыслено как симптом глубокой болезни всей интеллигенции. Характеризуя С. Нечаева как фигуру демоническую, адвокат В.Д. Спасович так характеризовал его на суде: «Этот страшный, роковой человек, где бы он ни останавливался, приносил заразу, смерть, уничтожение. Есть легенда, изображающая поветрие в виде женщины с кровавым платком. Где она появится, там люди мрут тысячами. Мне кажется, Нечаев совершенно подходит на олицетворение этой моровой язвы»⁸⁶. Вслед за автором романа «Бесы» В.Д. Спасович назвал С. Нечаева «искусителем»,

⁸⁶ Спасович В.Д. Дело о государственном преступлении, так называемое, «нечаевское». Речь в защиту Алексея Кузнецова / В.Д. Спасович // Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. С. 241–265. С. 244, 246.

словом, которое входит в семантический ряд понятия «бес»⁸⁷. В его речи С. Нечаев выставлен как фигура демоническая и злоедающая, не способная испытывать жалость ни к себе, ни к другим.

Уничтоженный Нечаевский грот (план)

Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» стал главным инструментом мифологизации дела. Писатель, опираясь на реальные события, провел антропологическое исследование «бесовства» — состояния, когда ради идеи человек готов переступить через все человеческое. Его герои — не просто портреты «нечаевцев», а архетипы, воплощающие разные стороны революционного соблазна. К заслуге автора можно отнести создание культурного кода «нечаевщины». В общественном сознании прочно укоренился этот термин, означающий политический аморализм, готовность принести

⁸⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык. Медиа, 2003. Т. 1. С. 66.

любые жертвы (в первую очередь, чужие) для достижения утопической цели. «Нечаевщина» стала мощным культурным кодом, который использовался для критики радикализма на протяжении всей последующей русской истории. Таким образом, «Нечаевское дело» с позиций исторической антропологии предстает как комплексный феномен. Это и ритуал инициации неудавшегося тайного общества, и акт учредительного насилия, призванный создать новую форму власти, и ключевой момент в конструировании публичного мифа о русском революционере. Убийство в гроте Петровской академии вышло далеко за свои рамки, став символом трагического разлома, прошедшего через умы и сердца людей эпохи великих реформ. Оно продемонстрировало, как радикальная идеология способна переформатировать человеческую природу, подменяя традиционную этику солидарности новой, чудовищной «моралью» тотального разрушения.

В.Г. Короленко, бывавший в этих местах позднее, так описывал это зловещее место: «Мы подошли в это время к ивановскому гроту... Теперь это была только развалина. Вершина холма обрушила потолок, и часть грота засыпало. Место было глухое, в стороне от больших аллей. Поблизости сочился ручеек и шумели деревья. Каждый раз, когда я заходил сюда, меня охватывало чувство какой-то особенной тоски. Под шорох деревьев и тихое журчанье ручья я старался угадать значение мрачной драмы. При этом личность погибшего Иванова будила во мне странную симпатию. Может быть, он изверился, как и я...»⁸⁸. Эта цитата ярко передает то чувство недоумения и ужаса, которое вызывало это преступление в среде интеллигенции. Для многих, как и для В.Г. Короленко, И. Иванов был не просто жертвой, а трагической фигурой, чья гибель заставляла задуматься о цене революционной борьбы и моральных границах, которые переступили «нечаевцы».

В.Г. Короленко фиксирует не просто место преступления, а его превращение в миф и символ. Описание грота это уже не протокольная съемка места преступления, а взгляд человека, пытающегося осмыслить «значение мрачной драмы». Природа здесь

⁸⁸ Короленко В.Г. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4: История моего современника: Кн. 1, 2. Ленинград: Издательство: Художественная литература, 1990. С. 392.

становится соучастницей размышлений: ручей и деревья создают звуковой фон для трагедии. Важно и то, что автор испытывает «странную симпатию» к жертве, видя в нем, возможно, родственную душу («Может быть, он изверился, как и я...»). Это показывает, что для современников дело Нечаева было не просто уголовным процессом, а глубоким нравственным потрясением, заставившим пересмотреть отношение к революционным методам.

Пресса, выступив как конструктор в формировании «нечевского мифа», испытывала на себе борьбу интерпретаций. Раскрытие убийства и последовавший за ним судебный процесс (июль-сентябрь 1871 года) стали грандиозным медийным спектаклем. Пресса не просто сообщала факты, а активно их интерпретировала, создавая для публики удобные и идеологически выверенные образы. Консервативный нарратив представленный «Московскими ведомостями» М.Н. Каткова стал главным архитектором образа С. Нечаева как «революционного монстра». Публикуя шокирующие подробности «Катехизиса революционера» («революционер — человек обреченный... у него нет ни своих интересов, ни чувств...»), М.Н. Катков представлял дело не как политическое, а как уголовное и, более того, как следствие моральной болезни всего «нигилистического» поколения. Академия в этой логике рисовалась как «рассадник крамолы», требующий срочного «оздоровления».

Либеральная рефлексия заключалась в осуждении методов, но не идеалов. Либеральные издания («Вестник Европы») осуждали методы С. Нечаева, но пытались отделить его фигуру от всего движения. Они акцентировали внимание на том, что большинство подсудимых (Прыжов, Успенский) были «обманутыми идеалистами». Этот нарратив пытался спасти честь интеллигенции, признавая преступление, но отрицая его системный характер. Процесс имел серьезный международный резонанс: дело было представлено как символ «русской угрозы». Судебные стенограммы быстро разошлись по Европе; именно из-за них Конференция делегатов Международного Товарищества Рабочих, состоявшаяся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 года, выпустила специальное заявление, подписанное К. Марксом: Международное Товарищество Рабочих, Конференция делегатов Международного Товарищества Рабочих, состоявшаяся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г., поручила Генеральному Совету заявить публично: «Что Нечаев никогда не был

ни членом, ни представителем Международного Товарищества Рабочих⁸⁹; что его утверждение будто он основал секцию Интернационала в Брюсселе и был направлен брюссельской секцией с поручением в Женеву, является ложью⁹⁰.

Зарубежная пресса (например, «The Times», «Le Figaro») с жадностью подхватила сенсацию. В Европе дело Нечаева интерпретировалось в контексте борьбы с Первым Интернационалом и ростом анархизма. Образ С. Нечаева использовался для критики всего революционного движения, а роман Достоевского «Бесы» (1871–1872) позже был воспринят на Западе как пророческое предупреждение о природе революционного террора.

⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 17. С. 198.

⁹⁰ Настоящее заявление было написано Марксом согласно постановлению Лондонской конференции, поручившей Генеральному Совету опубликовать заявление о том, что Международное Товарищество Рабочих совершенно не причастно к так называемому заговору Нечаева. Текст заявления был утвержден Генеральным Советом 16 октября 1871 года. В 1869 г., установив связь с Бакуниным, Нечаев развернул деятельность по созданию в ряде городов России заговорщической организации «Народная расправа». В организованных Нечаевым кружках проповедовались вульгарные анархистские идеи «абсолютного разрушения», распространялись анархистские листовки. Представители революционно настроенной студенческой молодежи и разночинных слоев населения вступали в нечевскую организацию, привлекаясь острой критикой царского режима и призывами к решительной борьбе с ним. Используя полученный от Бакунина мандат представителя «Европейского революционного союза», Нечаев пытался выдавать себя за представителя Интернационала и тем самым вводил в заблуждение участников созданной им организации. В связи с разгромом нечевской организации и судебным процессом над ее участниками, происходившим летом 1871 г. в Петербурге, были преданы гласности авантюристические методы, применявшиеся Нечаевым для достижения своих целей: шантаж, запугивание, обман и пр. Буржуазная печать использовала материалы процесса для того, чтобы фальсификаторскими приемами опорочить Интернационал, с которым у Нечаева в действительности не было никакой связи. Перевод заявления Генерального Совета на французский язык был сделан Энгельсом. Заявление было опубликовано на немецком языке в газете «Volksstaat» № 88, 1 ноября 1871 г. (за подписью К. Маркса в качестве секретаря для Германии и России); на французском — в газете «Egalite» № 21, 5 ноября 1871 г. и «Qui vive!» № 14, 18 октября 1871 г.; на итальянском — в «Gazzettino Rosa» № 306, 3 ноября 1871 г. и «Plebe» № 122, 19 октября 1871 года.

Таблица

Борьба нарративов в прессе о «Нечаевском деле»

Тип издания / Автор	Ключевой нарратив	Образ Нечаева	Образ Академии
Консервативный («Московские ведомости»)	Угроза устоям общества, моральное разложение	Циничный авантюрист, монстр	«Рассадник крамолы», требующий контроля
Либеральный («Вестник Европы»)	Трагедия обманутых идеалистов	Аморальный фанатик, дискредитирующий борьбу	Жертва дурного влияния, нуждающаяся в реформах
Художественный (Ф.М. Достоевский, «Бесы»)	Метафизическая болезнь русской интеллигенции	«Бес»-искуситель (Петр Верховенский)	Микромодель большого общества
Зарубежный (The Times, Le Figaro)	Проявление экстремизма, угрожающего Европе	Символ «русской революционной угрозы»	Экзотический и опасный «очаг вольнодумства»

Реакция власти была прямой и жесткой. Новый устав 1872–1873 годов положил конец «вольной республике». Введение обязательного гимназического ценза, платы за обучение, усиление полицейского надзора — все это было направлено на то, чтобы изменить саму антропологическую среду академии. Вместо общества вольных искателей знаний создавалось стандартное государственное учебное заведение с дисциплинированными студентами. Антропологический разрез требует проследить судьбы людей. С. Нечаев умер в заточении, многие его сторонники, отбыв каторгу, отошли от политики, но важно отметить, что репрессии не убили научный дух Академии. В ее стенах продолжали работать такие титаны, как К.А. Тимирязев, И.А. Стебут чья публичная деятельность была, в некотором роде, ответом на «нечаевщину» — демонстрацией того, что служение народу возможно через просвещение и науку, а не через террор. Главным последствием дела стало рождение термина «нечаевщина» как символа политического аморализма, когда цель оправдывает любые средства. Этот культурный код прочно вошел в общественное

сознание и на десятилетия стал мощным идеологическим оружием в борьбе с радикализмом.

«Нечаевское дело» стало травматическим, но по-своему рубежным событием для российского общества. Через призму исторической антропологии и анализа прессы видно, что оно было не просто столкновением революционеров с властью, а сложным узлом, в котором сплелись социальный эксперимент по созданию демократической академической среды, идеологический соблазн радикализма, порожденный эпохой великих реформ и мощное медийное конструирование, когда пресса впервые в России столь масштабно создавала и навязывала обществу образ политического преступления и его участников. Пресса выступила в роли коллективного проповедника и судьи, чьи вердикты оказались не менее значимыми, чем приговор официального суда. Для Петровской академии это событие стало болезненным, но необходимым этапом взросления, заставившим и ее саму, и все общество задуматься о границах свободы и цене радикальных утопий. Опыт «нечаевского дела» показал, что любое интеллектуальное сообщество существует не в вакууме, а в плотном медийном и политическом поле, которое всегда готово превратить его в внутренний конфликт в предмет публичной моральной паники.

ГЛАВА VI

«ИЗВЕСТИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ И ЛЕСНОЙ АКАДЕМИИ» (1878—1893 ГГ.): НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ НАУКИ РОССИИ

«Известия Петровской земледельческой и лесной академии» (с 1890 г. — «Известия Петровской сельскохозяйственной академии») представляют собой фундаментальный источник для изучения истории отечественной науки последней трети XIX века. Это периодическое издание являлось не просто сборником статей, но и важнейшим инструментом научной коммуникации, институциональной самоидентификации и интеграции в международное научное сообщество ведущего аграрного вуза России. Хронологические рамки существования «Известий» (1878—1893 гг.) охватывают период наивысшего расцвета Академии, последовавший за либеральными реформами Александра II и предшествовавший ее преобразованию в Московский сельскохозяйственный институт в 1894 году. Фиксация исследовательского внимания на научно-историческом анализе «Известий» обусловлена их многогранной значимостью. Во-первых, они служат точным барометром развития основных направлений аграрной науки: почвоведения, растениеводства, лесоводства, агрохимии, сельскохозяйственной экономики. Во-вторых, на их страницах формировались и кристаллизовались ведущие научные школы, связанные с именами К.А. Тимирязева, И.А. Стебута, В.Р. Вильямса, М.К. Турского, П.А. Костычева. В-третьих, издание отражает процесс профессионализации и дифференциации

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

научного знания, переход от эмпирических описаний к фундаментальным экспериментальным исследованиям.

Для проведения комплексного анализа «Известий» как феномена академической культуры пореформенной России, выявив его исторические предпосылки, структуру, содержательное наполнение, роль в научном сообществе и историческое наследие необходимо разрешение ряда задач.

Необходимо рассмотреть исторический и институциональный контекст возникновения издания, проанализировать его структуру, рубрикацию и тематическую эволюцию и выявить круг ключевых авторов и охарактеризовать представленные в «Известиях» научные школы. Не менее важным представляется оценить научную значимость основных публикаций и их вклад в развитие соответствующих дисциплин, определить функции издания в системе научных коммуникаций Российской империи и проанализировать причины и последствия переименования 1890 года и прекращения выпуска в 1893 году.

Решение о выпуске собственного научного периодического издания, принятое Советом академии в 1877 году и реализованное в 1878 году, было закономерным результатом интенсивного периода развития Петровской академии. К этому моменту учебное заведение прошло сложный путь от высшей сельскохозяйственной школы практической направленности до признанного научного центра европейского уровня. Ключевыми факторами, обусловившими готовность Академии к созданию столь серьезного печатного органа, стала сформировавшаяся материально-техническая база: Академия обладала обширными опытными полями, которые служили полигоном для агрономических экспериментов; были созданы специализированные лаборатории (физиологическая, химическая, почвенная), обсерватория и метеостанция, обеспечивавшие высокий уровень экспериментальных исследований⁹¹. К концу 1870-х годов в Академии работала плеяда профессоров, чьи имена стали символами отечественной науки. Это были не просто преподаватели, а активные исследователи, нуждающиеся в площадке для оперативной публикации результатов своей работы. Привлечение таких ученых, как Климент Аркадьевич

⁹¹ История Российской государственной сельскохозяйственной академии — МСХА имени К.А. Тимирязева. М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 1995. С. 112—125.

Тимирязев, Иван Александрович Стебут, Василий Робертович Вильямс, свидетельствовало о высоком научном статусе заведения⁹². В стенах Академии оформились особые исследовательские традиции, фиксировалась институционализация научных школ — тимирязевская школа физиологов растений, стебутовская школа растениеводов и земледельцев, закладывались основы почвоведческой школы Вильямса. Эти школы требовали канала для трансляции своих методологических подходов и научных результатов. Важной задачей виделась и интеграция в международный научный контекст. Профессора академии поддерживали активные связи с европейскими коллегами, участвовали в международных конгрессах, были в курсе новейших достижений мировой науки. Издание собственного журнала на русском языке (часто с резюме на немецком или французском) стало инструментом для заявления о себе на международной арене и налаживания системного обмена публикациями с зарубежными университетами и научными обществами⁹³. Таким образом, запуск «Известий» стал актом институциональной зрелости, маркером перехода Академии от этапа преимущественно учебной деятельности к статусу полноценного научно-исследовательского учреждения, сочетающего образовательную функцию с генерацией нового знания.

Для понимания научно специфики функционирования «Известий» необходим анализ его структурных компонентов, содержания и тематической эволюции. «Известия» выходили нерегулярными выпусками (обычно 2–4 тома в год), что было характерно для многих научных изданий того времени. Структура каждого выпуска была тщательно продумана и отражала многогранную деятельность академии как научного, учебного и административного учреждения. Можно выделить несколько постоянных рубрик, совокупность которых создавала комплексную картину академической жизни. Центральный и наиболее объемный раздел составляли научные статьи. Публикации отличались фундаментальностью и детальной проработкой материала. Они содержали не только результаты, но и подробное описание методики экспериментов,

⁹² История Российской государственной сельскохозяйственной академии — МСХА имени К.А. Тимирязева. М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 1995. С. 98–101.

⁹³ Известия Петровской земледельческой и лесной академии. Вып. 1. 1878. С. IV–V (Раздел «Обмен изданиями»).

что делало их ценными для воспроизведения и верификации. Публикации в этом разделе были ориентированы на коллег-ученых. Раздел, связанный с отчетами о деятельности Академии, включал годовые отчеты директора, сведения о работе кафедр, опытных полей, лабораторий и библиотеки. Эти материалы являются бесценным источником для историков науки и образования, так как позволяют реконструировать бюджет, материальное обеспечение, кадровый состав и повседневную жизнь Академии⁹⁴.

В протоколах заседаний Ученого совета фиксировались дискуссии по ключевым вопросам научной и образовательной политики: утверждение учебных планов, защиты диссертаций, обсуждение результатов исследований, избрание новых профессоров. Анализ протоколов дает представление о внутрикорпоративных отношениях и процессе принятия научных решений⁹⁵. Рубрика «хроника научной жизни» информировала о командировках профессоров на российские и международные конгрессы, о визитах иностранных ученых, о работе научных обществ, связанных с академией. Это свидетельствует о включенности Академии в широкий научный контекст⁹⁶. И, наконец, в библиографических обзорах рецензировались новейшие отечественные и зарубежные издания по сельскому хозяйству и смежным наукам. Раздел выполнял функцию научного навигатора для читателей и демонстрировал эрудицию авторов «Известий».

Тематика публикаций в «Известиях» охватывала весь спектр сельскохозяйственных наук, демонстрируя междисциплинарный подход, характерный для Академии. Растениеводство и физиология растений, исследования по биологии культурных растений, вопросам питания, роста, развития. Пионерские работы К.А. Тимирязева по фотосинтезу, заложившие физико-химические основы этой дисциплины⁹⁷. Почвоведение и агрохимия, изучение

⁹⁴ Отчет о действиях Петровской академии за 1880 год // Известия Петровской земледельческой и лесной академии. Вып. 3. 1881. С. 1–45.

⁹⁵ Архив РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 23–25 (Протокол заседания Ученого совета от 15 октября 1879 г.).

⁹⁶ Хроника // Известия Петровской сельскохозяйственной академии. Вып. 2. 1891. С. 1–10 (Сообщения о Международном сельскохозяйственном конгрессе в Гааге).

⁹⁷ Тимирязев К.А. Об усвоении света растением // Известия Петровской земледельческой и лесной академии. Вып. 1–2. 1879. С. 127–192.

генезиса и классификации почв, проблем плодородия, действия удобрений. Здесь публиковались как фундаментальные труды В.Р. Вильямса, посвященные почвообразовательному процессу, так и прикладные исследования П.А. Костычева по повышению эффективности удобрений. В рубрике лесоводство и дендрология публиковались работы М.К. Турского по лесовосстановлению, таксации, созданию лесных культур, имевшие огромное практическое значение для рационального лесного хозяйства России⁹⁸.

Анализу эффективности различных систем хозяйства, организации крестьянского и помещичьего труда, рыночных отношений были посвящены публикации А.А. Фадеева и других экономистов, которые отражали социально-экономические проблемы пореформенной деревни. После переименования журнала в 1890 году наблюдается некоторая тематическая эволюция: усиливается внимание к экономическим и технологическим аспектам, что соответствует смене названия с «земледельческой и лесной» на более широкую «сельскохозяйственную», что отражало общую тенденцию к интеграции различных отраслей аграрного знания.

Анализ авторского состава позволяет утверждать, что «Известия» были главной трибуной для ведущих ученых академии, вокруг которых формировались мощные научные коллективы. Школа К.А. Тимирязева. Его публикации в «Известиях» (например, «Об усвоении света растением», «Солнечный свет и жизненные задачи растения») стали классикой мировой физиологии растений. Тимирязев не только представлял результаты экспериментов, но и вел острую полемику с виталистами, отстаивая материалистическое, физико-химическое понимание жизненных процессов. Его школа была ориентирована на точный эксперимент и поиск общих закономерностей⁹⁹.

Научная школа И.А. Стебута формировалась вокруг патриарха русского растениеводства. И.А. Стебут публиковал в журнале работы, посвященные системам земледелия, севооборотам, обработке почвы и частному растениеводству. Его подход сочетал глубокую теорию с пристальным вниманием к агрономической практике.

⁹⁸ Турский М.К. О культуре дуба в средних губерниях России // Известия Петровской земледельческой и лесной академии. Вып. 4. 1882. С. 289–345.

⁹⁹ Баутин В.М. К.А. Тимирязев и Петровская академия. М.: Колос, 1978. С. 145–150.

Стебут воспитал плеяду ученых, которые развивали прикладное направление аграрной науки¹⁰⁰. В «Известиях» были опубликованы ранние работы В.Р. Вильямса, заложившие основы учения о едином почвообразовательном процессе. В.Р. Вильямс, будучи еще молодым ученым, представлял здесь свои идеи о роли биологического фактора в почвообразовании, которые затем легли в основу его знаменитой травопольной системы. Исследования М.К. Турского по лесоводству («О культуре дуба», «О влиянии леса на климат» и др.) отличались комплексным подходом, сочетающим ботанические, экологические и экономические аспекты, а автор считается основателем научного лесоводства в России, и «Известия» стали основной площадкой для презентации его метода¹⁰¹.

Митрофан Кузьмич Турский,
классик отечественного лесоводства

¹⁰⁰ Научные школы Тимирязевской академии: история и современность / Под ред. В.М. Баутина. М.: РГАУ-МСХА, 2005. С. 56–67.

¹⁰¹ Там же. С. 120–134.

Публикации в «Известиях» не просто фиксировали текущую научную деятельность, а зачастую представляли собой прорывные исследования, определившие развитие целых дисциплин на десятилетия вперед. По своему типу эти публикации можно классифицировать на теоретические, экспериментальные, методические и обзорные. Ярчайшим примером теоретических исследований, направленных на разработку фундаментальных основ науки, являются работы К.А. Тимирязева, которые имели не только узко-агрономическое, но и общебиологическое и мировоззренческое значение, укрепляя позиции дарвинизма и материализма в науке¹⁰². Большинство статей журнала носило экспериментальный характер и содержало результаты многолетних опытов, проведенных на полях и в лабораториях Академии. Методологическая строгость, статистическая обработка данных (которая только начинала входить в практику) делали эти работы определенным научным ориентиром. Ученые Академии часто публиковали методические разработки, описания новых приборов, усовершенствованных методов анализа почв, растений и удобрений. Это способствовало стандартизации исследований и повышению их достоверности. В критических и обзорных статьях давался анализ состояния той или иной проблемы в мировой науке, что способствовало синтезу знания и выработке новых исследовательских программ. Конкретным примером научной значимости журнала может служить полемика между П.А. Костычевым и В.Р. Вильямсом, фрагменты которой нашли отражение на страницах «Известий». П.А. Костычев, будучи блестящим химиком, делал акцент на химических и физических аспектах почвенного плодородия. В.Р. Вильямс, как эколог и биолог, подчеркивал ведущую роль биологических факторов. Эта дискуссия, продолжавшаяся и после закрытия журнала, была чрезвычайно продуктивной для развития отечественного почвоведения.

«Известия» выполняли ряд ключевых функций в системе науки пореформенной России, выходя далеко за рамки простого информирования. Прежде всего коммуникационную и интеграционную функции. Журнал был главным каналом связи между учеными Академии и их коллегами в других университетах (Московском,

¹⁰² Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 278.

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

Санкт-Петербургском, Казанском), с Департаментом земледелия, с губернскими земствами, агрономами-практиками. «Известия» соединяли теоретические изыскания с насущными проблемами сельскохозяйственной практики. Публикации по экономике и организации хозяйства были адресованы помещикам и земским деятелям, а рекомендации по агротехнике — широкому кругу агрономов.

**Василий Робертович Вильямс (1863–1939) — русский и советский почвовед-агроном, академик Академии наук СССР (1931).
Один из основоположников агрономического почвоведения**

Не менее важной была репрезентативная функция. Журнал был «визитной карточкой» Академии, демонстрируя ее научный потенциал перед правительством, общественностью и международным сообществом. Через систему бесплатного обмена изданиями с зарубежными научными учреждениями «Известия» распространялись по всей Европе, способствуя признанию достижений русской аграрной науки¹⁰³. Публикуя работы по разным, но смеж-

¹⁰³ Известия Петровской сельскохозяйственной академии. Вып. 4. 1892. С. III–VI (Список учреждений, с которыми производится обмен).

ным направлениям, «Известия» способствовали консолидации научного сообщества аграрников, выработке общего понятийного аппарата и методологических принципов, то есть формированию аграрной науки как целостной системы дисциплин. Ну и, конечно, источниковедческая функция. Сегодня «Известия» являются незаменимым корпусом источников для историка науки, позволяя не только проследить развитие идей, но и реконструировать социальную историю научного учреждения, сети коммуникаций, процесс финансирования исследований.

Смена названия издания в 1890 году на «Известия Петровской сельскохозяйственной академии» была внешним отражением более глубоких процессов. Можно выделить три наиболее значимых причины переименования. Официальное изменение статуса Академии вызванное переименованием учебного заведения, что было санкционировано сверху и отражало желание властей подчеркнуть более широкий, всеотраслевой профиль подготовки специалистов¹⁰⁴. Значимым явилось и расширение научной тематики. К концу 1880-х годов исследования в Академии вышли за узкие рамки земледелия и лесоводства, включив в себя экономику, технологию переработки, микробиологию и т.д. Новое название точнее соответствовало содержанию журнала. Еще одним немаловажным фактором выступал интегрированный подход. Широкое понятие «сельское хозяйство» в большей степени соответствовало общемировой практике и подчеркивало комплексный, модернизационный подход к аграрному вопросу и названию журнала.

Прекращение издания в 1893 году было связано не с научными, а с административно-финансовыми причинами. Академия вступила в полосу кризиса, связанного с общим ужесточением политического курса в царствование Александра III, сокращением финансирования и подготовкой к ее преобразованию в институт. Выпуск столь масштабного издания стал затруднителен¹⁰⁵. Запуск после 1894 года новых «Известий Московского сельскохозяйственного института» свидетельствует о том, что традиция научной периодики была прервана лишь временно, однако уникальный фор-

¹⁰⁴ Петровская сельскохозяйственная академия в истории России. М.: 2010. С. 88–90.

¹⁰⁵ Чаянов А.В. Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем. М.: 1925. С. 75.

мат «Известий» Петровской академии, отражавший ее «золотой век», ушел в прошлое.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о значимой роли «Известий Петровской земледельческой и лесной академии» (1878—1893) в истории отечественной науки. Это издание стало не просто регистратором научных достижений, а активным участником процесса институционализации и профессионализации аграрной науки в России. «Известия» зафиксировали уникальный период, когда в стенах одного учебного заведения работала целая плеяда ученых-энциклопедистов, закладывавших фундамент современных научных дисциплин. Публикации Тимирязева, Стебута, Вильямса, Турского и их коллег, представленные на страницах журнала, обладают не только исторической, но и непреходящей научной ценностью, оставаясь классикой своих областей.

Журнал успешно выполнял функции научной коммуникации, интеграции теории и практики, репрезентации достижений Академии и формирования научных школ. Его структура и содержание отражали высокие стандарты академической культуры пореформенной России. Эволюция издания, включая переименование 1890 года, демонстрирует динамику развития самой аграрной науки, ее усложнение и дифференциацию. Таким образом, «Известия» являются важнейшим историческим источником, позволяющим реконструировать интеллектуальный ландшафт одной из ключевых эпох в истории русской науки. Наследие издания прослеживается в последующих журналах Тимирязевской академии, а его «дух» — в стремлении соединить фундаментальные исследования с практическими нуждами сельского хозяйства, что остается актуальной задачей и в настоящее время.

ГЛАВА VII

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ТИМИРЯЗЕВСКОЙ АКАДЕМИИ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Конец XIX — начало XX вв. для России стало периодом интенсивных интеллектуальных исканий и социальных трансформаций. В этом контексте Петровская сельскохозяйственная академия (получившая в 1923 году имя К.А. Тимирязева) представляла собой уникальное явление — не просто учебное заведение, а настоящий интеллектуальный микрокосм, где формировались особые традиции, ценностные ориентации и модели поведения. Историко-антропологический подход позволяет рассмотреть, как в рамках академического сообщества создавалась особая культурная среда, отражавшая социальные процессы российского общества. Периодическая печать того времени выступает не только как источник фактологической информации, но и как ценное свидетельство того, как конструировался публичный образ науки и ее деятелей в общественном сознании.

«Российская наука никогда не была отделена от общественной жизни, а российские ученые, осознавая свою миссию, тяготели к различным формам публичности»¹⁰⁶, что особенно характерно для Академии, где профессура активно участвовала в общественных дискуссиях, а студенчество живо реагировало на события в стране. Важнейшим фактором формирования интеллектуальной традиции Академии являются исторический фон и институциональная идентичность. Петровская земледельческая и лесная академия была основана 3 декабря 1865 года по Указу Императора Александра II.

¹⁰⁶ История Российской научно-популярной прессы в социально-культурном контексте. СПб., 2021. С. 5.

Создание вуза было продиктовано необходимостью придать фундаментальную, научную основу сельскохозяйственной отрасли Российской империи. Важно отметить, что Академия с момента основания создавалась как учебное заведение нового типа, сочетающее теоретическую подготовку с практической направленностью. Уже в первые десятилетия существования Академии сложилась уникальная образовательная модель. Зимние месяцы отводились на теоретическую подготовку, а летние — на обязательную практику, следуя принципу «думать зимой, работать летом». Этот подход формировал особый тип ученого-аграрника, сочетающего глубокие академические знания с пониманием практических нужд сельского хозяйства.

Важнейшим фактором, определявшим структуру повседневности Петровской земледельческой и лесной академии (с 1923 г. — Тимирязевской) и районировавшим ее пространство, была ее уникальная материальная и символическая инфраструктура. К началу XX века Академия обладала развитой инфраструктурой, занимая территорию в 555 га с 31 учебным корпусом, 13 общежитиями и 18 объектами, впоследствии признанными культурным наследием¹⁰⁷. Однако ее значение выходило далеко за рамки утилитарной функции. Каждый объект представлял собой не просто здание или участок земли, а «место памяти» (*lieu de mémoire*, по П. Нора) академического сообщества, насыщенное смыслами и формировавшее особую среду для научной и педагогической деятельности¹⁰⁸. Особое значение в этом контексте имели такие ключевые объекты, как: Лиственничная аллея, заложенная в 1863 году выдающимся ученым-садоводом Р.И. Шредером. Она была не только образцом дендрологического искусства, но и символом связи времен и преемственности научных традиций. Прогулки по аллее становились ритуалом, во время которого происходили неформальные обсуждения научных проблем, общение профессоров со студентами, формируя тот самый «дух места», который отличал Академию¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Исторический очерк развития Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. М.: Изд-во МСХА, 1990. С. 45.

¹⁰⁸ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.

¹⁰⁹ Щербаков А.С. Р.И. Шредер и становление ландшафтной архитектуры Петровской академии // Вестник РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева. 2015. № 2. С. 134–135.

Метеорологическая обсерватория имени В.А. Михельсона начала работу в 1879 году и не прекращала исследований даже в самые сложные периоды. Этот объект олицетворял идеал непрерывности и точности научного знания. Повседневная практика наблюдений за погодой, в которой участвовали как сотрудники, так и студенты, воспитывала дисциплину, внимательность и ответственность — ключевые добродетели ученого-естественника¹¹⁰. Тимирязевский сквер с памятником К.А. Тимирязеву, открытым в 1926 году. Хотя памятник был установлен уже в советское время, он аккумулировал в себе память о «золотом веке» Академии и закрепил в камне образ ученого-борца и просветителя, ставший центральным элементом корпоративной идентичности «тимирязевцев»¹¹¹.

Эти и другие объекты создавали особую среду, формирующую корпоративную идентичность. Как справедливо отмечают исследователи, именно через повседневные, рутинные практики — прогулки по историческим аллеям, работу на опытных полях, наблюдения в обсерватории — происходило неформальное усвоение ценностей, норм и поведенческих моделей научного сообщества¹¹². Пространство Академии функционировало как педагогический инструмент, где сама материальная среда учила будущих агрономов и лесоводов основам научного подхода к природе. Опытные поля, лесные дачи, сады и оранжереи были не просто учебными полигонами, а лабораториями под открытым небом, где стиралась грань между теорией и практикой, лекцией и экспериментом. Таким образом, инфраструктура Петровской-Тимирязевской академии выступала важнейшим агентом социализации и формирования особого антропологического типа ученого-аграрника, для которого единство мысли и действия, исследования и его практического применения было не абстрактным принципом, а ежедневной реальностью, закреплённой в самом пространстве его профессиональной жизни.

¹¹⁰ Метеорологическая обсерватория имени В.А. Михельсона: 140 лет на службе науки. М.: РГАУ-МСХА, 2019. С. 12–15.

¹¹¹ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: Институт философии РАН, 1996. С. 89.

¹¹² Генинг В.Ф. Образ жизни и социальный облик ученого сообщества Петровской академии (1865–1917) // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 123.

Для исторической антропологии ключевым является вопрос о том, как сообщество осознает себя, конструирует свои ценности и транслирует их вовне. Для научного сообщества Тимирязевской (Петровской) академии конца XIX — начала XX вв. центральную роль в этом процессе играла периодическая печать. Она выступала не просто хроникером событий, а активным «конструктором реальности», формировала публичный образ Академии, задавала тональность описания научной деятельности и, по сути, являлась ареной, где происходила «борьба за смыслы». Цель данной главы — показать, как через призму прессы происходили становление и легитимация уникальной интеллектуальной традиции Академии, сочетавшей фундаментальную науку, практическую агрономию и активную гражданскую позицию. Анализ газетных и журнальных публикаций позволяет реконструировать не только события, но и систему публичных ценностей сообщества «тимирязевцев» изучаемого периода.

Пресса конца XIX — начала XX вв. активно участвовала в создании социальных типажей. Одним из ключевых для Академии был образ ученого-аграрника. В этом процессе можно выделить два основных медийных нарратива. Нарратив «ученого-практика» и «служителя земли». Этот образ активно продвигался в специализированных изданиях («Земледельческая газета», «Хуторянин») и либеральной прессе (например, в «Русских ведомостях»). Ученые Петровки представлялись не как кабинетные теоретики, а как «агрономы-практики», чья наука имеет непосредственный выход на нужды страны. В статьях подчеркивалась их связь с земством, работа по внедрению новых методов в крестьянские хозяйства. Например, участие профессоров в организации сельскохозяйственных выставок или чтение публичных лекций для землевладельцев подавалось как пример «служения народу». Этот образ был важен для легитимации Академии в глазах широкой общественности и власти, демонстрируя ее практическую полезность.

Второй нарратив связан с образом «ученого-гражданина» и «общественного трибуна». В условиях нарастающего социального напряжения (особенно после 1905 года) в демократической и левой прессе (такой как «Русское богатство») на первый план выходила общественно-политическая позиция профессуры. Фигура К.А. Тимирязева, который был не только физиологом растений, но и ярким

публицистом и сторонником народного просвещения, стала медийным символом этой линии. Его статьи, интервью, отчеты о его публичных выступлениях создавали образ ученого, не отделяющего науку от социальной справедливости. Пресса цитировала его высказывания о необходимости демократических реформ, создавая связь между «передовой наукой» и «передовыми общественными идеалами». Таким образом, пресса не просто описывала ученых, а предлагала обществу готовые модели для их восприятия, оказывая прямое влияние на формирование корпоративной идентичности «ти미рязевцев». Важной особенностью Академии было формирование преемственности научного знания. Как отмечается в исследовании О.Ю. Елиной, посвященном становлению системы сельскохозяйственных опытных учреждений России, именно через неформальные связи и личные ученичества часто передавались наиболее ценные компоненты научного знания, которые трудно формализовать¹¹³. Эта «невидимая» составляющая интеллектуальной традиции особенно интересна с точки зрения исторической антропологии.

Не менее значимыми являются изучение «голоса» студенчества и выявление репрезентативных практик прессы, характеризующих внутреннюю жизнь Академии. Студенческая жизнь была постоянным объектом внимания прессы, причем освещение кардинально менялось в зависимости от политической конъюнктуры. В различных журналах рубрика «хроника» отражала повседневность через призму мелких заметок. В относительно спокойные периоды жизнь Академии отражалась в небольших заметках в разделах хроники: объявления о лекциях приглашенных экспертов, отчеты о научных диспутах, заметки о работе опытных полей. В «Библиографии периодических изданий России. 1901–1916 гг.»¹¹⁴ 67 студенческих изданий выделяются в самостоятельную группу, но при этом не делается различий между газетами и журналами. Это объясняется тем, что даже сами издания не всегда могли определиться со своим типом, постоянно его меняли.

¹¹³ Елина О.Ю. Становление системы сельскохозяйственных опытных учреждений России, XVIII – 20-е гг. XX в.: автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.10 / Елина Ольга Юрьевна; [Место защиты: Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН]. Москва, 2009. 45 с.

¹¹⁴ Библиография периодических изданий России. 1901–1916 гг. Л., 1961.

1900–1905 гг. — период бурного развития нелегальной студенческой прессы: различного рода листовок, имевших нестабильную периодичность и недолгую жизнь. Например, «Злободневный листок» (Санкт-Петербург, 1901 г.), «Студенческий листок» (Санкт-Петербург, 1901 г.), «Студенческая жизнь» (Москва, 1901 г.), «Студенческая жизнь» (Санкт-Петербург, 1901 г.), «Студенческое слово» (Москва, 1901 г.). Особенно большой количественный рост подобных изданий наблюдался весной 1902 г. Помимо краткой хроники студенческой жизни стали печатать некоторые листки и бюллетени, отрывки из политических произведений, прокламации и воззвания. Эта рутинная медиализация создавала образ нормального, продуктивно работающего учебного заведения. Для историка эти фрагменты бесценны, так как позволяют реконструировать повседневную учебную и научную практику.

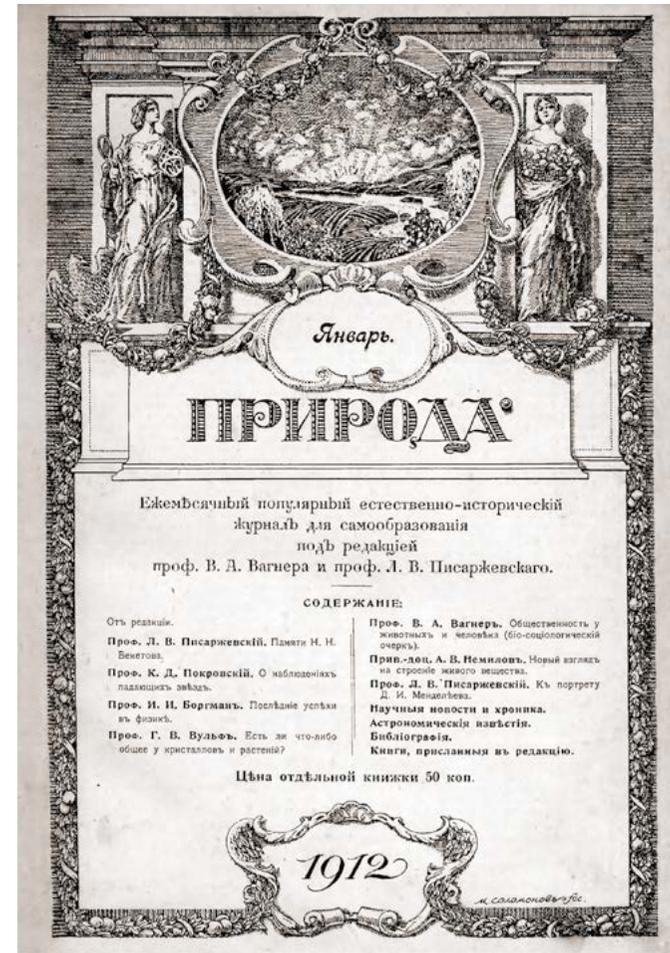
Журнал «Студенческая жизнь». 28 марта. 1910 г. № 11.

На обложке И.А. Иверонов — директор
Московского сельскохозяйственного института

В периоды политической нестабильности (1905–1907 гг., 1911 г.) фокус резко смещался. Студенчество Петровки становилось главным героем сенсационных репортажей. Консервативная пресса («Московские ведомости») описывала волнения как «бесчинства неблагодарной молодежи», подчеркивая нарушение порядка и связь с «крамолой». Либеральная и революционная пресса, напротив, романтизировала образ «студента-борца». Именно здесь мы находим отголоски тех настроений, которые подробно описаны в дневнике А.А. Праздников. Его опасения по поводу «травли нашего брата» и констатация «катастрофы» его «кампаний» (запись от 13 октября 1905 г.) — это личное, субъективное переживание, которое получало публичное, но сильно идеологизированное преломление в газетах. Пресса, таким образом, была полем битвы за интерпретацию не только событий, но и мотивов, чувств и идентичности студента.

Тимирязевская академия была одним из лидеров в области популяризации науки в обществе. Пресса стала главным каналом для этого диалога. Профессора-публицисты, ведущие ученые (К.А. Тимирязев, Д.Н. Прянишников, А.Г. Дояренко) были постоянными авторами научно-популярных журналов («Природа», «Научное слово»¹¹⁵) и газетных колонок. Их тексты — это не просто упрощенные лекции. Это была серьезная работа по переводу специального знания на язык публичной сферы. В своих статьях они не только рассказывали о новых открытиях в агрохимии или селекции, но и выступали с программными заявлениями о роли науки в модернизации страны, о необходимости просвещения крестьянства. Через эту деятельность в общественном сознании закреплялся авторитет Академии как главного интеллектуального центра аграрной России.

¹¹⁵ «Природа» и «Научное слово» — научно-популярные журналы, связанные с деятельностью ученого Николая Константиновича Кольцова. Журнал «Природа» издавался с 1912 года, главным редактором с момента возникновения и до 1930 года был Кольцов. Благодаря его усилиям авторами журнала стали Вернадский, Мечников, Павлов, Тимирязев, Прянишников, Дояренко, Чичибабин, Лазарев, Метальников, Комаров, Тарасевич, Кулагин и другие выдающиеся русские ученые.

Журнал «Природа», 1912 г.

Пресса также была площадкой для научных и общественных дискуссий. Полемика между представителями разных научных школ (например, по вопросам землепользования или борьбы с голодом) велась не в узкопрофессиональных кругах, а публично. Это показывает, что ученые Академии осознавали социальную ответственность своего знания и стремились влиять на принятие практических решений на государственном уровне. Освещение

этих дискуссий в прессе поднимало статус агрономической науки в целом, представляя ее как динамичную и критически важную для национальных интересов сферу. Через систематический анализ прессы конца XIX — начала XX вв. становится очевидно, что интеллектуальная традиция Тимирязевской академии формировалась не в изоляции, а в постоянном публичном диалоге с обществом. Периодическая печать была тем «увеличительным стеклом», которое одновременно и фокусировало общественное внимание на жизни Академии, и искажало ее в соответствии с политическими и идеологическими установками. Реконструкция этого медийного образа позволяет, используя инструментарий исторической антропологии, сделать вывод: уникальность «тимиразевского духа» заключалась в триединстве фундаментальной науки, прикладной ориентированности и активной гражданской позиции. Пресса не просто отражала это триединство, но и активно его конструировала, предлагая различные его версии для разных сегментов читающей публики. Поэтому изучение интеллектуальной традиции невозможно без учета ее «пресс-отражения», которое было не пассивной тенью, а активной составляющей самой традиции.

Важным для понимания проблематики является и изучение процесса конструирования публичного образа академии в прессе. Научно-популярная пресса начала XX века играла ключевую роль в формировании общественного восприятия науки. Цель научной популяризации в России мыслилась «не столько как продвижение конкретных научных областей, сколько как развитие мировоззрения и мышления широкой аудитории»¹¹⁶. Эта установка была близка профессуре Академии, многие представители которой активно сотрудничали с прессой. Анализ прессы позволяет выделить несколько устойчивых нарративов, связанных с изображением Академии. Первый фиксировал образ Академии как «локомотив прогресса», делая акцент на практической пользе исследований для сельского хозяйства страны. Другой нарратив был связан с дискурсом студенчества как «передовой силы», изображая студентов как носителей передовых идей. Третий свидетельствовал, что ученые являются «носителями знания» и способствовал созданию образов выдающихся профессоров Академии. Наконец,

¹¹⁶ История Российской научно-популярной прессы в социально-культурном контексте. СПб., 2021. С. 5.

четвертый вектор был связан с анализом места Академии в перипетиях политики и отражении реакции академического сообщества на общественно-политические события.

Особенно показательно преломление в прессе событий 1905 года. Как свидетельствуют источники, студент А.А. Праздников в своем дневнике описывал настроения в Академии: «нашу компанию постигла прямо какая-то катастрофа: многие не приехали, да и не приедут, кое-кто арестован...»¹¹⁷. Эти частные свидетельства дополняют официальную картину, реконструируемую по газетным публикациям. Формирование корпоративной идентичности «тимиразевцев» происходило через систему ритуалов и символов. Важную роль играли такие события, как ежегодные актовые дни, посвящения в студенты, празднования юбилеев. Эти практики создавали чувство общности, противопоставляя «своих» (членов академического сообщества) «чужим» (внешнему миру). Особый интерес представляет язык описания, используемый в академической среде. Как показывают источники, в дневниках и письмах часто встречаются оппозиции «наш брат» — «бурж», «наша компания» — «они»¹¹⁸. Этот язык отражал не только политические симпатии, но и глубинное ощущение принадлежности к особому сообществу.

Профессора Академии представляли собой особый тип интеллектуалов, сочетавших научную деятельность с общественной активностью. Например, М.П. Щепкин, первый заведующий кафедрой политической экономии, был гласным Московской Городской Думы и участвовал в составлении городского бюджета. Это совмещение профессиональной и общественной деятельности было характерной чертой академической традиции. «Российские ученые, осознавая свою миссию, тяготели к различным формам публичности, даже теоретико-методологические школы утверждали себя через публицистический дискурс»¹¹⁹. Эта особенность ярко

¹¹⁷ Праздников А.Г. Революционные события 1905 г. в Москве, отраженные в дневнике студента-вятчанина // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 106.

¹¹⁸ Праздников А.Г. Революционные события 1905 г. в Москве, отраженные в дневнике студента-вятчанина // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 105–106; Анофелес. 1914.

¹¹⁹ История Российской научно-популярной прессы в социально-культурном контексте. СПб., 2021. С. 5.

проявлялась в деятельности профессуры Тимирязевской академии, которая видела свою задачу не только в подготовке специалистов, но и в распространении научного мировоззрения в обществе.

Таким образом, интеллектуальная традиция Тимирязевской академии конца XIX — начала XX вв. представляла собой сложный синтез научных подходов, педагогических практик и ценностных ориентаций. Историко-антропологический анализ позволяет увидеть за институциональной историей живую ткань человеческих отношений, мотиваций, повседневных практик. Пресса этого периода выступает как ценнейший источник, отражающий не только факты, но и то, как конструировались публичные образы науки и ее представителей. Через призму газетных публикаций мы можем увидеть, как формировалось общественное восприятие Академии, как создавались нарративы о науке и ее роли в обществе. Интеллектуальная традиция, сложившаяся в Академии, оказалась замечательно устойчивой, пережив революции, войны и социальные трансформации. Ее основой стало сочетание фундаментальности с практической ориентацией, корпоративной солидарности с открытостью общественным запросам, уважения к традиции с готовностью к инновациям. Именно этот синтез позволил Академии сохранить свою идентичность в условиях быстрых социальных изменений начала XX века. Изучение культурно-исторического контекста формирования этой традиции важно не только для понимания прошлого, но и для осмысления путей развития науки и образования в современной России. Исторический опыт Тимирязевской академии показывает, что эффективная научно-образовательная система возможна лишь при условии тесной связи с практическими потребностями общества, при сохранении при этом академических свобод и корпоративной идентичности.

ГЛАВА VIII

ДИСКУРС ЮБИЛЕЕВ И НЕКРОЛОГОВ В ПЕРИОДИКЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ «МЕСТ ПАМЯТИ» ТИМИРЯЗЕВСКОЙ АКАДЕМИИ (XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Периодические издания в период с 1865 г. по начало XX века служили не только средством информирования, но и мощным инструментом конструирования символического порядка и корпоративной идентичности. Юбилейные торжества и публикации некрологов представляли собой ключевые дискурсивные практики, направленные на сакрализацию академического пространства Академии. В рамках данной главы эти практики анализируются через призму теории «социальной памяти», понимаемой как «древо духовной жизни» сообщества, которое доносит в наиболее точном виде все события и факты его истории, а также концепции «центра» и «периферии» Эдварда Шилза¹²⁰, где Академия предстает как символический «центр», поддерживающий свою целостность через традиции и церемонии¹²¹.

В рамках социологической теории институционального устройства, разработанной Эдвардом Шилзом, Петровская (Тимирязевская) академия представляет собой репрезентативный

¹²⁰ **Эдвард Альберт Шилз** (англ. Edward Albert Shils, 1 июля 1911, Чикаго — 23 января 1995, там же) — американский социолог, представитель структурного функционализма. Теоретические разработки Шилза были сосредоточены вокруг функциональной роли центра и периферии в обществах, места интеллектуалов в поддержании традиций и процессах модернизации, социологии образования и академических профессий. Вместе с Т. Парсонсом развивал общую теорию социального действия.

¹²¹ *Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975.*

пример функционирования центральной ценностной системы. Социолог представляет общество не как хаотичную толпу, а как живой организм. У любого организма есть сердце — главный источник жизни и энергии. Эдвард Шилз назвал это «сердце» общества — центральной ценностной системой. Это не здание и не человек, а невидимый, но очень прочный каркас из главных ценностей, символов и смыслов, которые все мы признаем важными. Внутри этой структуры содержатся социальные подсистемы, каждая из которых имеет свои авторитеты, так называемую элиту, которая может быть представлена как одним человеком, так и группой людей. «Решения, принимаемые элитами, входят как составные части в общую совокупность смыслов, установок и ценностей, подверженную единым стандартам, для которых система как целое, общество, является как бы предпосылкой»¹²². Ценности, которые находят свое выражение в этих стандартах и которые обуславливают эти элиты, мы будем называть центральной ценностной системой академического общества. Именно ее аксиологические константы, словно духовный магнит, скрепляют людей в единое целое, заставляя их чувствовать: «Мы — одна страна, один народ, одна корпорация, мы верим и реализуем одно важное дело».

В контексте дореволюционной России Петровская (Тимирязевская) академия была не просто учебным заведением. Она стала таким локальным «священным центром» — мощным генератором ценностей для целого сообщества. В рамках обозначенной теоретической конструкции, аграрное образование, реализуемое в Академии, предстает как сложно организованная система трансляции ценностей. Институциональная деятельность академии не ограничивалась подготовкой специалистов-аграриев, но и осуществляла формирование нормативной базы, регулирующей профессиональную и гражданскую идентичность выпускников. Профессорско-преподавательский состав, воплощающий собой высшую степень научной компетенции и моральной ответственности, выполнял функцию «интеллектуальной элиты», внося вклад в формирование ценностных ориентиров не только академического сообщества, но и более широкой социальной группы.

¹²² Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975. P. 118.

Ценности, культивируемые в Тимирязевской академии, такие как приверженность научному знанию, альтруистическое служение Отечеству посредством развития сельского хозяйства и преемственность научных традиций, пронизывали все аспекты образовательного процесса. Интеграция этих ценностей в повседневную жизнь студентов способствовала формированию у них чувства сопричастности к глобальной миссии преобразования общества через научный прогресс. Подобный подход соответствовал концепции «возвышения повседневности», согласно которой рутинные действия приобретают новое значение и символическую значимость в контексте более широких ценностных установок. Так, например, рутинный учебный процесс, связанный с освоением ботанических дисциплин, подвергался существенной семиотической трансформации через механизм символической реинтерпретации. Обыденная академическая практика приобретала черты сакрализованного действия благодаря дискурсивным стратегиям, используемым представителями институциональной элиты.

В выступлениях К.А. Тимирязева, И.А. Стебута, М.К. Турского, В.Р. Вильямса, Д.Н. Прянишникова и других профессоров Академии происходила метаморфоза восприятия образовательной деятельности: от частного к всеобщему, от светского к сакральному¹²³. Они были не просто преподавателями, а живыми носителями этих сакральных ценностей, «жрецами» научной истины. Их авторитет был непререкаем, а их решения и публичные выступления (например, на юбилеях Академии) укрепляли веру в общее дело. Студент, вовлеченный в данный дискурсивный контекст, переживал процесс символического возвышения индивидуального образовательного опыта до уровня национально значимой миссии «накормить страну». Данный психосоциальный феномен может быть охарактеризован как «возвышение повседневности» — процесс, в ходе которого

¹²³ Прянишников Д.Н. Университеты и агрономия (Речь, произнесенная при открытии секции на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей). Москва: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910; Прянишников Д.Н. Высшая школа, опытное дело и съезды: речь, произведенная на общем собрании 2-го Съезда по агрономической помощи населению. Москва: Тип. О. Л. Сомовой, 1911; Левицкий, А. П. Светлая жизнь: (По поводу 70-летия К.А. Тимирязева). Москва: Тип. О. Л. Сомовой, 1913; **Профессор Василий Робертович Вильямс.** К двадцатипятилетию научной, педагогической и сельскохозяйственной общественной деятельности. Москва: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1914 и др.

происходит переосмысление индивидуальной деятельности через призму метанарратива служения. В результате такой трансформации формировалась особая идентичность, сочетающая профессиональную компетентность с социальной миссией «просветителя», ответственного за модернизацию аграрного сектора страны.

Взаимодействие между Академией как центром и обществом, включая выпускников, как периферией, осуществлялось посредством распространения научного знания, а также через трансляцию ценностей и идеалов. Выпускники, работавшие в различных регионах страны, выступали в роли проводников передовых агрономических методов, внося свой вклад в повышение производительности сельского хозяйства и укрепление продовольственной безопасности. Публикации, юбилейные отчеты и публичные лекции способствовали формированию в общественном сознании позитивного имиджа науки как силы, способной решать насущные проблемы и обеспечивать прогресс. Ценности, которые она создавала: научное знание, служение Отечеству через развитие сельского хозяйства, преемственность поколений ученых, идеал бескорыстного служения науке.

И если Академия являлась центром гносеологической системы, то кто же выступал в качестве периферии? Периферией являлось все общество, которое получало и впитывало те ценности, которые рождались в центре. Выпускники, разъезжавшие по всей империи и становившиеся проводниками передовых агрономических знаний на местах. Они были «материалом», на котором «творила» Академия. Российское общество, которое через газеты, юбилейные отчеты и публичные лекции начинало верить в науку, как в силу, способную преобразовать жизнь. Таким образом, Тимирязевская академия была не просто «кузницей кадров», в исторических реалиях конца XIX — начала XX вв. она стала мощным смыслообразующим и цементирующим институтом, который не только формировал «священные» ценности (наука, служение, прогресс) и через профессоров транслировал их студентам, но и через выпускников распространял эти ценности на все общество, интегрируя его и задавая ему высокую цель. Именно так, через призму теории Э. Шилза, мы можем понять подлинную роль Академии — не просто учить, но и духовно объединять, создавая то самое «нечто», что было способно «преобразить и возвысить» жизнь целой страны.

Именно через призму этой теоретической конструкции, раскрывающей механизмы функционирования центральной цен-

ностной системы, особенно рельефно проявляется значимость юбилейных и некрологических практик, которые выступали ключевыми инструментами визуализации и актуализации сакрального содержания академического «центра». Эти коммеморативные¹²⁴ формы не просто фиксировали исторические вехи и потери, но и материализовали абстрактные ценностные категории, превращая их в осязаемые символы корпоративной идентичности. Рассмотрим, каким образом юбилейные торжества и некрологическая память конкретизировали теоретические положения Э. Шилза, обеспечивая воспроизводство центральной ценностной системы Академии через ритуализированные практики.

Крупные юбилеи Академии — 25-летие (1890 г.) и 50-летие (1915 г.) — представляли собой сложные ритуальные комплексы, выполнявшие различные социальные функции. В контексте теории П. Бурдье¹²⁵, эти мероприятия можно рассматривать как акты накопления символического капитала и укрепления инсти-

¹²⁴ Коммеморативная практика, коммеморация (от лат. *memorialis* — памятный) — социальная практика, основу которой составляет мобилизованная коллективная память о значимых событиях и личностях. Коммеморация является материальным компонентом и важнейшим инструментом формирования исторической памяти. Коммеморативные практики могут использоваться как политический инструмент, могут существовать как в рамках государственного дискурса и поддерживать власть (в том числе политика памяти), так и быть оппозиционными по отношению к ней или демонстрировать аполитичность. Более подробно см.: Коммеморативные практики / В.А. Шнирельман // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. 2023.

¹²⁵ **Теория Пьера Бурдье** (1930–2002) включает концепции о социальных полях, капитале и габитусе. Ученый изучал механизмы воспроизводства социальных иерархий, подчеркивал значимость культурных и символических факторов. Теория подчеркивает, что социальная реальность не сводится лишь к экономическим отношениям, а включает сложную сеть символических и культурных факторов, глубоко влияющих на повседневную жизнь и возможности индивидов в обществе. В теории Бурдье используются понятия: Поле — исторически сложившаяся автономная сфера социальной жизни, которая имеет свойственные только ей цели и ресурсы. Например, поля политики, экономики, религии, науки, культуры. Капитал — ресурсы, с помощью которых агенты могут удовлетворять свои интересы. Выделяются разные виды капитала: экономический, культурный, социальный, символический. Габитус — система устойчивых привычек, вкусов, убеждений, которые формируются у человека под влиянием социальной среды (семьи, образования, класса) и определяют его поведение и восприятие мира. Более подробно см.: *Бурдье П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44–59.

туционального статуса. Юбилейные церемонии служили важным механизмом легитимации Академии перед лицом государства. В юбилейных отчетах и адресах неизменно подчеркивалась роль учреждения как ответа на стратегические вызовы эпохи, включая необходимость подготовки квалифицированных кадров в условиях пореформенной модернизации сельского хозяйства. Акцент на подготовке специалистов, способных «организовать ведение всего сельского хозяйства на научной основе», символически утверждал социальную значимость Академии в глазах власти и общества.

Не менее важной функцией юбилеев была консолидация академического сообщества. Торжественные акты, научные сессии и тематические экскурсии, инициированные ведущими профессорами — Д.Н. Прянишниковым, В.Р. Вильямсом и другими — создавали нарратив преемственности и общих целей, укрепляя корпоративную идентичность преподавателей, выпускников и студентов. Через юбилейные тексты конструировался героический нарратив истории Академии. Фигуры основателей и выдающихся ученых — первого директора Н.И. Железнова, К.А. Тимирязева, И.А. Стебута — репрезентировались не просто как ученые, а как «славные сеятели на ниве» российской науки, чья деятельность имела национальное значение.

Формирование исследуемого дискурсивного паттерна впервые отчетливо проявилось в ходе празднования 25-летия Академии в 1890 году, которое стало важным этапом утверждения научного статуса учреждения и апелляции к «здоровым началам» ее деятельности. Юбилейные публикации в «Русских ведомостях», «Земледельческой газете», «Вестнике Европы» характеризовались сдержанностью и стремлением к респектабельности, что объяснялось необходимостью преодоления последствий «дела о студенческой столовой» 1876 года и последующих репрессий. Доминирующей темой выступлений стал нарратив научного вклада Академии, позиционирование Академии как ведущего центра аграрной науки России.

Профессорский корпус, включая И.А. Стебута, акцентировал практическую направленность исследований: выведение новых пород скота, разработку методов борьбы с вредителями, проведение агрохимических опытов¹²⁶. Этот дискурсивный выбор имел стратегическое значение, демонстрируя социально-экономиче-

¹²⁶ Ковальченко И.Д. Столетие Петровской сельскохозяйственной академии и развитие аграрной науки в России // Отечественная история. 1965. № 4. С. 112.

скую ценность Академии и ее вклад в развитие страны. Значимой составляющей юбилейного дискурса стала реинтерпретация «духа Петровки». Образ Академии, ранее ассоциировавшийся с «крамольными» настроениями, трансформировался в риторику «демократизма» и «бескорыстного служения науке». Апелляция к концепции «здоровых начал», разработанной публицистом И.П. Белокопским¹²⁷, позволяла представить особую академическую среду как необходимое условие научной продуктивности и социальной стабильности.

Юбилей 1915 года, отмечавшийся в условиях Первой мировой войны, ознаменовал новый этап в развитии институционального дискурса¹²⁸. Проблема участия сотрудников Московского сельскохозяйственного института в Первой мировой войне представляет собой малоизученный пласт истории вуза. Данная тема длительное время оставалась на периферии научного дискурса, что было обусловлено идеологическими установками советского периода, когда война характеризовалась исключительно как «империалистическая».

Между тем, как свидетельствуют архивные документы и материалы периодической печати, в августе 1914 года война была воспринята российским обществом как Вторая Отечественная, что вызвало значительный патриотический подъем во всех слоях населения, включая академическую среду. Согласно исследованиям С.Г. Величко, основанным на анализе официальной статистики МСХА на 1 января 1917 года, шестнадцать сотрудников института не вернулись с полей сражений. Среди погибших значился сын видного ученого А.Ф. Фортунатова¹²⁹, что свидетельствует о глубине личных трагедий, пережитых академическим сообществом

¹²⁷ Белокопский И.П. По поводу 25-летия Петровской академии // Русские ведомости. 1890. № 295. С. 2–3.

¹²⁸ Иверонов И.А. К пятидесятилетию высшей сельскохозяйственной школы в Петровском-Разумовском / И.А. Иверонов. Москва: Тип. В. Киришбаума, 1915; Московский сельскохозяйственный институт. Пятьдесят лет Высшей сельскохозяйственной школы в Петровском-Разумовском. [1865–1915]. Московский сельскохозяйственный институт и его ученые и учебные учреждения к 1915 году: Т. 2. Ч. 1. Москва: Б. и., 1917. 411 с.

¹²⁹ Оршиев А.Б. Тайны российской аграрной науки: Тимирязевский прорыв М., 2016.

в период войны. Отсутствие комплексного изучения данного вопроса в историографии можно объяснить несколькими факторами: идеологическими ограничениями советского периода, фрагментарностью архивных данных и сменой научных парадигм в изучении Первой мировой войны. Необходимость дальнейшего исследования этой темы обусловлена важностью воссоздания полной исторической картины участия российского академического сообщества в событиях Первой мировой войны и оценки его вклада в общенациональные усилия военного времени.

В материалах «Русских ведомостей», «Речи» и специализированных изданий эпохи доминировал нарратив национального служения. Дискурс научной полезности дополнился темой вклада Академии в оборону страны: работа лабораторий для нужд армии, помощь раненым, обеспечение продовольственной безопасности. Эта риторическая стратегия позволяла позиционировать Академию как неотъемлемый элемент национального организма в период испытаний. В контексте общегосударственной мобилизации ресурсов в период Первой мировой войны Московский сельскохозяйственный институт (Тимирязевская академия) продемонстрировала значительный потенциал адаптации научных исследований к потребностям оборонной промышленности. Ярким примером такого симбиоза научной и военной сфер стала деятельность профессора Д.Н. Прянишникова в области химизации сельского хозяйства и ее имплементации в военное производство. Кризисная ситуация мая 1915 года, когда русские войска осуществляли стратегическое отступление от Вислы до Прибалтики, актуализировала проблему ресурсного обеспечения армии. Экстренное совещание в Министерстве земледелия, посвященное «туковому вопросу»¹³⁰, выявило необходимость системной интеграции сельскохозяйственной науки в оборонную промышленность. Профессор Д.Н. Прянишников артикулировал концепцию естественного симбиоза туковой и военной промышленности, основанную на технологической конвергенции производственных процессов.

¹³⁰ Труды Совещания 20–22 мая 1915 года с участием представителей науки, земских и общественных учреждений. Сельскохозяйственные машины, минеральные удобрения и лекарственные растения / Г.У.З. и З. Деп. земледелия. Петроград, 1915. 482 с. С. 2.

Научная школа Д.Н. Прянишникова, сформированная в МСХИ с середины 1890-х годов, оказалась стратегически важным ресурсом в условиях военного времени. Созданная им лаборатория исследований удобрений и внедренные летние практические занятия для студентов-агрономов стали основой для решения задач оборонного значения¹³¹. Сотрудник лаборатории Д.Н. Прянишникова С.И. Калинин разработал эту методику еще в 1911 г.¹³², но результат тогда показался недостаточно интересным. В условиях военного времени к этим работам вернулись, и А.В. Казаков занимался совершенствованием процесса, добившись выхода 12-процентного продукта¹³³. Вегетационные опыты по изучению действия туков, проводившиеся в Академии, получили новое прикладное значение в контексте разработки компонентов для взрывчатых веществ. Особую актуальность приобрели исследования сернокислого аммония, которые под руководством Д.Н. Прянишникова вышли за рамки сугубо агрономической проблематики. Разработки в области аммиачных удобрений оказали непосредственное влияние на фундаментальные исследования в области обмена веществ растений, одновременно обеспечивая научное сопровождение процессов создания взрывчатых веществ для нужд армии¹³⁴.

¹³¹ Прянишников Д.Н. Об опытах с фосфатами в 1910–1912 гг. // Из результатов вегетационных опытов и лабораторных работ. Т. 8. М., 1913; Прянишников Д.Н. Об опытах с фосфоритами в отчетный период // Из результатов вегетационных опытов и лабораторных работ. Т. 9. М., 1914; Прянишников Д.Н. О фосфате Пальмера // Из результатов вегетационных опытов и лабораторных работ. Т. 9. М., 1914.

¹³² Прянишников Д.Н. Об опытах по химической переработке фосфатов за 1910–1911 гг. // Отчет об опытах по химической переработке фосфоритов и вегетационных опытах с ними. Вып. II. Труды Комиссии МСХИ по исследованию фосфоритов. Серия 2. М., 1911.

¹³³ Труды Совещания 20–22 мая 1915 года... С. 145.

¹³⁴ ЦАГМ. Ф. 184. Оп. 4. Д. 261. Л. 2–9, 11–15, 17, 21–34.

Д.Н. Прянишников (1865–1948)¹³⁵

Патриотический дискурс, выраженный в девизе «освобождения Родины от внутреннего чужеземного засилья в народном хозяйстве»¹³⁶, нашел практическое воплощение в деятельности Академии. Несмотря на ограниченную эффективность внедрения новых удобрений в Центральной России в военных условиях, научные разработки МСХИ создали теоретическую и технологическую основу для импортозамещения в химической промышленности.

¹³⁵ **Дмитрий Николаевич Прянишников** — русский агрохимик, биохимик и физиолог растений, основоположник советской научной школы в агрономической химии. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, Сталинской премии и премии им. К.А. Тимирязева. В 1889 году окончил Петровскую сельскохозяйственную академию (ныне — РГАУ-МСХА К.А. Тимирязева). С 1895 года и до конца жизни — заведующий кафедрой агрохимии в Московском сельскохозяйственном институте. В 1931 году основал Всесоюзный институт по удобрениям, агротехнике и агропочвоведению, в котором работал до конца жизни.

¹³⁶ Труды Совещания 20–22 мая 1915 года... С. 11.

Таким образом, вклад Тимирязевской академии в обеспечение обороноспособности России в годы Первой мировой войны проявлялся не только в непосредственном участии сотрудников в боевых действиях, но и в стратегической интеграции агрономической науки в систему военного производства, что демонстрирует значительный адаптационный потенциал академического сообщества в условиях общегосударственного кризиса.

В военных условиях эволюция юбилейного дискурса от осторожной самолегитимации к активному национальному служению демонстрирует способность Академии адаптировать свои репрезентативные стратегии к изменяющимся историческим обстоятельствам, эффективно аккумулируя символический капитал в различных социально-политических контекстах. Этот дискурсивный выбор имел стратегическое значение, демонстрируя государству и обществу утилитарную ценность Академии, ее непосредственный вклад в военное и экономическое развитие страны. Параллельно происходило переосмысление «духа Петровки»: из образа «крамольного» в 1870-е годы он трансформировался в риторике «демократизма», «товарищества» и «бескорыстного служения науке».

Важным элементом стало формирование в юбилейных публикациях пантеона основателей. Фигуры Н.И. Железнова, П.А. Ильенкова, А.П. Людоговского канонизировались как ученые-практики и патриоты, заложившие институциональные основы Академии. Этот процесс знаменовал создание героической генеалогии, необходимой для укрепления корпоративной идентичности. Юбилей 1915 года, отмечавшийся в условиях Первой мировой войны, приобрел новые смысловые акценты. Дискурс практической полезности дополнился темой вклада в оборону страны: работа лабораторий для нужд армии, помощь раненым, повышение урожайности как фактор укрепления продовольственной безопасности. Такая риторическая стратегия позволяла максимизировать патриотическую составляющую образа Академии, репрезентируя ее как интегральный элемент национального организма в период испытаний. Эволюция юбилейного дискурса от осторожной легитимации к активному национальному служению демонстрирует адаптационные возможности Академии в меняющемся социополитическом контексте, ее способность актуализировать символический капитал в соответствии с вызовами времени.

Если юбилейные публикации формировали прижизненный пантеон славы Тимирязевской академии, актуализируя вклад действующих ученых в национальную науку¹³⁷, то некрологический дискурс выполнял функцию посмертной канонизации, завершая процесс создания целостного паттерна институциональной славы¹³⁸. Некрологи становились заключительным актом символического возвеличивания, переводя биографии ушедших ученых в разряд вечной памяти и закрепляя их место в сакральной истории Академии. Этот переход от празднования настоящего к увековечиванию памяти прошлого создавал замкнутый цикл формирования корпоративной идентичности, где юбилеи и некрологи выступали взаимодополняющими инструментами конструирования непрерывной традиции научного служения. Через риторику посмертного почитания складывался канонический образ тимирязевского ученого как «славного сеятеля на ниве отечественной науки», чей жизненный путь обретал черты житийного повествования, а научные достижения становились частью институционального мифа.

Некрологи в академической периодике выполняли роль инструмента посмертной канонизации, трансформируя биографию ученого в агиографический текст. Анализ этих материалов позволяет выявить устойчивые нарративные стратегии формирования коллективной памяти. Детальное описание жизненного пути усопшего, его научных достижений, педагогического вклада и личных качеств формировало образ идеального ученого и преподавателя, образец для подражания. Акцентирование на академических заслугах и нравственных качествах покойного создавало

¹³⁷ Например: *Фортуатов А.Ф.* Иван Александрович Стебут : (К пятидесятилетию его деятельности). 1854–1904 гг. Москва: тип. О.Л. Сомовой, 1904. 9 с.; Стебут И.А. // Русские ведомости. М., 1915; Юбилей заслуженного профессора И.А. Стебута // Известия северо-западного Управления с.-х. опытного дела, Вып. 1, II, 1923; Юбилей А.Г. Дояренко // Вестник сельского хозяйства. 1926. № 12. [Статьи В.А. Михельсона, А.П. Левицкого, С.С. Геркена, П.И. Андрианова, Г.М. Мирзоева, Л.Л. Балашова, М.А. Воробьева] и др.

¹³⁸ См. например: *Фортуатов А.Ф.* Памяти А.Н. Шишкина // Хозяин. 1899. № 27. С. 907–913; Левицкий А. Памяти проф. И.А. Стебута // Сельскохозяйственная жизнь. 1923. № 38; *В. Ковалевский.* Памяти Ивана Александровича Стебута // Известия государственного института опытной агрономии. 1924. № 1–2; *Челинцев А.Н.* Памяти А.Ф. Фортуатова // Сельскохозяйственная жизнь. 1925. № 18. С. 59–60 и др.

культ героев науки, а также поддерживало преемственность поколений. Анализ некрологов, опубликованных в период с 1865 по 1920 год, показывает устойчивую тенденцию к идеализации ушедших членов академической корпорации¹³⁹. Использование нарративных стратегий, таких как подчеркивание выдающихся заслуг, создание героизированных образов и ритуализация памяти, способствовало формированию особого «академического мифа», в котором Тимирязевская академия представляла не просто учебным заведением, но и центром научных исследований, нравственных ценностей и патриотического служения.

В некрологах детально описывался не только профессиональный путь («автор свыше 200 научных работ», «создатель научной школы»), но и личные качества («профессионализм, требовательность... высокая работоспособность, преданность избранному делу»), формируя идеализированный образ ученого как образец для подражания. Знаковым элементом некрологического дискурса было упоминание государственных наград и званий, что служило не просто констатацией факта, а символическим скреплением связи между заслугами ученого и интересами государства, усиливая сакральный статус его служения. Важное место занимало подчеркивание преемственности научных традиций. Упоминания о создании «научной школы» и подготовке учеников актуализировали идею «преемственности истории», где индивидуальная научная биография вписывалась в непрерывную цепь академической традиции.

Дискурс юбилеев и некрологов находил свое материальное воплощение в пространстве кампуса, превращая его в сакрализованный ландшафт памяти. Периодика фиксировала и сама

¹³⁹ Например: Щепкин Дмитрий Митрофанович. Митрофан Павлович Щепкин: [Очерк деятельности] / [Дмитрий Щепкин]. Москва: тип. О-ва р. п. книг, преемник В.И. Воронов, 1910. 73 с.; *Фортуатов А.* Несколько слов о М.М. Щепкине // Вестник Сельского Хозяйства. 1921. № 7. С. 2.; Собичевский Владимир Тарасович (1838–1913). Воспоминание о М.К. Турском / Воспоминание о Митрофане Кузьмиче Турском / [В. Собичевский]. [Санкт-Петербург]: тип. СПб. градоначальства, [1899]. 13 с.; Некролог К.А. Тимирязева. Большевики работают для счастья народа // «Известия» 29 апреля 1920 года; Памяти К.А. Тимирязева // Пролетарская культура, 1920, № 15–16. С. 1–3; Памяти К.А. Тимирязева [Текст]: Сборник докладов и материалов сессии Биол. ин-та им. К.А. Тимирязева, посвященной 15-летию со дня смерти К.А. Тимирязева. 1920–1935 / Под ред. П.П. Бондаренко, Б.П. Токина, Е.Е. Успенского. Москва; Ленинград: Биомедгиз, 1936. Переплет, 315 с. и др.

участвовала в создании этих «мест памяти» (*lieux de mémoire*) в терминологии П. Нора¹⁴⁰. Знаковым элементом этого процесса стало открытие мемориальных досок и памятников, создававших плотный семиотический слой, связывавший архитектурные объекты с именами выдающихся ученых. Так, установка памятника профессору М.К. Турскому в 1912 году стала ритуализированным актом, закреплявшим его образ «на кафедре за чтением лекции» — вечного учителя.

Особенностью сакрального пространства Академии стала ритуализация природных и исторических объектов. Такие элементы ландшафта, как «тополь Разумовского» 1902 г.¹⁴¹ или парк с гротом, связанным с трагическими событиями 1869 года (убийством

¹⁴⁰ «Место памяти» (фр. *lieux de mémoire*) — понятие, введенное французским ученым Пьером Нора в начале 80-х годов XX века. Суть концепции — единство духовного и материального, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности. Некоторые примеры мест памяти по Нора: памятники культуры и природы, праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, прощальные, погребальные речи, похвальные слова. Важная характеристика мест памяти — они могут нести разные значения и это значение может меняться. П. Нора не ограничивал места памяти географическими границами, поскольку они не являются местами в узком понимании этого слова. Более подробно см.: Франция-память: Перевод с французского / Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж, Мишель Винок; С.-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. 325 с.

¹⁴¹ На территории Тимирязевской академии в Москве рядом с учебным корпусом № 9 растет уникальный исторический объект — тополь «Разумовский». Тополь «Разумовский» был посажен в 1902 году на центральной площади Тимирязевской академии ученым-агрономом Иваном Стебутом. Вообще, их было посажено два — по разные стороны площади и назвали их по имени Петровско-Разумовской усадьбы. Одному тополю дали имя Петровский, второй стал Разумовским. Оба тополя были созданы путем селекции черного и канадского тополей садовником Петровской академии Р.И. Шредером. Тополь «Разумовский» возник на территории Московской (Петровской) сельскохозяйственной академии и произошло это, вероятнее всего, в дендросаду, который теперь носит имя Р.И. Шредера, в результате спонтанной гибридизации каких-то культурных тополей во второй половине XIX в. Он был замечен Р.И. Шредером и в 1882 г. выставлен на обозрение и продажу на сельскохозяйственной выставке в Петровско-Разумовском. Более подробно см.: *Насимович Ю.А., Майоров С.Р., Муратаев Р.А.* Идентификация *Populus × rasumovskoe* (Salicaceae) в Москве // Социально-экологические технологии. 2025. Т. 15. № 2. С. 137–155. С. 149–150. Студенты Академии верят, что если прикоснуться к «Разумовскому» или принести ему дары, он поделится разумом и поможет на экзаменах.

студента И. Иванова)¹⁴², обрастали легендами и ритуальными практиками, становясь частью корпоративного фольклора и эмоциональной топографии памяти. Исторические здания кампуса — Главный учебный корпус, построенный на месте усадебного дома Разумовских, Конный двор середины XVIII века — становились материальными символами непрерывности истории, связывая имперское прошлое с современной научной деятельностью. Периодика постоянно отсылала к истории этих объектов, находящихся на территории «бывшей усадьбы Петровско-Разумовское», усиливая их сакральный статус. Таким образом, через систему ритуалов, дискурсивных практик и материальных маркеров в Тимирязевской академии формировалось сложное семиотическое пространство, обеспечивавшее воспроизводство корпоративной идентичности и трансляцию ключевых ценностей научного сообщества.

Эмпирический материал, представленный некрологами и юбилейными нарративами, демонстрирует их явную значимость для консолидации корпорации. Следующим логическим шагом является помещение этих данных в рамки конкретных социологических и культурологических концепций. Интеграция теоретических подходов позволяет глубже раскрыть исследуемые процессы. Однако простого описания функций юбилеев и некрологов недостаточно для понимания их фундаментальной роли в жизни Тимирязевской академии. Чтобы перейти от констатации их значения к глубокому анализу механизмов их влияния, необходимо интегрировать теоретические подходы, позволяющие рассмотреть эти практики как элементы единой социокультурной системы. Теоретическая оптика, фокусирующаяся на проблематике традиции, центра и социальной памяти, открывает наиболее продуктивные пути для такого анализа.

Для анализа функций юбилеев и некрологов в жизни Тимирязевской академии продуктивным является синтез теоретических подходов, акцентирующих роль коллективных практик в воспроизводстве социального порядка. В данном исследовании ключевыми выступают концепция «центра» Э. Шилза и теория социальной памяти. С позиции Э. Шилза, академическое сообщество может быть интерпретировано как символический «центр», конституирующий

¹⁴² Грот XVIII века, когда-то расположенный на берегу заболоченного пруда слева от центральной аллеи Исторического парка, за главным зданием Академии, был разрушен уже в 1890-е годы.

собственную систему ценностей и норм — «академический этос». В этом контексте юбилеи и некрологи выступали в качестве ритуальных практик, которые визуализировали и легитимировали данный центр. Они не просто фиксировали достижения или утраты, но и выполняли ключевую интегративную функцию, сплачивая сообщество вокруг разделяемых символов и противостоя тем самым центробежным силам дезинтеграции. Профессура, как группа интеллектуалов, являлась агентом этих процессов, обеспечивая кумулятивную трансляцию традиции через поколения. Ритуалы выступали в качестве механизмов поддержания социальной памяти. Юбилеи и некрологи являлись операционными механизмами этой системы, селективно актуализируя прошлое, закрепляя ключевые нарративы, мифы и ценности, которые составляют ядро корпоративной идентичности. Таким образом, эти практики обеспечивали устойчивость («постоянство») академического сообщества, позволяя ему адаптироваться к резким изменениям внешней социально-политической среды (реформам, революционным потрясениям) без полного разрыва с собственной традицией.

Таблица

Основные функции дискурса юбилеев и некрологов

Дискурсивная практика	Основные функции	Конкретные проявления
Юбилейный дискурс	Легитимация института, консолидация сообщества, формирование героического нарратива	Описание торжественных актов, юбилейные исторические очерки, подчеркивание государственной значимости
Некрологический дискурс	Канонизация ученого, поддержание традиции и преемственности, связь с государством	Агиографические описания жизненного пути, перечисление наград и званий, акцент на создании научной школы
Дискурс «мест памяти»	Материализация памяти, сакрализация пространства, создание эмоциональной связи	Освещение установки памятников и мемориальных досок, упоминание исторических зданий и природных объектов

Важным аспектом сакрализации академического пространства выступало создание и поддержание мифологии, связанной с историческими фигурами и ключевыми событиями в жизни Академии. Распространение легенд и преданий об основателях, выдающихся ученых и их достижениях, формировало героический нарратив, способствующий укреплению корпоративной идентичности. Регулярное проведение научных конференций, посвященных юбилеям известных ученых, также играло важную роль в поддержании корпоративной памяти. На этих мероприятиях представлялись доклады, анализирующие вклад ученых в развитие науки и образования, а также обсуждались актуальные проблемы, связанные с их научным наследием. Такие конференции служили платформой для обмена знаниями и опытом, а также укрепляли связи между поколениями ученых. Таким образом, дискурс юбилеев и некрологов в периодике о Тимирязевской академии представлял собой сложную систему ритуализированных практик, направленных на конструирование и поддержание корпоративной сакральности. Эти практики, проанализированные через призму теории социальной памяти и концепций Э. Шилза, позволяли решать ключевые для выживания академического сообщества задачи: легитимировать свой статус перед лицом государства, консолидировать внутреннее сообщество, канонизировать своих героев и материализовать коллективную память в сакрализованном пространстве кампуса. Формируя позитивный имидж и укрепляя чувство общности, юбилейный и некрологический дискурс обеспечивал символическую непрерывность и преемственность традиции в переломную эпоху XIX — начала XX вв.

ГЛАВА IX

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ АКАДЕМИИ: НАУКА, БЫТ И ДУХ ВОЛЬНОДУМСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Петровская (Тимирязевская) академия была не просто учебным заведением, это был уникальный микрокосм, «государство в государстве», со своим укладом, традициями и неповторимой атмосферой, которую современники называли «духом Петровки». Ежедневная жизнь в его стенах — от лекций в аудиториях до дискуссий в ботаническом саду и шумных сходов в общежитиях — раскрывает суть этого учреждения гораздо ярче, чем сухие отчеты министерств. Повседневность «Петровки» представляла собой причудливое сплетение напряженного научного труда, патриархального быта поместья и кипящей общественно-политической мысли. Именно эта повседневность, детально запечатленная на страницах российской периодики второй половины XIX — начала XX вв., позволяет понять, почему Академия стала одновременно флагманом агрономической науки и «костью в горле» для консервативно настроенной части прессы и правительства. Периодика выступает не просто хроникером, а активным участником событий: либеральные издания видели в Академии надежду на прогресс, консервативный рассадник опасных идей, а специализированные журналы скрупулезно фиксировали научные достижения. Через призму газет и журналов мы можем услышать живые «голоса» студентов, профессоров и их оппонентов.

Демократический устав Академии, разработанный при активном участии первого директора Н.И. Железнова и профессора П.А. Ильенкова, допускал поступление лиц всех сословий без всту-

пительных экзаменов и образовательного ценза¹⁴³. Это принципиальное отличие от других высших учебных заведений привлекало разночинную молодежь со всей России, формируя уникальный социальный микроклимат. Социальный состав студенчества Академии отражал процессы демократизации образования в пореформенной России. Согласно статистическим данным, среди студентов преобладали дети мелких и средних чиновников, мещан, небогатых дворян¹⁴⁴. Значительную группу составляли выходцы из духовенства (около 10% от общего числа) и крестьянства, что было нетипично для других вузов того времени. Такой разнородный социальный состав создавал особую атмосферу, где стирались сословные различия и формировалась новая интеллектуальная элита.

За период с 1865 по 1872 год в Петровской академии обучалось 193 студента, однако полный курс завершили лишь 10 человек. Один дипломированный выпускник служил лесничим, а остальные девять человек работали в сельскохозяйственной сфере (пятеро преподавали в профильных учебных заведениях, а четверо управляли имениями). 184 студента изучили только интересовавшие их предметы и стали работать в сельскохозяйственном секторе экономики без диплома. Важно отметить, что из числа бывших студентов периода 1865–1872 гг. 58 человек стали управляющими имениями, 45 — вели собственное хозяйство, а 43 — состояли на государственной службе, связанной с сельским хозяйством¹⁴⁵. Министерство государственных имуществ сочло такие результаты деятельности Академии недостаточными, что привело к ее реорганизации в 1872 г. Несколько месяцев действовали Временные правила, а 16 июня 1873 г. император Александр II утвердил новый устав Петровской земледельческой и лесной академии. По императорскому указу годовой бюджет Академии превысил 145 тысяч рублей, а срок обучения студентов был увеличен до четырех лет. В Петровскую академию стали принимать выпускников классических гимназий и реальных училищ, а также лиц с высшим

¹⁴³ Устав Петровской земледельческой и лесной академии, [Штат Петровской земледельческой и лесной академии и состоящей при ней фермы] [Утв. 27 окт. 1865 г.]. Санкт-Петербург, 1865. С. 1.

¹⁴⁴ Московские ведомости. 1875. № 45. С. 3.

¹⁴⁵ Известия Петровской земледельческой и лесной академии. М., 1887. Вып. 2. С. 116–117. С. 116.

образованием¹⁴⁶. Учебный процесс в Академии отличался органичным сочетанием фундаментальной научной подготовки с практическими занятиями. Как отмечал современник, «зимой — лекции и лаборатории, летом — поля и опытные участки»¹⁴⁷. Студенты проводили летние месяцы на опытных полях, в лесных дачах и сельскохозяйственных фермах, что создавало прочную связь между теорией и практикой. Особенностью Академии было отсутствие жесткого разделения между аудиторными занятиями и полевыми работами — многие эксперименты начинались в лаборатории и продолжались на опытных полях.

«Храм науки» среди полей и рощ: кампус и инфраструктура глазами современников. Расположение Академии в отдалении от центра Москвы, в живописной местности с парками, прудами и опытными полями, фундаментально формировало ее особый уклад. Это был не просто учебный корпус, а целый академический городок, жизнь которого постоянно освещалась в прессе. «Петровско-Разумовское выступало как идеальное место для учения»: в отчетах, публиковавшихся в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство» и в путевых заметках корреспондентов «Московских ведомостей» 1860–1870-х годов, неизменно подчеркивалось преимущество расположения. «Воздух здесь чистейший, вода из собственных ключей, а обширные поля и лесные дачи предоставляют неоценимые возможности для практических занятий, — писал один из обозревателей. — Студент здесь не оторван от природы, а живет и учится в непосредственном контакте с ней». Это противопоставлялось классическим университетам, запертым в каменных стенах городов.

Пространство Академии выступало важнейшим элементом структур повседневности студентов и преподавателей. Территория Академии играла ключевую роль в формировании повседневных практик¹⁴⁸. Огромный парк площадью 500 гектаров с дендрологическим садом, опытные поля, лесные участки создавали уникальную среду, где учебная деятельность естественно переплеталась

¹⁴⁶ Змеев В., Зайцева Н. Петровская академия // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 147.

¹⁴⁷ Воспоминания о студенческой жизни: [Сборник]. Москва: О-во распространения полез. кн., 1899. 271 с. С. 45.

¹⁴⁸ Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1986. С. 156.

с повседневной жизнью¹⁴⁹. Пространственная организация кампуса отражала образовательную философию Академии. Учебные корпуса соседствовали с опытными полями, лаборатории — с теплицами и питомниками. Это стирало границы между «чистой наукой» и практикой, создавая целостное образовательное пространство. Прогулки по лиственничной аллее, заложенной Р.И. Шредером¹⁵⁰, становились временем неформального общения, дискуссий, совместного поиска решений научных проблем. Как отмечали современники, «парк Академии был не только местом отдыха, но и открытой аудиторией, где рождались новые идеи и завязывались научные споры»¹⁵¹.

Архитектурный комплекс Академии, созданный по проекту Н.Л. Бенуа, также влиял на повседневность студентов. Просторные аудитории с уникальными выпуклыми стеклами, хорошо оборудованные лаборатории, богатая библиотека формировали особое отношение к знанию как к ценности. При этом изолированность кампуса от центра Москвы способствовала созданию тесного академического сообщества.

¹⁴⁹ Чаинов А.В. Указ. соч. С. 56.

¹⁵⁰ Сибирские лиственницы вдоль дороги посадил в 1863 году ученый Р.И. Шредер, название аллея получила в 1925 году.

¹⁵¹ Русские ведомости. 1885. № 68. С. 3.

Описания быта мы находим как в официальных отчетах, так и в мемуарах, публиковавшихся в исторических журналах последней трети XIX — начала XX вв. Жизнь студентов Академии была отмечена скромностью, а часто и настоящей бедностью¹⁵². Плата за обучение составляла 25 рублей в год, но многие студенты испытывали серьезные финансовые трудности¹⁵³. Стипендии¹⁵⁴ выплачивались лишь ограниченному кругу учащихся, основным критерием отбора была успеваемость, а не материальное положение¹⁵⁵. Большинство студентов проживало в общежитиях, размещенных в перестроенных флигелях усадьбы Петровско-Разумовское, где было оборудовано 48 комнат¹⁵⁶. Условия проживания были скромными: в комнатах размещалось по 2–3 человека, минимальная мебель, отопление печное. Как вспоминал один из выпускников, «наши комнаты больше напоминали монашеские кельи, но в этой простоте была своя прелесть».¹⁵⁷

Необходимость, связанная с растущей популярностью Академии, вызвала расширение инфраструктуры. Напротив профессорского коттеджа расположено краснокирпичное здание № 3/58 бывшего Общежития студентов («Старый 15-й корпус», ныне корпус Агроинженерного университета), построенное в 1886–1887 гг. на государственные средства преподавателями с-х. архитектуры «Петровки» профессорами С.И. Тихомировым и Г.А. Кайзером. Строительство общежитий было вызвано не только возросшим количеством поступающих, но стремлением Правительства взять студентов под контроль, из-за возросших революционных настроений в молодежной среде. Легче было вести учет посетителей,

¹⁵² Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX вв. М., 1999. С. 167.

¹⁵³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 123. Л. 45.

¹⁵⁴ Устав Петровской земледельческой и лесной академии, [Штат Петровской земледельческой и лесной академии и состоящей при ней фермы] [Утв. 27 окт. 1865 г.]. Санкт-Петербург, 1865.

¹⁵⁵ Российский государственный исторический архив. Фонд № 398. Опись № 52. Единица № 17010. Департамент земледелия Министерства земледелия. I разряд. Об изменении правил Муравьевской стипендии в Петровской земледельческой академии. 1888–89.

¹⁵⁶ Чаянов А.В. Указ. соч. С. 45.

¹⁵⁷ Исторический вестник. 1910. № 5. С. 567.

контролировать нравственное состояние, в крайних случаях производить обыск комнат, где неблагонадежные студенты (по донесению жандармерии) могли спрятать нелегальную политическую литературу и оружие). Здание было рассчитано на 150 человек, по двое — двое на одну комнату. Соискателям ученых степеней и студентам с первым высшим образованием давалась отдельная комната, за которую взимали 300 рублей в год (правда, с предоставляемым полным трехразовым питанием). На старинных фотографиях видно, что меблировка состояла из двух никелированных кроватей, пары платяных шкафов у двери. Возле окна стол и два венских стула, тумбочки, икона в Красном углу.

«Новые номера» Петровской академии, г. Москва, 1892 г.

Источник: Семейный архив Величко-Мартиросян

Питание являлось одной из центральных тем студенческой повседневности. Студенты питались в столовой Академии или дешевых трактирах поблизости. Особой популярностью пользовались «Мартьяныч» и «У Арсентьяча», которые стали неформальными центрами студенческого общения. Как вспоминал один из студентов, «обед в Мартьяныче за 30 копеек был для многих единственной полноценной едой за день»¹⁵⁸. Многие студенты, особенно

¹⁵⁸ Русская старина. 1905. № 12. С. 457.

из бедных семей, вынуждены были экономить на еде, что нередко сказывалось на их здоровье. Материальные трудности объединяли студентов, создавая атмосферу взаимопомощи и солидарности. Существовала неформальная система поддержки: более обеспеченные студенты помогали нуждающимся, организовывались совместные закупки продуктов, создавались кассы взаимопомощи. Эта общность бытовых условий формировала особую корпоративную идентичность «петровцев».

Здание общежития и столовой Петровской академии рассматривалось не просто как инфраструктура, а как важный инструмент формирования новой модели жизни будущих агрономов. Оно было спроектировано для того, чтобы организовать распорядок дня студентов по единому образцу, дисциплинировать их быт и освободить время для интенсивной учебы и научной деятельности. Это позволяет увидеть, как через архитектуру и организацию пространства реализовывались образовательные реформы эпохи Александра II на микроуровне повседневности. Сама Академия была воплощением духа преобразований, и ее бытовые постройки играли в этом ключевую роль. Они создавали материальную среду, где теоретическое обучение и прикладные научные исследования (на опытных станциях) сочетались с коллективным проживанием. Таким образом, повседневность студента оказывалась непрерывным процессом профессионального и личностного становления, где граница между учебой, научным поиском и частной жизнью была размыта.

С точки зрения исторической антропологии, архитектурные особенности здания — это не просто стилиевые характеристики, а каркас, который структурировал социальные связи. Строгая симметрия и масштабность, заимствованные из классического языка официальной архитектуры, транслировали идею порядка, иерархии и значимости государственного учреждения. Однако внутри это пространство жило своей сложной социальной жизнью. Просторные обеденные залы становились не просто местом для приема пищи, а важнейшей коммуникативной площадкой. Здесь, за общим столом, стирались региональные различия: студенты из разных уголков России обменивались не только знаниями, но и бытовым опытом, формируя общую корпоративную идентичность. Функциональное разделение на кухню, столовую и жилые комнаты отражает складывавшуюся во второй половине XIX века

культуру быта, где совместное питание и уединение для занятий были четко разделены, но взаимосвязаны.

Культурное и социальное значение здания раскрывается через анализ практик, которые оно порождало. Это было не просто учебное заведение, а своего рода «микрокосм» реформируемой России. Столовая и общежитие служили мощными инструментами социальной интеграции, превращая разнородную группу молодых людей из разных сословий и регионов в сплоченное научно-профессиональное сообщество (научный габитус, по терминологии П. Бурдьё¹⁵⁹). В этом пространстве решались не только академические, но и жизненно важные вопросы: налаживались неформальные связи, рождались совместные проекты, происходил обмен идеями. Материальная среда от декоративной лепнины, напоминающей о высоком статусе знания, до функционального расположения кухни, поддерживала этот дух корпоративности и причастности к общему важному делу.

Таким образом, здание было активным участником процесса формирования нового типа российской технической интеллигенции, чья идентичность строилась на принципах профессионализма, коллективизма и служения прогрессу. Общежития для студентов были спартанскими, но чистыми. В заметках «Русских ведомостей», особенно популярных среди либеральной интеллигенции, часто упоминались проблемы с отоплением или ремонтом, которые становились поводом для студенческих недовольств.

¹⁵⁹ **Habitus (Габитус)**, по П. Бурдьё, — система приобретенных схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам, в то же время как организационный принцип действия. Habitus, продукт истории, производит индивидуальные и коллективные практики — опять историю — в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Он обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует «правильность» практик и их постоянство во времени более надежно, чем все формальные правила и открыто выраженные нормы. Такая система предрасположенностей — то есть присутствующее в настоящем прошедшее, устремляющееся в будущее путем воспроизведения однообразно структурированных практик, внутренний закон, через который постоянно исполняется не сводимый к непосредственному принуждению закон внешних необходимостей, — есть принцип преемственности и регулярности. Более подробно см.: Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993; Бурдьё П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.

Столовая, или «обжорка», была центром неформального общения. Ее описывали в своих фельетонах и студенческих корреспонденциях: скудный, но дешевый обед за 15 копеек, постоянный шум и споры на политические и научные темы.

Быт студентов отличался простотой и утилитарностью. Одежда была практичной и недорогой — большинство студентов носили простые костюмы из дешевых тканей. Форменная одежда, обязательная для посещения лекций, также была скромной и функциональной. Распорядок дня был строго регламентирован. Подъем в 6–7 утра, завтрак, лекции до обеда, практические занятия после обеда, вечером — самостоятельная работа. Такой график требовал дисциплины и организованности. Важное место в повседневной жизни занимало чтение. Студенты активно пользовались библиотекой Академии, выписывали научные журналы, обменивались книгами. Чтение было не только учебной необходимостью, но и формой досуга. Особой популярностью пользовались научные и литературные кружки. В них обсуждались новейшие научные теории, литературные новинки, общественно-политические вопросы. Эти кружки были важным элементом интеллектуальной жизни Академии. Студенты Академии активно участвовали в общественной жизни, что было характерно для студенчества той эпохи. Землячества, неформальные объединения типа клуба «Спиридоныч» становились центрами самоорганизации. Эти объединения не только решали бытовые вопросы, но и формировали общественное мнение, становились школой гражданской активности.

Учеба в Академии кардинально отличалась от классического университетского образования, и пресса активно дискутировала о преимуществах и недостатках этого подхода. Наверное, самым важным отличительным элементом Академии являлся жесткий принцип двуединства лекций звездной профессуры и практики как основы всего. Учебный год в Академии был организован с учетом сельскохозяйственного цикла. Зимние месяцы (с октября по апрель) посвящались теоретическим занятиям — лекциям, семинарам, лабораторным работам. Летний период (май–сентябрь) отводился для практических занятий на опытных полях, в лесных дачах и сельскохозяйственных фермах. Особенностью учебного процесса была его тесная связь с научными исследованиями профессоров. Студенты привлекались к работе в лабораториях К.А. Тимирязева, на опытных полях И.А. Стебута, в дендрологии

ческом саду Р.И. Шредера. Это позволяло им не только получать знания, но и участвовать в реальных научных исследованиях.

Важное место в учебном процессе занимали экскурсии и экспедиции. Студенты выезжали в различные регионы России для изучения местных сельскохозяйственных практик, знакомства с почвенными и климатическими условиями. Эти поездки расширяли кругозор и позволяли применять теоретические знания на практике. Система оценки знаний сочетала устные экзамены и защиту практических работ. Особое значение придавалось умению применять знания в реальных условиях — студенты должны были не только знать теорию, но и уметь проводить опыты, анализировать результаты, делать выводы.

Академия стала центром интенсивной интеллектуальной жизни, выходящей далеко за рамки учебной программы. Помимо обязательных занятий, студенты активно участвовали в научных кружках, дискуссиях, читали нелегальную литературу. В Академии существовала развитая сеть неформальных объединений, где обсуждались как научные, так и общественно-политические вопросы. Профессора Академии К.А. Тимирязев, И.А. Стебут, А.П. Людоговский и другие не только преподавали, но и формировали определенное отношение к науке, ее социальной роли, месту интеллигенции в обществе. Их публичные лекции, выступления в периодической печати, участие в общественных дискуссиях создавали особую интеллектуальную атмосферу. Особенностью мировоззрения студентов Петровской академии было сочетание научного рационализма с социальным идеализмом. Они верили в преобразующую силу знания и стремились применить его для решения насущных проблем российского сельского хозяйства. Эта ориентация на практическое служение отличала «петровцев» от студентов классических университетов. Студенческие кружки по интересам, литературные вечера, научные диспуты становились важной частью повседневности. Как отмечал в воспоминаниях один из выпускников, «настоящая учеба происходила не в аудиториях, а в наших вечерних спорах, когда мы до полуночи обсуждали новейшие научные теории и социальные проблемы».

Учеба в Академии кардинально отличалась от классического университетского образования, и пресса активно дискутировала о преимуществах и недостатках этого подхода. Наверное, самым важным отличительным элементом Академии являлся жесткий

принцип двуединства лекций звездной профессуры и практики как основы всего. К. Тимирязев — блестящий популяризатор, сам активно публиковался в журналах «Отечественные записки», «Русская мысль», а его лекции становились событием, о котором писали репортеры. «Аудитория битком набита, — сообщал корреспондент “Русских ведомостей” в 1880 году. — Студенты висят на галерке, стоят в проходах. Профессор Тимирязев не просто читает, а увлекает, показывает опыты, говорит о роли физики растений в будущем процветании России»¹⁶⁰. Консервативная пресса в лице «Московских ведомостей» М.Н. Каткова, однако, с подозрением относилась к такой популярности, намекая на «опасный материализм» идей Дарвина, которые пропагандировал К. Тимирязев.

Показателен инцидент с переносом экзамена К.А. Тимирязевым в июне 1880 года¹⁶¹, который репрезентирует столкновение двух моделей поведения в академической среде пореформенной России. Действие ученого, мотивированное желанием обеспечить студентам участие в национальном празднике — открытии памятника А.С. Пушкину, отражает становление нового типа ученого-интеллекта, для которого гражданское и культурное воспитание молодежи является неотъемлемой частью профессионального долга¹⁶². Конфликт с профессором К.Э. Линдеманом, обвинившим К.А. Тимирязева в подмене учебных целей «удовольствием», представляет классический конфликт между узковедомственным формализмом и просветительским гуманизмом. Гневная отповедь К.А. Тимирязева, апеллирующая к категориям «грамотного русского человека» и «национального торжества», демонстрирует осознанную конструируемую идентичность, в которой научная деятельность неотделима от общекультурного и национального кон-

¹⁶⁰ Русские ведомости. 1880. 12 сентября.

¹⁶¹ 6 июня 1880 года в Москве планировали открыть первый в стране общественный памятник А.С. Пушкину. К.А. Тимирязев, узнав об этом, перенес экзамен по физиологии растений у студентов Петровской земледельческой и лесной академии с 6 на 10 июня. По инициативе К.А. Тимирязева студенты Петровской академии приняли участие в национальном празднике, за что директор академии Ф.К. Арнольд объявил ученому устный выговор за срыв занятий.

¹⁶² Почему К.А. Тимирязев перенес дату экзамена по физиологии растений летом 1880 года? Электронный ресурс. URL: <https://museum.timacad.ru/news/почему-к-а-тимирязев-перенёс-дату-экза> (дата обращения: 20.10.2025)

текста. Поддержка инициативы большинством Совета Академии свидетельствует о постепенном закреплении в научном сообществе этой расширенной социальной роли ученого.

Журналы «Сельский хозяин» и «Земледельческая газета» видели в практике главную силу Академии. Они публиковали расписания практических занятий, отчеты о студенческих работах на полях. «Студент Петровки должен уметь не только блеснуть знанием химических формул, но и сам вспахать десятину, провести опытное взвешивание корма, сделать прививку плодому дереву», — писал один из выпускников в мемуарах, опубликованных в юбилейном сборнике 1910 года. Эта демократизация труда, стирание граней между «господином» студентом и работником-крестьянином, вызывала одобрение у либералов и резкую критику у охранителей, видевших в этом подрыв социальных устоев. Специализированные издания, такие как «Земледельческая газета» и «Вестник русского сельского хозяйства», регулярно публиковали отчеты о работе ферм и полей Академии. Здесь можно найти подробнейшие описания опытов по внесению удобрений, скрещиванию пород скота, метеорологических наблюдений. Для читающей публики России Петровская академия была наглядным примером того, как наука может преобразовать сельское хозяйство. Корреспонденты посещали выставки скота, устраиваемые Академией, и давали восторженные отзывы. «Породистый скот Петровской академии служит лучшим доказательством превосходства научных методов над рутинными», — отмечалось в одном из номеров «Земледельческой газеты»¹⁶³ за 1882 год.

В Академии сложилась богатая корпоративная культура со своими традициями и ритуалами. Важное место занимали ежегодные сельскохозяйственные выставки, где студенты представляли результаты своих практических работ. Эти выставки были не только учебными мероприятиями, но и значительными событиями в жизни академического сообщества. Особой популярностью пользовались публичные лекции профессоров, которые собирали не только студентов, но и жителей окрестных деревень. Как вспоминал К.А. Тимирязев, «на наши лекции приходили крестьяне из соседних сел, и это было лучшим доказательством необходимости

¹⁶³ Земледельческая газета. 1882. № 16.

распространения сельскохозяйственных знаний»¹⁶⁴. Важной традицией были праздники начала и окончания учебного года. Они включали торжественные акты, научные диспуты, неформальные собрания. Эти мероприятия укрепляли корпоративный дух и формировали чувство принадлежности к особому сообществу. Студенческие землячества играли значительную роль в жизни Академии. Они не только помогали выходцам из одних регионов адаптироваться к новой среде, но и становились центрами культурной жизни. Землячества организовывали вечера, экскурсии, благотворительные мероприятия.

Важной частью повседневности было участие студентов в научной жизни Академии. Они работали вместе с профессорами на опытных полях, участвовали в экспериментах, помогали в сборе научных данных. Это стирало границы между учебой и исследовательской деятельностью. Особой популярностью пользовалась работа в лаборатории К.А. Тимирязева, где проводились пионерские исследования по фотосинтезу. Студенты не только ассистировали в экспериментах, но и предлагали собственные исследовательские проекты. Практические занятия на опытных полях под руководством И.А. Стебута давали уникальный опыт реальной сельскохозяйственной работы. Студенты изучали различные системы земледелия, методы обработки почвы, приемы повышения урожайности. Важное место занимала работа в дендрологическом саду и лесных питомниках. Студенты лесного отделения под руководством М.К. Турского занимались лесовосстановлением, изучением древесных пород, таксацией.

Необходимо остановиться и на крайне значимой проблеме быта и нравов студенчества Академии: от благотворительных вечеров до политических сходов. Студенческая среда Петровки была пестрой и невероятно активной. Именно жизнь студентов становилась главной темой для газетных репортажей, часто скандальных. В «Московском листке» и других газетах, ориентированных на широкую публику, регулярно появлялись заметки о благотворительных вечерах в пользу неимущих студентов Петровской академии. Объявления о сборе средств, концертах, спектаклях, которые сами студенты организовывали, показывают

¹⁶⁴ Тимирязев К.А. Сочинения. 1843–1920. Москва: Сельхозгиз, 1937–1940. Т. 8. С. 125.

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

высокий уровень корпоративной солидарности. В то же время, та же пресса с удовольствием описывала «студенческие кутежи» в окрестных трактирах, создавая двойственный образ: с одной стороны — самоотверженный труженик науки, с другой — бесшабашный представитель молодежи.

Типы русского студенчества. Сборник «Вехи», 1909 г.

Основной темой, которая красной нитью проходит через всю периодику конца XIX — начала XX вв., безусловно, является фиксация особого «духа Петровки» и политизация повседневности. После покушения народовольца И.И. Гриневицкого на Александра II в 1881 году, который был вольнослушателем Петровки, в Академию пришла настоящая трагедия и над ней установился плотный полицейский надзор. Газеты разного толка комментировали эти события с прямо противоположных позиций. Ведущая газета консерваторов «Московские ведомости» вела против Академии настоящую кампанию. В статьях с красноречивыми заголовками («Крамольное гнездо в Петровско-Разумовском»,

«Чему учат в сельскохозяйственной академии?») Академию представляли как рассадник нигилизма, безбожия и революционной заразы. Катков и его публицисты обвиняли профессуру в потворстве студенческому вольнодумству, а либеральный устав Академии — в подрыве дисциплины. Эти публикации оказывали прямое давление на власти и формировали общественное мнение, подготавливая почву для будущих репрессий. Либеральные издания «Русские ведомости», «Вестник Европы», напротив, пытались дать более взвешенную картину. Они осуждали террористический акт, но призывали не демонизировать все учебное заведение из-за поступка одного человека. «Русские ведомости» публиковали письма студентов и профессоров, в которых говорилось о том, что подавляющее большинство учащихся заняты серьезным научным трудом. Они видели корень проблемы не в «духе Петровки», а в общем стеснении гражданских свобод в стране, которое и толкает молодежь на радикальные пути. Этот процесс нашел свое отражение в полицейской хронике. Местные газеты типа «Московского листка» пестрели краткими заметками: «В ночь на такое-то число в Петровско-Разумовском произведены обыски в общежитии сельскохозяйственной академии. Задержаны двое студентов». Эти сухие строчки были частью повседневности, создавая атмосферу постоянной слежки и страха.

Необходимо сказать и о трансформации повседневности в периоды кризисов. Повседневная жизнь студентов резко менялась в периоды общественных потрясений. После «нечаевского дела» 1869 года, в котором оказались вовлечены студенты Академии, последовало ужесточение контроля за студенческими организациями. Введение нового устава в 1870-х годах ограничило автономию академии, что отразилось на повседневных практиках студентов. Период середины 70-х годов XIX века, связанный с исключением В.Г. Короленко и других студентов за протесты против плохих условий в столовой, показал рост социальной активности студенчества. Это событие продемонстрировало, что бытовые вопросы часто становились катализатором более серьезных выступлений. Особенно сложным периодом стали 1890-е годы, когда Академия была преобразована в Московский сельскохозяйственный институт. Изменение статуса сопровождалось ужесточением дисциплины и сокращением академических свобод, что существенно изменило повседневную жизнь студентов. Тем не менее, даже

в условиях усиления контроля сохранялись неформальные традиции и дух корпоративной солидарности. Студенты продолжали собираться для обсуждения научных и общественных вопросов, помогать друг другу в учебе и быту, сохраняя особую атмосферу «петровского братства».

О сохраняющихся кризисных явлениях в высшем образовании свидетельствует предметная фиксация на проблеме со стороны русской интеллигенции. Характеристику некоторых аспектов кризиса находим в сборнике «Вехи» (1909 г.) — книге об интеллигенции и студентах — источнике ее пополнения. На основе исследования концепций преобразования общества, в статьях авторов сборника «Вехи»¹⁶⁵, переосмысливаются проблемы революционного и эволюционного путей социального реформирования, роль интеллигенции в этих процессах. Неоднократно авторы обращаются к коллективному образу студента начала XX века, давая ему характеристики во взаимосвязи социального, личностного, профессионального аспектов. «А как слушают (лекции) наши студенты? — интересуется А.С. Изгоев, — ...они читают на лекциях посторонние книги, газеты, переговариваются и проч., и проч... Русское посещение лекций не может быть признано за работу, и в огромном большинстве случаев студент в университете, за исключением практических занятий, вовсе не работает. Он «работает» и притом лихорадочно, у себя дома перед экзаменами, ...зубря до одурения краткие, приспособленные к программе учебники»¹⁶⁶.

Критика учебных практик, звучавшая со стороны российской интеллигенции на рубеже XIX–XX веков (например, в сборнике «Вехи»), представляет ценный материал для изучения структур академической повседневности. Такие формулировки, как «слабая культура ума и воли» или «нравственное разгильдяйство»¹⁶⁷, являются не просто моральными оценками, а элементами специфического дискурса, направленного на конструирование идеального образа учащегося-интеллектуала. Этот дискурс отражал озабоченность элит задачей воспитания не просто специалиста,

¹⁶⁵ Вехи: сб. статей о русской интеллигенции. М.: Правда, 1991.

¹⁶⁶ Там же. С. 105.

¹⁶⁷ Там же. С. 109.

но и внутренне дисциплинированного, нравственно автономного субъекта, чья повседневная жизнь должна была подчиняться строгому интеллектуальному и этическому режиму. Сравнивая ту эпоху с современностью, продуктивнее говорить не о «забвении норм», а о трансформации моделей повседневности и доминирующих социальных ориентиров. Если столетие назад идеалом была фигура ученого или инженера, чей жизненный путь и распорядок дня выстраивались вокруг служения знанию («образование на всю жизнь»), то сегодня доминирует модель гибкого и адаптивного профессионала, вынужденного постоянно обновлять компетенции в условиях рыночной конъюнктуры («образование в течение всей жизни»).

Эта смена парадигмы порождает новые вызовы для повседневности. Необходимость постоянного обучения встроена теперь в контекст «экономики внимания», занятости и доминирования инструментальных ценностей. Современный студент или молодой специалист оказывается в ситуации, когда его повседневные практики — управление временем, выбор образовательных траекторий, стратегии карьерного роста определяются не столько задачами нравственного самосовершенствования, как в дискурсе «Вех», сколько необходимостью экономического выживания и социальной адаптации.

Таким образом, требования «знаний, работоспособности, нравственной выдержки», сформулированные век назад, сегодня наполняются новым, сугубо практическим содержанием. Они проявляются не как абстрактные добродетели, а как конкретные повседневные компетенции: умение управлять своим временем и концентрацией в условиях цифровых отвлечений, способность к самомотивации в отсутствие жестких внешних рамок, выстраивание личной этики в конкурентной среде. Историко-антропологический подход позволяет увидеть не упадок нравов, а сложную эволюцию практик самоорганизации и стратегий жизни, которые человек вырабатывает в ответ на меняющийся социально-экономический контекст.

Подводя определенный итог, необходимо отметить, что повседневная жизнь студентов Петровской сельскохозяйственной академии представляла собой сложный синтез учебной деятельности, бытовых практик и духовных поисков. Демократический состав студенчества, тесная связь образования с практикой, уни-

кальная пространственная среда Академии формировали особый тип повседневности, который отличался от жизни студентов других высших учебных заведений России. Эта повседневность стала питательной средой для формирования интеллигенции нового типа — практико-ориентированной, социально ответственной, способной соединять научное знание с решением актуальных проблем страны. Опыт повседневной жизни в Академии оказал значительное влияние на дальнейшую судьбу ее выпускников, многие из которых стали выдающимися учеными, общественными деятелями, реформаторами сельского хозяйства. Особенностью повседневности «петровцев» было единство профессионального и личностного становления. Учеба не ограничивалась аудиторными занятиями, а продолжалась в поле, лаборатории, во время неформальных дискуссий и совместной работы. Это создавало уникальную образовательную среду, где знание не отделялось от жизни, а наука — от практик.

Повседневная жизнь в Академии формировала особый тип социальности, основанный на принципах солидарности, взаимопомощи, ответственности. Эти качества становились основой профессиональной этики выпускников, определяли их подход к решению практических задач. Исторический опыт повседневной жизни Петровской академии имеет непреходящее значение для понимания процессов формирования российской интеллигенции и развития высшего образования в России. Он демонстрирует, что эффективная образовательная модель должна основываться на единстве теории и практики, науки и жизни, индивидуального и коллективного.

Повседневность Петровской сельскохозяйственной академии, такая яркая, демократичная и насыщенная, в конечном счете стала одной из ключевых причин ее закрытия в 1894 году и преобразования в Московский сельскохозяйственный институт с более жестким уставом. Дух практического служения земле, демократизм и интеллектуальная свобода, которые воспитывались самой жизнью в Петровско-Разумовском, в условиях нарастающего политического консерватизма империи были восприняты как прямая угроза. Периодика того времени является бесценным источником, позволяющим реконструировать эту повседневность во всей ее сложности и противоречивости. Она сохранила для нас не только факты, но и страсти, которые кипели

вокруг «Петровки». Через газетные полемики, отчеты о лекциях, заметки о быте и скандальные разоблачения мы видим, как учебное заведение стало полем битвы между силами прогресса и охранительства. Жизнь в академическом городке, столь далеком от формальностей чиновничьих кабинетов, стала заложником большой политики. Решение о реорганизации, активно подогреваемое кампанией в консервативной прессе, поставило точку в одной эпохе, но не смогло уничтожить «дух Петровки», который продолжает жить в стенах нового института и в памяти нескольких поколений русской интеллигенции.

ГЛАВА X

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ПРОФЕССОРОВ ТИМИРЯЗЕВСКОЙ АКАДЕМИИ В ОБЛАСТИ АГРАРНЫХ РЕФОРМ И БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ: ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Историко-антропологический подход позволяет перейти от описания официального вклада Петровской земледельческой и лесной академии (основана в 1865 году) в аграрную науку к анализу повседневных практик, культурных трансферов и сложных взаимодействий, которые опосредовали ее связь с российским обществом. Профессора Академии выступали не просто как трансляторы знаний, но и как медиаторы между разными социальными мирами: миром лабораторной науки, миром государственных учреждений, миром земской агрономии и, что особенно важно, миром крестьянской культуры, обладавшей собственной логикой и системой агроэкологических знаний. Их деятельность, активно освещавшаяся в периодической печати, была не просто «популяризацией», а формой публичного диалога и конструирования общественного проблемного поля вокруг вопросов голода, модернизации и роли науки в деревне. Данная глава рассматривает, как через призму научных исследований, практических проектов и их отражения в прессе формировался особый тип ученого-практика, а сама Академия становилась пространством встречи и часто конфликта различных рациональностей.

Основание Академии в 1865 году стало ответом на вызовы пореформенной эпохи. Однако с точки зрения исторической антропологии, важно рассматривать ее не только как учебное заведение,

но и как особую «контактную зону» (М. Пратт), где сталкивались и взаимодействовали различные социальные группы, дискурсы и практики. Изначально открытый характер Академии («к слушанию лекций допускались все желающие») способствовал формированию уникальной интеллектуальной среды. Этот дух, несмотря на последующие ограничения и полицейский надзор, предопределил ориентацию многих профессоров на практическую, земскую работу. Их выезды «по приглашению местных земств» для исследования проблем на местах были не просто командировками, а формами интеграции в локальные сети знаний и власти. Создание опытных полей (организационный план был составлен И.А. Стебутом уже в 1866 году), дендрологического сада, пасеки, а главное — первого в России вегетационного домика (1872) — формировало материальную базу для нового типа науки. Эти объекты были не просто лабораториями, а символическими центрами, демонстрировавшими возможность контролируемого, экспериментального отношения к природе, что противоречило крестьянскому опыту, основанному на многовековых наблюдениях и рисках. Освещение этих проектов в печати (например, опытная станция на Нижегородской выставке в 1896 году) конструировало в общественном сознании образ науки как зримого, практического прогресса.

Ключевым сюжетом с точки зрения исторической антропологии является непосредственное взаимодействие ученых с крестьянами, которое было сопряжено с трудностями взаимопонимания. Полевые лекции профессуры Академии выступали культурным трансфером. Характерен пример приват-доцента К.Э. Линдемана (1844–1928), который, выезжая в районы массовых поврежденных растительных культур, проводил с крестьянами и народными учителями так называемые «полевые лекции»¹⁶⁸. Это была не просто передача информации, а сложный акт коммуникации, требующий перевода академического языка на язык местной практики. К.Э. Линдеман публиковал отчеты об этой работе не только в научных монографиях, но и в виде популярных брошюр и статей в газетах, что свидетельствует о стремлении создать каналы

¹⁶⁸ URL: <https://www.timacad.ru/education/instituty/institut-agrobiotekhnologii/kafedra-zashchity-rastenii-department-of-plant-protection/istoriia> (дата обращения: 27.09.2025).

связи между разными типами знания¹⁶⁹. Голод 1891—1892 годов стал моментом истины. Лекция К.А. Тимирязева «Борьба растения с засухой» (1892)¹⁷⁰, опубликованная в 1893 году, это не только свод агротехнических рекомендаций, но и попытка рационального, научного осмысления катастрофы, которая в крестьянском восприятии часто осмысливалась как судьба или «Божья кара». Практические меры, предлагавшиеся учеными (такие как введение травополья систем В.Р. Вильямса или применение минеральных удобрений), сталкивались с сопротивлением крестьянской общины, основанном на иной, донаучной рациональности, ориентированной на минимизацию рисков, а не на максимизацию урожая. Публикации в периодике были попыткой преодолеть это недоверие, апеллируя уже не только к крестьянству, но и к более широкой образованной публике, формируя общественное мнение в поддержку научных методов.

К.Э. Линдерман

¹⁶⁹ URL: <https://www.timacad.ru/education/instituty/institut-agrobiotekhnologii/kafedra-zashchity-rastenii-department-of-plant-protection/istoriia> (дата обращения: 27.09.2025).

¹⁷⁰ Публичная лекция, читанная в Москве 26 марта 1892 г. *Тимирязев К.А.* Избранные сочинения в 4-х томах. М., 1948. Земледелие и физиология растений. Сборник общедоступных лекций.

Периодическая печать выступала пространством конструирования публичного авторитета науки. Печать была для профессоров Тимирязевской академии не просто каналом передачи информации, а инструментом формирования собственного символического капитала и влияния на аграрную политику. Установка К.А. Тимирязева «работать для науки и писать для народа» отражает осознанный выбор. Его классическая работа «Жизнь растения» (1878) и многочисленные статьи в массовых изданиях представляли собой тонкую адаптацию сложного знания для неподготовленной аудитории. Это была стратегия по укреплению публичного авторитета науки в ситуации, когда ее практическая эффективность еще не была очевидна для большинства. Профессора не боялись выступать с критикой государственной аграрной политики, обосновывая необходимость глубоких реформ. Их статьи в специализированных изданиях («Известия Петровской академии», «Сельское хозяйство и лесоводство») и общественно-политической прессе формировали язык и понятийный аппарат, с помощью которых образованное общество осмысливало аграрный вопрос. Через печать ученые-профессора становились публичными интеллектуалами, чей голос был значим не только в узкопрофессиональной сфере.

Проблема голода в Российской империи второй половины XIX века стала одной из центральных тем в общественно-политических дискуссиях, находивших активное отражение на страницах периодической печати. Особую значимость эти дискуссии приобрели после голода 1891–1892 годов, который охватил 17 губерний с населением 36 миллионов человек и привел к значительным человеческим жертвам. Периодические издания стали важной площадкой для обсуждения причин трагедии, выработки мер помощи пострадавшим и критики политики правительства. В этих дискуссиях активное участие принимали профессора Петровской сельскохозяйственной академии, которые не только разрабатывали научные основы борьбы с голодом, но и популяризировали свои идеи через печать.

Наиболее важным вызовом для научной среды Академии являлась настоятельная потребность в выработке системного подхода в борьбе с голодом. Голод в России во второй половине XIX — начале XX вв. повторялся с периодичностью 8–11 лет. Это было связано с неурожаями, которые происходили регулярно, и голодные

годы возникали из-за длительной нехватки продовольствия. Среди факторов, способствовавших возникновению голода в России во второй половине XIX века и до революции можно выделить отставание в сельскохозяйственном производстве. Его объясняли последствиями крестьянской реформы 1861 года и дальнейшей аграрной политикой российского самодержавия; сохранение общины и круговой поруки. Многие историки и современники относили эти обстоятельства к причинам неурожая и голода в пореформенной России. Не менее важными причинами являлись преобладание экстенсивной формы эксплуатации сельскохозяйственных земель и политика правительства. Это происходило из-за того, что крестьяне распаивали всю надельную землю, включая поля, луга и даже леса. Также правительство косвенно способствовало голоду, призывая на военную службу сыновей крестьян и посылая налоговых инспекторов изымать скот, когда заканчивалось зерно. Все это усугублялось слабым вниманием государственной власти к созданию работающей модели продовольственной системы. Это было важно в условиях обширной территории Российской империи и неразвитой системы путей сообщения.

Голод 1891–1892 годов не был единичным явлением в пореформенной России. Как отмечают исследователи, голодовки стали практически регулярным явлением в аграрной сфере страны. По данным историков, серьезные неурожай происходили в 1890, 1891–1892, 1897–1898, 1901, 1905–1906 и последующих годах. Однако именно голод 1891–1892 годов приобрел характер общенациональной катастрофы, вызвавшей широкий резонанс в обществе. Причины голода были многогранны и сложны. Непосредственным толчком стала аномальная погода: ранняя суровая зима 1890–1891 годов с малым количеством снега, усугубившаяся сухой весной и исключительно засушливым летом 1891 года. Однако, как справедливо отмечала периодическая печать, природные факторы наложились на системные проблемы сельского хозяйства России: отсталые методы земледелия, истощение почв, низкую агротехническую культуру, малоземелье крестьян и их экономическую незащищенность.

Неурожай в России, как уже было отмечено, происходили регулярно и, как правило, не приводили к возникновению голода. Однако после отмены крепостного права и до начала Первой мировой войны российское крестьянство переживало небывалые по

своему масштабу голодные годы, обусловленные, по мнению ряда исследователей, обстоятельствами как социально-политического, так и экономического характера. В период с 1891 по 1912 год голод постигал Россию 12 раз¹⁷¹. С точки зрения исторической антропологии, голод в дореволюционной России был не просто следствием неурожая, а сложным социокультурным феноменом, в котором переплелись природные, экономические и политические факторы. Спорадический голод обнажил глубокий кризис традиционной общинной культуры земледелия. Исторически сложившиеся практики, такие как трехполье с низкой агротехнической культурой и отсутствием травосеяния, вели к стремительному истощению даже богатейших черноземов. Профессора Академии видели, что крестьянская рациональность, направленная на минимизацию рисков, а не на максимизацию урожая, в новых условиях становилась тормозом развития.

Таблица

Основные причины голода 1891–1892 годов
по оценкам периодической печати

Категория причин	Конкретные проявления	Упоминания в печати
Природно-климатические	Засуха, суховеи, ранние заморозки	«Санкт-Петербургские ведомости», «Земство и города»
Аграрно-экономические	Истощение почв, отсталые методы земледелия	Статьи профессоров Петровской академии
Социально-политические	Малоземелье крестьян, отсутствие резервов	Земские издания, либеральная печать
Организационно-управленческие	Неэффективность продовольственной системы	Критические публикации в периодике

Периодическая печать играла ключевую роль в информировании общества о реальных масштабах бедствия. Если первоначально правительство пыталось преуменьшить масштабы катастрофы,

¹⁷¹ Рогожина А.С. Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX вв. // Научный диалог. 2021. № 4. С. 423–437. С. 427.

то такие издания, как «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Земство» и другие, публиковали подробные отчеты с мест, показывающие истинные размеры трагедии. В статье «Земство и города в 1892 г.» констатировалось: «Нужно прежде всего снять с земства упрек, будто бы оно «прозевало неурожаем 1891 г.». Теперь с уверенностью можно сказать, что этого не было буквально ни в одной из неурожайных земских губерний. Напротив, все земские сметы и предположения по этому предмету оказались совершенно верными». Значительная часть публикаций содержала резкую критику действий правительства. Либеральные издания обвиняли власти в неподготовленности к кризису, отсутствию эффективной системы продовольственной помощи, запоздалом реагировании на бедствие. Особое внимание уделялось критике продовольственной системы, созданной еще в 1834 году и не отвечавшей потребностям времени. Как отмечалось в прессе, продовольственные капиталы на местах были недостаточны, а система их использования была громоздкой и неэффективной.

Периодическая печать стала площадкой для выработки конкретных предложений по борьбе с голодом и его последствиями. Обсуждались вопросы организации продовольственной помощи, создания общественных работ, развития агрономической помощи крестьянам, улучшения сельскохозяйственного образования. Действия государства, даже благие (например, выдача продовольственных ссуд в 1891–1892 гг. в размере 12,3 кг зерна в месяц на человека), на местах часто превращались в инструмент контроля и зависимости. Ученые Академии оказались в роли медиаторов между государственной властью, с ее бюрократическим языком приказов, и крестьянским миром, живущим по законам обычая и местной справедливости. Их публикации в прессе были попыткой перевести научные истины на язык практических рекомендаций, понятных и агроному, и крестьянину. В исторических условиях постоянной угрозы возникновения нового голода актуализировалась значимость новационных научных подходов профессоров Тимирязевской академии к преобразованию сельского хозяйства. Профессора Академии предлагали не просто технические новинки, а новую систему отношений с землей, основанную на научном знании. Прежде всего рациональное земледелие вместо экстенсивного: И.А. Стебут и его последователи разрабатывали и пропагандировали через журналы «Сельское хозяйство

и лесоводство», идеи рациональных систем земледелия. Они выступали за переход от экстенсивной модели, основанной на постоянном расширении площадей и истощении почв, к интенсивной, основанной на научных севооборотах, систематическом удобрении почв (включая минеральные) и мелиорации. Это была попытка изменить саму логику хозяйствования.

Не менее важной виделась борьба с засухой через физиологию растений: работы К.А. Тимирязева, прежде всего его лекция «Борьба растения с засухой» (1892), стали примером глубокого научного подхода. Вместо пассивного ожидания дождя Тимирязев предлагал стратегию, основанную на понимании физиологии растений: подбор засухоустойчивых культур, приемы обработки почвы, сохраняющие влагу. Его усилия по созданию первого в России вегетационного домика (1872) были направлены на создание лаборатории, где можно было изучать жизнь растения в контролируемых условиях, что символизировало переход от зависимости от стихии к управляемому процессу. Наконец, просвещение как инструмент изменения ментальности: ключевым методом профессоров была популяризация науки. Установка К. Тимирязева «работать для науки и писать для народа» означала стремление донести знания до самого крестьянина. Организация опытных полей и станций (например, в Симбирской губернии) была призвана наглядно, «здесь и сейчас», показать эффективность новых методов, преодолевая недоверие. Под влиянием общественной дискуссии правительство было вынуждено принимать меры по совершенствованию системы продовольственной помощи. В 1900 году Николай II утвердил «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей»¹⁷², которые способствовали созданию более действенной системы мер помощи населению в случае неурожая и голода.

Следующая таблица наглядно сравнивает традиционные подходы и новаторские предложения ученых.

¹⁷² Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей, 12 июня 1900 г. // Свод законов Российской империи. В пяти книгах. Кн. пятая. Т. XIII. СПб., [б. г.]. С. 44–54.

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

Аспект проблемы	Традиционная крестьянская/ государственная практика	Подход и предложения профессоров Тимирязевской академии
Отношение к земле	Экстенсивное; истощение почв; низкая агротехническая культура	Внедрение научных систем земледелия (И.А. Стебут); интенсивный путь развития через удобрения и севообороты
Борьба с засухой	Пассивное ожидание дождя; зависимость от погодных условий	Научный анализ водного режима и засухоустойчивости растений (К.А. Тимирязев); создание вегетационного домика для экспериментов
Распространение знаний	Опыт, передаваемый из поколения в поколение; недоверие к новшествам	Активная популяризация науки в печати («Известия Петровской академии», массовые издания); организация опытных полей для наглядной демонстрации
Участие в общественной жизни по вопросам с/х	Официальная критика государственной политики была затруднена	Участие в общественной дискуссии через печать; критика непродуманных мер власти; обоснование необходимости системных аграрных реформ

Таким образом, профессора Тимирязевской академии предлагали изменить не только агротехнику, но и культурные коды аграрного общества. Они боролись с голодом как с системным кризисом, предлагая стратегии, основанные на знании, а не на традиции или административном принуждении. Профессора Тимирязевской академии на протяжении всей истории учреждения активно участвовали в разработке и реализации аграрных реформ, а также в решении проблемы голода в России. Их научные исследования и практические проекты находили отражение на страницах периодической печати, что способствовало распространению передовых знаний и методов ведения сельского хозяйства. Публикации в специализированных изданиях, таких как «Известия Петровской земледельческой и лесной академии», и в массовой периодике играли ключевую роль в трансляции научных знаний в практическую плоскость. Они не только информировали о достижениях науки, но и формировали

общественное мнение, влияли на государственную аграрную политику.

Проблематика голода на страницах периодической печати второй половины XIX — начала XX вв. стала важным явлением общественно-политической жизни России. Они способствовали формированию критического общественного мнения, мобилизации общества на борьбу с голодом, выработке научно обоснованных мер преодоления аграрного кризиса. Профессора Петровской сельскохозяйственной академии внесли значительный вклад в эти дискуссии, разрабатывая научные основы повышения продуктивности сельского хозяйства и популяризируя их через печать. Их деятельность способствовала распространению передовых агрономических знаний и становлению научного подхода к решению аграрных проблем. Дискуссии о голоде показали необходимость коренных преобразований в аграрной сфере России, которые, однако, были осуществлены лишь частично. Как отмечают современные исследователи, «на сегодняшний день отсутствуют обширные и фундаментальные работы российских исследователей по проблеме голода, исследовательские работы, как правило, представлены небольшими статьями»¹⁷³, что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения этой важной темы.

Опыт дискуссий о голоде в периодической печати второй половины XIX века имеет не только историческую ценность, но и практическое значение для решения современных проблем продовольственной безопасности и развития аграрного сектора. К.А. Тимирязев и его последователи доказали, что наука не должна замыкаться в стенах лабораторий, а должна активно участвовать в решении практических проблем общества. Их опыт демонстрировал эффективность сочетания фундаментальных исследований с практической работой и активной популяризацией научных знаний. В современный период, несмотря на изменение условий, профессора Тимирязевской Академии продолжают эту традицию, разрабатывая актуальные проблемы сельского хозяйства и участвуя в общественной дискуссии по аграрному вопросу. Их публикации в периодических изданиях свидетельствуют о непрерывности научной традиции и стремлении внести вклад в решение проблем российского сельского хозяйства.

¹⁷³ Демина Ю.В. Современная отечественная историография голода 1891–1892 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 90–91.

ГЛАВА XI

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕТРОВСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ: ХАРАКТЕР И СОДЕРЖАНИЕ ДИСКУССИЙ

Закрытие Петровской сельскохозяйственной академии в 1894 году и ее преобразование в Московский сельскохозяйственный институт стало одним из самых драматичных эпизодов в истории российского высшего образования и науки пореформенной эпохи. Это решение не было внезапным или случайным, а стало кульминацией сложного переплетения политических, социальных и академических факторов. Оно отразило глубокий конфликт между либеральными традициями, заложенными в основу академии в эпоху «Великих реформ», и набиравшим силу консервативно-охранительным курсом правительства Александра III. Данная глава анализирует причины этого события, рассматривает официальные мотивировки и скрытые пружины принятого решения, а также реконструирует общественную дискуссию, которая развернулась вокруг судьбы уникального учебного заведения.

Чтобы понять причины закрытия Академии, необходимо обратиться к принципам, заложенным в ее основу при создании в 1865 году. Петровская земледельческая и лесная академия изначально задумывалась как учебное заведение нового типа. Ее первый устав, разработанный при активном участии директора Н.И. Железнова и профессора П.А. Ильенкова, был необычайно демократичным для Российской империи. Академия была всесословной и открытой: для поступления не требовалось образовательного ценза, не было вступительных и переводных экзаменов, а слушатели обладали свободой выбора изучаемых предметов. Как метко заметил писатель В.Г. Короленко, некоторое время учившийся в Академии, «все надежды, оживлявшие интеллигенцию того времени, отразились на уставе Академии, нашли в нем свое отражение».

Этот дух академической свободы и автономии, сочетавшийся с мощной научной школой, которую создали такие титаны, как К.А. Тимирязев, И.А. Стебут, А.П. Людоговский и другие, очень быстро превратил «Петровку» в уникальный интеллектуальный микрокосм. Однако именно эта особая атмосфера «дух Петровки» стала восприниматься консервативными кругами власти как угроза и «рассадник крамолы». Удаленность кампуса в Петровско-Разумовском, компактное проживание студентов и их сплоченность способствовали формированию сильного корпоративного самосознания, которое закономерно включало в себя и политическую составляющую. Правительство Александра III, пришедшее к власти после убийства Александра II, взяло четкий курс на свертывание либеральных реформ и «умиротворение» общества, в котором студенчество традиционно выделялось одним из самых неблагонадежных элементов. В этом контексте Петровская академия с ее вольнодумным студенчеством и либеральной профессурой не могла не оказаться в эпицентре внимания охранительных сил.

Решение о закрытии Академии созревало постепенно, и к нему вели несколько ключевых событий и процессов. Политизация студенческой среды и репрессии. Демократический устав и особая атмосфера Академии действительно способствовали развитию революционного движения. Власти неоднократно фиксировали участие студентов в политических беспорядках. Для пресечения вольнодумства в Академии Министерство в 1883 г. создало специальную комиссию. Навести порядок оно поручило доктору медицины, офтальмологу Э.А. Юнге. Интеллектуалы шутили: «Петровская академия всегда была бельмом на глазу у русского правительства, а потому туда и послан был окулист, чтобы это бельмо убрать»¹⁷⁴. С 1889 г. Академия получила юридическое название Петровская сельскохозяйственная академия¹⁷⁵, Положение об Академии соответствовало университетскому уставу 1884 г. Апогеем стала ситуация в 1890 году, когда «политические беспорядки» привели к аресту и заключению в Бутырскую тюрьму 150 человек, после чего прием студентов был прекращен. Это был первый серьезный сигнал о том, что судьба Академии висит на волоске. Для правительства Академия была не столько

¹⁷⁴ *Иванович К.А.* Сельскохозяйственное образование в СССР. М., 1958. С. 30.

¹⁷⁵ ЦГАМ. Ф. 228. Оп. 1. Д. 352.

центром науки, сколько постоянным очагом нестабильности, требующим жесткого контроля. Не менее важным фактором служил шлейф «нечаевского дела» как долгосрочный фактор компрометации. Хотя дело Сергея Нечаева, завершившееся убийством студента Иванова в гроте парка Академии в 1869 году, произошло за два десятилетия до закрытия, оно наложило неизгладимый отпечаток на репутацию заведения. В консервативной прессе, особенно в «Московских ведомостях», этот инцидент подавался как закономерный итог морального разложения и нигилизма, порожденного вольнодумной средой «Петровки». Образ Академии как «рассадника крамолы» активно эксплуатировался и в 1890-е годы, создавая идеологическое обоснование для репрессивных мер. Административно-учебная реформа 1889 года. Непосредственным предвестником закрытия стало принятие в 1889 году нового устава, который ликвидировал лесное отделение и изменил название на Петровскую сельскохозяйственную академию. Эти меры свидетельствовали о стремлении властей сузить научно-образовательный профиль заведения, сделать его более узкопрактическим и, следовательно, более управляемым. Однако даже эти меры не смогли погасить «дух вольнодумства», что и привело к принятию радикального решения.

В марте 1890 г. выступления студентов, имевшие ясно выраженный политический характер, охватили ряд университетских центров страны. Начали студенты Петровской академии сельского хозяйства и лесоводства в Москве. Непосредственным поводом для выступлений послужило распространение с 1 января 1890 г. действовавшего реакционного университетского устава и на Петровскую академию. Недовольство и брожение студентов-петровцев, отличавшихся весьма демократическим составом, заметно усилились и 3 марта вылились в открытое неповиновение академической администрации¹⁷⁶. «Петровцев» поддержали студенты Московского университета, заявившие об отказе подчиняться уставу 1884 г., который начисто лишал студенчество остатков былой автономии. Составленная кружком революционно настроенных студентов петиция содержала следующие пункты: 1) полная автономия высших учебных заведений по образцу университет-

¹⁷⁶ *Орехов А.М.* Участие польских студентов в социал-демократической пропаганде в Петербурге (1889–1892 гг.) // Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.). М., 1967. С. 322–323.

ского устава 1863 г.; 2) свобода преподавания; 3) свободный доступ в университеты «без различия вероисповедания, национальности, пола и общественного положения»; 4) прием евреев в высшие учебные заведения без всяких ограничений и уравнивание их в правах со студентами других национальностей; 5) свобода сходок и студенческих корпораций; 6) введение студенческих судов; 7) отмена полицейских функций инспекции; 8) понижение платы за обучение до уровня, определенного уставом 1863 г.¹⁷⁷ Эти демократические требования учащейся молодежи прозвучали дерзко и вызывающе. Власти ответили репрессиями, подвергнув аресту более шестисот студентов университета и Академии.

Наиболее значимым непосредственным поводом стало массовое студенческое выступление зимой 1893–1894 годов. Студенты требовали академических свобод, улучшения условий обучения и быта, отмены полицейского надзора, волнения были жестоко подавлены, более 100 студентов исключены и высланы из Москвы. Существенную роль в закрытии Академии и ее реорганизации играл политический фактор. Министерство народного просвещения во главе с И.Д. Деляновым проводило консервативную политику, направленную на ограничение автономии учебных заведений, контроль над социальным составом студентов и борьбу с «революционной заразой». Академия с ее демократическими традициями противоречила этой линии. Дополнялось это и соображениями экономического характера. Содержание Академии требовало значительных средств. Критики указывали на высокую стоимость практических занятий и опытных хозяйств, недостаточную отдачу от подготовки специалистов и необходимость поиска альтернативные варианты — создание нескольких региональных сельскохозяйственных школ вместо одной столичной Академии. Министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов в своей записке Александру III утверждал, что Академия «готовит не агрономов, а революционеров». Газеты консервативного направления («Московские ведомости», «Гражданин») поддерживали закрытие, акцентируя внимание на моральной распущенности студентов, непочтительном отношении к властям и непрактичности образования. Ведущие ученые, включая К.А. Тимирязева

¹⁷⁷ Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. 302 с. С. 259.

и Д.Н. Прянишникова, выступали против закрытия, указывая, что это приведет к потере уникального научного центра — Академия была ведущим учреждением в области агрономии, прерыванию научных традиций — накопленный опыт и методики могли быть утрачены. Газеты либерального направления («Русские ведомости», «Вестник Европы») публиковали статистические данные о выпускниках, работавших в сельском хозяйстве, примеры научных достижений Академии. В ходе дискуссии предлагались компромиссные варианты: реорганизация без полного закрытия, перевод в провинцию (предлагались Киев, Харьков, Одесса), смена руководства и ужесточение дисциплины, изменение учебных программ в практическую сторону. Однако Александр III поддержал вариант полного закрытия.

Следующая таблица суммирует ключевые события, приведшие к окончательному закрытию Академии.

*Таблица
Хронология кризиса и закрытия Петровской академии*

Год	Событие	Значение и последствия
1869	«Нечаевское дело», убийство студента И.Иванова	Компрометация Академии в глазах консервативной общественности, создание образа «рассадника крамолы».
1873	Введение нового устава	Первое ужесточение: вводятся вступительные экзамены (гимназический ценз), Академия становится государственным вузом.
1889	Принятие нового устава	Ликвидация лесного отделения, переименование в Петровскую сельскохозяйственную академию.
1890	Массовые аресты студентов (150 человек), прекращение приема	Фактическая приостановка деятельности Академии, подготовка почвы для окончательного закрытия.
1894, 31 января	Последнее заседание совета Академии	Защита магистерской диссертации В.Р. Вильямса. Символический конец научной традиции.
1894, 1 февраля	Официальное закрытие Петровской сельскохозяйственной академии	Прекращение деятельности в прежнем формате.

Решение о закрытии Академии не было единодушно поддержано и вызвало оживленную, хотя и ограниченную цензурой, дискуссию в обществе. Позиции сторон четко разделились. Официальная позиция властей была сформулирована в категориях борьбы с «революционной заразой» и наведения порядка. Власти аргументировали свое решение «революционными настроениями среди студентов». В качестве альтернативы рассматривались планы размещения на территории Петровско-Разумовского кавалерийского училища или создания «института агрономии без студентов», что красноречиво говорит о намерении полностью ликвидировать саму студенческую среду. Официальная и консервативная пресса представляла это как необходимую санитарную меру по оздоровлению образования.

Таким образом, правительственным ответом на беспорядки и демократические традиции Петровки стала реорганизация Академии в 1894 г. в Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ). Теперь это был закрытый вуз, предназначенный в основном для детей помещиков, доступ в заведение был затруднен, ибо плата за обучение была поднята с 50 до 400 рублей в год. В институте работали два отделения: сельскохозяйственное (обучались будущие агрономы) и сельскохозяйственно-инженерное (для подготовки инженеров-агрономов). Вуз был лишен ряда привилегий, проведена «чистка» преподавательского состава. Самые негативные последствия имело решение Государственного совета о лишении МСХИ права присваивать ученые степени магистров и докторов наук. Этот факт имел своим результатом снижение качества уровня педагогического корпуса.

Научное и академическое сообщество восприняло закрытие как тяжелый удар по отечественной аграрной науке. Для профессуры, многие годы отдавшей становлению Академии, это была личная и профессиональная трагедия. И.А. Стебут, один из отцов-основателей «Петровки», работавший в ней с момента открытия и до 1894 года, с горечью констатировал этот факт в своих воспоминаниях¹⁷⁸. Закрытие привело к тому, что многие ведущие профессора, включая самого К.А. Тимирязева, не вернулись на свои должности после преобразования Академии в институт,

¹⁷⁸ URL: <https://biography.wikireading.ru/hG3C5fxSHG> (дата обращения: 27.09.2025).

что нанесло серьезный урон научным школам и преемственности. Либеральная общественность и земские круги видели в решении властей проявление реакционного курса, игнорирующего насущные потребности страны. Они подчеркивали, что Россия остро нуждается в высококвалифицированных агрономах, а закрытие ведущего аграрного вуза наносит прямой ущерб модернизации сельского хозяйства. Под давлением общественности уже осенью 1894 года на базе закрытой Академии был учрежден Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ). Однако это было уже принципиально иное учебное заведение.

Создание МСХИ, формально являвшегося преемником Академии, на деле означало ее коренную реформу. Новый институт мыслился как закрытое учебное заведение с ограниченным доступом, куда предписывалось принимать «главным образом детей земледельцев». Это было попыткой создать более лояльную и аполитичную студенческую среду. Была упразднена автономия, усилен полицейский и административный надзор. Изменилась и структура: были созданы два отделения — Сельскохозяйственное (для подготовки агрономов) и Сельскохозяйственное инженерное (для подготовки инженеров-агрономов), что указывало на смещение фокуса в сторону практических, инженерных дисциплин. Таким образом, уникальный синтез фундаментальной науки, свободы преподавания и учебы, составлявший суть «духа Петровки», был сознательно и целенаправленно разобран.

Закрытие Петровской сельскохозяйственной академии в 1894 году стало символическим событием целой исторической эпохи. Оно продемонстрировало пределы и противоречия политики модернизации «сверху» в условиях самодержавной России. Дискуссия вокруг закрытия выявила раскол в обществе между консерваторами, видевшими в Академии угрозу, и либералами, рассматривавшими ее как необходимое условие прогресса. Это событие стало важной вехой в истории российского образования, демонстрирующей уязвимость академических институтов перед политическим давлением. Восстановление Академии в новой форме показало, что потребность в аграрном образовании была осознана властями, но контроль над содержанием и процессом обучения значительно усилился. Этот опыт повлиял на дальнейшее развитие высшего сельскохозяйственного образования в России. Власть, остро нуждавшаяся в научных кадрах и технологических

инновациях для развития аграрного сектора, в то же время панически боялась той социальной и интеллектуальной среды, которая неизбежно формировалась в передовых учебных заведениях. Это решение показало, что для правительства Александра III задача политической благонадежности и контроля стояла неизмеримо выше задач развития науки и образования. Кратковременная стабилизация, достигнутая путем подавления инициативы и свободы, в долгосрочной перспективе обернулась серьезными потерями для научного потенциала страны. История с Петровской академией стала предвестником тех глубоких расколов между властью и интеллигенцией, которые в дальнейшем будут только усугубляться. Однако, несмотря на формальное закрытие, «дух Петровки» оказался удивительно живуч. Научные традиции, заложенные К. Тимирязевым, И. Стебутом, В. Вильямсом и их коллегами, смогли пережить кризис и продолжить развитие в стенах Московского сельскохозяйственного института, а затем и Тимирязевской академии. Борьба за наследие Академии, развернувшаяся в 1894 году, наглядно показала, что подлинно научная и образовательная традиция не может быть полностью уничтожена административным решением, продолжая жить в своих учениках и идеях.

ГЛАВА XII

АНТРОПОЛОГИЯ РАЗЛОМА: ЖИЗНЕННЫЙ МИР ПЕТРОВСКОЙ (ТИМИРЯЗЕВСКОЙ) АКАДЕМИИ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ И СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1929 ГГ.)

Революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война стали для российского академического сообщества временем фундаментального цивилизационного слома. Историография, посвященная этому периоду, традиционно фокусировалась на институциональных изменениях, репрессивной политике власти и идеологическом давлении. Однако внутренний мир научного сообщества, та повседневность, в которой происходило перерождение старой интеллигенции и формирование нового типа советского ученого, часто оставалась за рамками исследований. Данная глава ставит своей целью преодолеть этот пробел, обратившись к жизненному миру одного из старейших и наиболее авторитетных аграрных вузов России — Петровской (с 1923 г. — Тимирязевской) сельскохозяйственной академии.

Используя инструментарий исторической антропологии, мы рассматриваем Академию не просто как учебное заведение, а как сложный социальный организм со своими традициями, ритуалами, языком и телесными практиками. Такой подход позволяет анализировать не только официальные декреты, но и то, как революция и становление советской власти переживались на уровне повседневности. Как справедливо отмечает Е. Долгова, этот период был временем кардинального изменения положения ученых, когда в научное сообщество пришли новые социальные группы, а сама наука должна была найти свое место в новом обществе¹⁷⁹.

¹⁷⁹ Долгова Е. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 469 с.

Наш анализ строится на гипотезе о том, что советизация науки происходила не только и не столько через декреты и реорганизации, сколько через трансформацию повседневности, через усвоение новых ритуалов и выработку стратегий выживания в условиях тотального кризиса. Период с 1917 по 1929 год, завершающийся «Великим переломом», представляет собой уникальный хронотоп, где сошлись инерция дореволюционной академической автономии, радикализм революционных преобразований и начало становления новой, советской модели науки и образования.

Февральская революция 1917 года была встречена в стенах Петровской академии с огромным энтузиазмом. Падение монархии воспринималось как освобождение от бюрократической опеки и цензурных ограничений, открывавшее путь к подлинной автономии науки. В мартовских номерах «Русских ведомостей», популярных среди профессуры, публиковались восторженные отклики. Профессор А.Ф. Фортунатов, известный статистик, писал о «возможности наконец-то служить науке без оглядки на бюрократические циркуляры». 1917 год стал годом сплошных волнений и для К.А. Тимирязева. Он пристально следит за развитием революции, за борьбой политических партий в России, восхищается «Апрельскими тезисами» В.И. Ленина. Известно, что номер «Правды», где были напечатаны эти знаменитые тезисы, «был буквально испещрен восторженными замечаниями Климента Аркадьевича»¹⁸⁰. Буржуазные, кадетские газеты выводили его из равновесия. Успокаивался он только при чтении большевистских газет, выражая свое восхищение подлинной революционностью большевизма¹⁸¹.

Однако уже к лету 1917 года этот хорал свободы обрел тревожные обертоны. Студенческие сходки, которые в марте носили сугубо академический характер, к августу превратились в политические митинги. В архивах сохранились записки экономиста Александра Чаянова, где он с тревогой отмечал: «Наши студенты разделились на «кадетиков» (сторонников кадетов) и «эсеровцев» (сторонников эсеров)... Спорят не о системах земледелия,

¹⁸⁰ *Цетлин Л.С.* Тимирязев. Изд. АН СССР, М.-Л., 1945. С. 135.

¹⁸¹ *Новиков С.А.* К.А. Тимирязев. Изд. АН СССР, М.-Л., 1946. С. 109.

а об Учредительном собрании. Практику на полях саботируют — «не до того»¹⁸². Этот раскол внутри академического сообщества, это смещение фокуса с научных проблем на политические стало первым симптомом грядущего разлома.

С точки зрения исторической антропологии, период Революции и Гражданской войны в Петровской академии представляет собой не просто «хаос», но и сложный процесс трансформации социального тела академического сообщества. Множественные конфликты между различными группами отражают глубинный антропологический раскол, в котором переплелись традиционные академические ценности, и революционные практики нового времени. Этот период можно рассматривать как ритуал перехода от классического университета к советскому вузу. Деятельность революционного активиста Климанова, ведущего пропаганду «в условиях подполья» среди рабочих Академии, представляет особый интерес, как пример формирования альтернативных сетей влияния¹⁸³. Его работа создавала параллельные структуры легитимности, основанные на революционном этосе, противопоставленном традиционному академическому авторитету. Этот скрытый, но интенсивный процесс можно рассматривать как практику подрывного перераспределения символического капитала.

Знаковое заявление Рабочего комитета от 8 февраля 1919 года, где прямо утверждалось: «Комитет такого Правления, какое оно сейчас есть, не признает и испрашивать у него прав и разрешения на занятие того или иного помещения не намерен» — представляет собой важный перформативный акт символического отчуждения¹⁸⁴. Этот документ маркировал фундаментальный пересмотр властных отношений и стал ритуалом деконструкции прежней системы управления. Вынужденная реорганизация Правления в феврале 1919 года с включением равного представительства от трех статусных групп (4 представителя от преподавателей, студентов и рабочих) стала попыткой создания гибридной модели

¹⁸² Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 839. Оп. 1. Д. 45. Л. 45.

¹⁸³ *Оришев А.Б.* Петровская академия в годы гражданской войны // Доклады ТСХА: Сборник статей. Вып. 287. Том I (Часть 3). М.: Изд-во РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2015. С. 7.

¹⁸⁴ *Молчанов С.* Петровка и Октябрь // Новая Петровка. 1922. № 1. С. 12.

управления. Этот компромисс отражал поиск нового баланса сил в условиях, когда традиционные иерархии утратили легитимность. Создание специализированных комиссий — продовольственной, жилищной, хозяйственно-технической, санитарной и тарифно-расчетной — свидетельствует о радикальной трансформации функций Академии. Эти структуры представляли собой практики коллективного выживания, где вопросы обеспечения базовых потребностей вышли на первый план, отодвигая традиционные академические задачи.

В этот период складывается интересная конфигурация академического руководства. На сельскохозяйственном отделении помощниками директора последовательно состояли профессор И.С. Шулов (1918–1920), Д.Н. Прянишников (1921–1923), затем С.И. Жегалов и Е.Ф. Пискун. На инженерном отделении — профессора В.В. Подарев, а с 13 мая 1919 года по 1927 год — И.П. Прокофьев. На отделении рыбоведения работали профессор Н.М. Кулагин (до 1922 года), затем С.А. Зернов; на лесном отделении — профессор Н.С. Нестеров (с 1921 года); на отделении сельскохозяйственной экономики и политики — профессор В.Я. Железнов (с 1920 года). Каждая из этих фигур вырабатывала собственные стратегии адаптации к новым условиям, балансируя между сохранением академических стандартов и необходимостью соответствовать революционным требованиям.

Особого внимания заслуживает фигура профессора Василия Прохоровича Горячкина, избранного ректором академии 13 мая 1919 года. Его положение между «справа» (академический Совет и студенчество дореволюционного набора) и «слева» (революционные общественные организации и пролетарское студенчество) делало его ключевым культурным медиатором. В.П. Горячкин осуществлял сложную работу по символическому обмену между разными социальными мирами, находя «выход из самых непростых ситуаций, когда революционный энтузиазм масс и отдельных руководителей был готов разрушить все, перед тем как начать созидание».

Его деятельность можно рассматривать как серию тактических компромиссов, направленных на сохранение академического ядра при внешней адаптации к революционным требованиям. Эта позиция требовала постоянного балансирования и выработки особого языка дипломатии, понятного разным группам внутри

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

академического сообщества. В.П. Горячкин запомнился коллегам скромным и непритязательным человеком. До конца своих дней ученый все свои бумаги носил в простой картонной папке, завязанной тесемками. Когда же соратники подарили ему на 60-летие в 1928 году роскошный кожаный портфель, юбиляр растерялся и честно сказал: «Я ведь этого не ношу»¹⁸⁵.

Профессор В.П. Горячкин на испытаниях сельскохозяйственных машин со своими единомышленниками, 1926 г., Россия, г.Москва

Автор: Мерцалов

Источник: Музей имени В.П. Горячкина РГАУ-МСХА

Учреждение революционной тройки 5 октября 1920 года постановлением Главпрофобра стало кульминацией процесса огосударствления академического пространства. Этот орган, куда вошли избранные преподавательским персоналом профессора И.П. Прокофьев и В.П. Горячкин, а также представители студенчества (сначала Г.М. Акоев, с 13 ноября — Е.С. Тихонов, затем Н.С. Соколов), представлял собой гибридную структуру управ-

¹⁸⁵ Материалы Музея имени В.П. Горячкина. Личное дело В.П. Горячкина. Дело № 47. С. 38.

ления. Однако, как отмечают источники, «в тройке не было единства», что вело к «отсутствию твердой, целеустремленной линии в учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе»¹⁸⁶. Этот внутренний конфликт отражал более глубокий антропологический раскол между различными пониманиями природы университета и его миссии в новых исторических условиях.

Таким образом, Гражданская война в стенах Петровской академии предстает как период интенсивного переопределения социальных ролей, властных отношений и самой идентичности академического сообщества. Конфликт между различными группами, создание гибридных структур управления, поиск новых форм легитимности — все эти процессы свидетельствуют о глубокой трансформации социального тела Академии. Профессорский корпус, вынужденный балансировать между традиционными академическими ценностями и революционными требованиями, вырабатывал сложные стратегии адаптации. Фигура ректора-медиатора, гибридные органы управления, параллельные сети влияния — все это элементы сложного процесса перехода от классического университета к советскому вузу. Этот переход сопровождался не только институциональными изменениями, но и глубокой трансформацией повседневных практик, языков общения и систем ценностей, что в полной мере позволяет анализировать его методами исторической антропологии как процесс фундаментальной перестройки всего уклада академической жизни.

Гражданская война и продовольственный кризис поставили Академию перед экзистенциальным выбором. Революция перестала быть абстрактной политической категорией и воплотилась в конкретных телесных практиках выживания. Историко-антропологический анализ позволяет увидеть, как кризис переживался на уровне повседневности. Голод стал главным экзистенциальным вызовом. Профессора, привыкшие к размеренным обедам в профессорской столовой и ресторанах, были вынуждены заниматься физическим трудом на опытных полях. Период Гражданской войны радикально трансформировал материальные условия существования академического сообщества. Согласно архивным до-

¹⁸⁶ *Оришев А.Б.* Петровская академия в годы гражданской войны // Доклады ТСХА: Сборник статей. Вып. 287. Том I (Часть 3). М.: Изд-во РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2015. С. 8.

кументам и мемуарным свидетельствам, профессора Петровской академии были вынуждены прибегать к нетрадиционным стратегиям выживания в условиях острого продовольственного кризиса. Характерной практикой стала бартерная экономика, когда предметы, символизирующие академический статус, обменивались на продукты первой необходимости. В частности, зафиксированы случаи обмена парадных профессорских фраков на картофель и другие продовольственные товары. Этот факт свидетельствует о глубокой трансформации системы ценностей и вынужденной переоценке материальных и символических капиталов.

Одновременно происходила значительная перестройка организации учебного процесса. В условиях топливного кризиса и отсутствия центрального отопления студенты были вынуждены самостоятельно обеспечивать обогрев учебных помещений. Сохранились свидетельства о регулярном принесении дров для печей-буржук, устанавливавшихся непосредственно в аудиториях. «Сегодня обменял последний фрак на полпуда картофеля. Студенты приносят дрова для печи-буржуйки в аудиторию». Эта практика стала частью повседневной рутины и отражала коллективный характер выживания в экстремальных условиях. Подобные адаптационные стратегии позволяли академическому сообществу сохранять минимальные условия для продолжения образовательной и научной деятельности, демонстрируя замечательную устойчивость университетских традиций перед лицом системного кризиса. Эти примеры иллюстрируют, как экстремальные условия вынуждали к пересмотру традиционных академических практик и способствовали формированию новых форм академической солидарности.

Трагично выглядит фиксация статистических данных Питиримом Сорокиным о сокращении числа вузов с 177 до 24–27¹⁸⁷, что свидетельствует не просто о количественных изменениях, но и о фундаментальной трансформации социального тела академического сообщества. Тимирязевская академия в период Гражданской войны демонстрирует выдающийся пример созидательной адаптации и стратегического сохранения научного потенциала.

¹⁸⁷ *Сорокин П.А.* Современное состояние России. Статьи: 1919–1923 / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.; СПб.; Сыктывкар: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 472–483.

Вопреки статистике П.А. Сорокина, Академия не просто выживала, но и выработывала инновационные практики академической устойчивости. В условиях системного кризиса академическое сообщество Тимирязевки сумело трансформировать вызовы времени в возможности для переосмысления образовательного процесса. Отсутствие отопления и освещения привело к разработке уникальных педагогических инноваций — лекции в малых аудиториях создавали атмосферу интеллектуальной близости, способствуя учреждению альтернативных моделей академической коммуникации.

Описываемая П. Сорокиным «агония» учебной жизни представляет собой сложный комплекс практик сопротивления и адаптации. Отсутствие отопления в аудиториях привело к возникновению особой телесной географии академического пространства — лекции переносились в маленькие помещения, где физическое тепло тел создавало минимальные условия для работы. Это породило новые формы академической солидарности, основанной на совместном перенесении лишений. Отсутствие освещения в 1918–1920 гг. создало уникальный сенсорный режим образовательного процесса. «Вся учебная и ученая жизнь сжалась и ютилась в общежитии студентов, где был ряд небольших аудиторий. Теплее — и для большинства лекций не тесно...В силу того же обстоятельства здания не ремонтировались и сильно разрушены»¹⁸⁸. Лекции в полной темноте, где «лектор и слушатели не видели друг друга», трансформировали саму природу педагогического взаимодействия, смещая акцент с визуального на аудиальный канал коммуникации. Свеча становилась не просто источником света, но и символическим маркером сохранения знания в условиях варварства. Материальная деградация — отсутствие реактивов, приборов, лабораторных животных — означала радикальную трансформацию эпистемологических практик. Исчезновение экспериментальной базы фундаментально меняло природу производимого знания, смещая его в сторону теоретических конструкций.

Эти условия сформировали особый габитус выживания академического сообщества, характеризующийся: максимальной экономией телесных и ментальных ресурсов, разработкой стратегий символического сохранения статуса, созданием альтернативных сетей обмена знаниями и адаптацией ритуалов академиче-

¹⁸⁸ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 472–483.

ской жизни к экстремальным условиям. Пример Тимирязевской академии демонстрирует, как в условиях системного кризиса академическое сообщество не деградировало, а выработывало сложные практики устойчивости, позволяющие сохранить научную идентичность и основные функции даже при катастрофическом сокращении материальных ресурсов.

Периодическая печать того времени фиксировала эти процессы. Газета «Беднота», обращавшаяся к широким народным массам, в номере от 12 января 1919 года писала: «Студенты Петровской академии организовали продовольственные отряды для помощи голодающим. Профессора читают лекции в нетопленных аудиториях, но научная работа не прекращается»¹⁸⁹. Эта риторика служила двойной цели: с одной стороны, она констатировала тяжелейшее положение, с другой — конструировала образ стойкого научного сообщества, не сломленного лишениями.

Таблица

Трансформация повседневных практик
в академической среде (1917–1925)

Сфера практик	Дореволюционный период	Революционный период	Советская нормализация
Питание	Обеды в профессорской столовой	Бартерная экономика, обмен вещей на продукты	Нормированное распределение, карточки
Труд	Индивидуальная научная работа	Коллективный физический труд (субботники)	Сочетание научной и общественной работы
Коммуникация	Научные диспуты на немецком и французском языках	Политические митинги и собрания	Ритуализированные партийные собрания

В этих условиях вводимые властью субботники представляли собой не просто хозяйственную необходимость, но и важный

¹⁸⁹ Беднота. 1919. 12 января. С. 2.

ритуал сплочения и формирования «нового тела» коллектива. Профессор ботаники, ранее делавший лишь тонкие срезы для микроскопа, учился рубить дрова — это было символическое «перерождение» старой интеллигенции, ее физическое слияние с «трудящимися массами». Отчет о субботниках, опубликованный в «Коммунистическом труде» от 7 мая 1920 года, подчеркивал именно этот символический аспект: «Профессора и студенты Петровки вышли на субботник по благоустройству опытных полей. Работали с энтузиазмом, понимая важность момента для страны». Коллективный физический труд становился новой формой солидарности, вытеснявшей прежние, корпоративные связи. Этот процесс можно рассматривать через призму антропологического понимания ритуалов как механизмов сплочения и формирования новой социальной реальности в переломные эпохи.

Таблица

Эволюция ритуалов в академической среде (1917–1929)

Тип ритуала	Дореволюционный период	Период революционного периода	Советский период
Академические церемонии	Торжественные акты с мундирами и регалиями	Упрощенные процедуры, политические речи	Идеологически насыщенные собрания
Студенческие инициации	Неформальные традиции, посвящения	Стихийные митинги и дискуссии	Комсомольские собрания с политическими резолюциями
Научные дискуссии	Профессиональные диспуты на узко-специальные темы	Публичные обсуждения с привлечением политической риторики	Идеологически выверенные выступления

Анализ дневников, писем и материалов прессы позволяет реконструировать, как в повседневной жизни происходило внутреннее размежевание академического сообщества. Профессора, еще вчера бывшие коллегами, негласно делились на «приспособившихся», «внутренних эмигрантов» и «энтузиастов».

Обмен книгами, продуктами, доступ к ресурсам — все это теперь регулировалось сложной системой неформальных связей. В мемуарах профессора Н.Н. Худякова находим описание этих сетей: «Мы создали «профессорский кооператив» по обмену вещами на продукты. Через бывших студентов, работавших в наркоматах, удавалось доставать самое необходимое»¹⁹⁰. Эти практики выживания одновременно и спасали сообщество от физического распада, и углубляли внутренние расколы.

Студенческая среда служила точным индикатором общей трансформации. В годы Гражданской войны атмосфера в стенах Академии накалялась до предела. «Споры между «стариками» и «молодыми» обострились до предела», — констатировали современники тех бурных дней. С одной стороны стояли профессора старой закалки, отстаивавшие принцип «аполитичности» науки. Для них знание было вневременной ценностью, не зависящей от политической конъюнктуры. Они пытались сохранить островки академической свободы в бушующем море революционных преобразований.

Им противостояло молодое поколение — горячие сторонники новой власти, убежденные, что «наука должна служить пролетариату». Для этих юношей и девушек, выросших в огне революции, любое знание должно было иметь практическую направленность, работать на строительство нового общества. Эта дискуссия была не просто теоретическим спором — в ней решалась судьба отечественной науки. В аудиториях, где ещё недавно царил дух чистой академичности, теперь сталкивались разные мировоззрения, разные представления о предназначении ученого. Молодые критиковали «стариков» за оторванность от жизни, в то время как опытные профессора предостерегали против превращения науки в служанку политики.

Особую остроту этим спорам придавало то, что они происходили в контексте попыток восстановления нормальной учебной деятельности на фоне Гражданской войны¹⁹¹. Каждая сторона понимала — именно сейчас закладываются основы той системы высшего образования, которая определит будущее страны. Этот

¹⁹⁰ Сборник научных работ и воспоминаний, посвященных памяти профессора Николая Николаевича Худякова. Москва: Новый агроном, 1929. С. 78, 102.

¹⁹¹ *Прянишников Д.Н.* Quo vadis, Academia? = Куда идешь, Академия? : из доклада в сельскохозяйственной секции Госплана. Москва: Печатный техник, 1922. 13 с. Отг. из журн. «Вестник сельского хозяйства». 1922. № 1.

конфликт поколений становился своего рода ритуалом инициации — через него проходило формирование нового типа советского интеллигента, который должен был сочетать профессиональную компетентность с политической сознательностью. И как покажет время, этот раскол окажется не временным раздором, а фундаментальным водоразделом, определившим развитие отечественной науки на десятилетия вперед. Если в 1918 году студенческие собрания еще напоминали дореволюционные диспуты, то к 1925 году они окончательно превратились в ритуализированные комсомольские собрания с обязательными политическими резолюциями и своей прессой¹⁹².

Ритуалы памяти и конструирование новой идентичности.

Одним из ключевых механизмов советизации науки стало переосмысление прошлого и создание нового пантеона героев. Смерть Климента Аркадьевича Тимирязева 28 апреля 1920 года стала в этом смысле переломным моментом. Предсмертное письмо Тимирязева, опубликованное в «Известиях ВЦИК» от 29 апреля 1920 года, содержало слова, обращенные к большевикам: «Я всегда старался служить человечеству и рад, что в эти минуты, когда мне приходится закрывать глаза, я вижу вас, так искренне преданных той же службе»¹⁹³. Этот текст можно рассматривать как сложный антропологический ритуал —

¹⁹² Новая Петровка: журнал студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Москва: Книгоизд-во студентов П.С.-Х.А. и К°, 1922. № 1 (ноябрь); Новая Петровка: журнал студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Москва: Книгоизд-во студентов П.С.-Х.А. и К°, 1923. № 3–4 (февраль-март).

¹⁹³ *Цетлин Л.С.* Тимирязев. М.-Л., 1945. С. 146–147. За день до своей смерти, когда у его постели собрались близкие люди, когда пробивавшиеся через окна лучи весеннего солнца звали к жизни и творчеству, а старый ученый ясно чувствовал, что круг его жизни и творчества замыкается, — он подозвал к себе лечащего его врача-коммуниста Б.С. Вейсброда и сказал ему: «Я всегда старался служить человечеству и рад, что в эти серьезные для меня минуты вижу вас, представителя той партии, которая действительно служит человечеству. Большевики, проводящие ленинизм — я верю и убежден — работают для счастья народа и приведут его к счастью. Я всегда был ваш и с вами... Передайте Владимиру Ильичу мое восхищение его гениальным разрешением мировых вопросов в теории и на деле. Я считаю за счастье быть его современником и свидетелем его славной деятельности. Я преклоняюсь перед ним и хочу, чтобы об этом все знали. Передайте всем товарищам мой искренний привет и пожелания дальнейшей работы для счастья человечества».

опосредованную передачу «символического капитала» старой, авторитетной науки новому политическому порядку. Ученый, десятилетиями боровшийся с царской цензурой, сознательно конструировал свой посмертный образ как «друга советской власти», что соответствовало логике символического жертвоприношения интеллектуальной элитой своей прежней идентичности ради сохранения научного сообщества.

Власть мгновенно оценила значимость этого жеста. После смерти великого ученого 28 апреля 1920 года ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) принял решение провести похороны Тимирязева за государственный счет. Похороны К.А. Тимирязева стали важным общественным ритуалом, транслировавшим новые смыслы. В некрологе, опубликованном в «Правде» 30 апреля 1920 года, А.В. Луначарский писал: «Смерть Тимирязева — это потеря для всей трудящейся России. Он был тем мостом, по которому лучшая часть старой интеллигенции перешла на сторону народа»¹⁹⁴. Эта риторика конструировала образ ученого как медиатора между эпохами, что соответствовало потребностям момента. Таким образом, К.А. Тимирязев был посмертно канонизирован как «друг советской власти», а его научный авторитет был мобилизован для легитимации новой власти в глазах интеллигенции. Торжественные проводы, организованные при участии представителей советского правительства, стали не просто актом прощания, но и ритуалом инкорпорации фигуры ученого в новый политический контекст. Церемония выполняла важную функцию легитимации власти через ассоциацию с признанным научным авторитетом. 4 ноября 1923 года у площади Никитских Ворот в рамках ленинского плана монументальной пропаганды был открыт памятник К.А. Тимирязеву (скульптор С.Д. Меркуров, архитектор Д.П. Осипов).

В 1923 году Петровская академия была официально переименована в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. Этот акт представлял собой не только административное решение, но и полноценный ритуал «смерти и возрождения». Старая «Петровка» с ее вольнодумными традициями и сложной историей должна была уйти, уступив место «Тимирязевке» — символу

¹⁹⁴ Правда. 1920. 30 апреля.

союза науки и пролетариата. Газета «Рабочая Москва» в номере от 2 декабря 1923 года разъясняла символический смысл этого акта: «Петровская академия отныне будет носить имя великого ученого-демократа К.А. Тимирязева. Это не просто смена вывески — это знамение новой эпохи в жизни советской науки». Этот дискурс подчеркивал разрыв с имперским прошлым и утверждение новых ценностей.

В последующие годы формируется канонический образ К.А. Тимирязева как ученого-борца, соответствующего требованиям советской идеологии. В публикациях подчеркивались его конфликты с царским режимом, уход из университета в знак протеста, демократические убеждения. Журнал «Красная нива» (1924, № 15) в статье «Тимирязевская академия — рассадник социалистического земледелия» развивал эту мысль: «Старые традиции вольнодумства Петровки органически переплавляются в новое советское содержание». Создавались многочисленные визуальные репрезентации — портреты, бюсты, изображавшие К.А. Тимирязева в образе «народного ученого». Эти изображения становились частью ритуалов повседневности в Академии, присутствуя в аудиториях, кабинетах, на официальных мероприятиях. Память о К.А. Тимирязеве закреплялась через систему коммеморативных практик посредством создания мемориального кабинета-музея, учреждения премии его имени, проведения ежегодных «Тимирязевских чтений», установление памятных досок и монументов. Эти практики формировали культурную память академического сообщества, внедряя новые образцы для подражания и эталоны научного служения.

Формирование культа К.А. Тимирязева выполняло несколько важных функций в становлении советской науки. Прежде всего, легитимационная — придание научного авторитета новой власти, не менее важной являлась интеграционная функция, заключающаяся в создании моста между старой и новой интеллигенцией и формировании образа «советского ученого». И, наконец, значима была и идеологическая составляющая в виде демонстрации совместимости науки и социализма. Этот процесс отражал общую логику становления советского пантеона героев, где исторические фигуры подвергались тщательному отбору и реинтерпретации в соответствии с требованиями текущего момента.

Таким образом, формирование пантеона Тимирязева представляет собой классический пример того, как символический

капитал ученого может быть мобилизован для решения политических задач. Ритуалы увековечения, коммеморативные практики, переименования — все эти действия были направлены на конструирование новой идентичности советской науки, разрывающей с «буржуазным прошлым» и одновременно использующей его лучшие достижения. Этот процесс демонстрирует механизмы культурной трансляции, когда фигура ученого становится не просто объектом памяти, но и активным инструментом формирования нового социального порядка и легитимации власти через апелляцию к научному авторитету.

Следующим шагом стал символический уход от прежней идентичности. В 1923 году Петровская академия была официально переименована в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. Это был не просто административный акт, а полноценный ритуал «смерти и возрождения». Старая «Петровка» с ее вольнодумными традициями и сложной историей должна была уйти, уступив место «Тимирязевке» — символу союза науки и пролетариата. Газета «Рабочая Москва» в номере от 2 декабря 1923 года разъясняла символический смысл этого акта: «Петровская академия отныне будет носить имя великого ученого-демократа К.А. Тимирязева. Это не просто смена вывески — это знамение новой эпохи в жизни советской науки»¹⁹⁵. Журнал «Красная нива» (1924, № 15) в статье «Тимирязевская академия — рассадник социалистического земледелия» развивал эту мысль: «Старые традиции вольнодумства Петровки органически переплавляются в новое советское содержание»¹⁹⁶. Этот процесс отражал общую тенденцию советизации науки, когда происходило не просто административное подчинение, но и глубокое символическое перекодирование.

В рамках избранного подхода необходимо остановиться на конструировании образа советского ученого: языковых стратегиях и ритуалах инициации, проходивших апробацию в Тимирязевской академии. Антропологический подход позволяет проследить, как трансформировалась профессиональная идентичность ученого, как происходил переход от идеала «служи-

¹⁹⁵ Рабочая Москва. 1923. 2 декабря.

¹⁹⁶ Красная нива. 1924. № 15.

теля науки» к модели «боевого отряда на фронте социалистического строительства». Язык научной коммуникации стал важным маркером этой трансформации. В научных докладах, статьях и публичных выступлениях стали обязательными новые риторические формулы: «наука на службе социалистического строительства», «агроном — боец на фронте борьбы за урожай»¹⁹⁷. Профессор Алексей Чаянов в частной переписке 1924 года констатировал: «Приходится учиться говорить на двух языках — научном и советском»¹⁹⁸. Этот лингвистический дуализм стал характерной чертой эпохи, отражая сложный процесс адаптации и выработки нового профессионального этоса.

*Площадь у здания МСХА имени К.А. Тимирязева.
20-е годы XX века*

Изменились и ритуалы, знаменующие вхождение в научное сообщество. Защита дипломных работ теперь включала не только научную дискуссию, но и «общественно-политическую характеристику». Студент должен был доказать не только профессиональную компетентность, но и политическую благонадежность

¹⁹⁷ Малченко В.С. Тимирязевская академия и будущая Москва. Москва: Новая деревня, 1925. С. 2–4.

¹⁹⁸ РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 78. Л. 78.

и активность. В пожелтевших страницах характеристики студента Тимирязевской академии за 1929 год сохранилась характерная зарисовка эпохи: «Студент защитил дипломную работу по севооборотам, увязав научные исследования с задачами коллективизации. В общественно-политической характеристике отмечена его активная работа в комсомольской организации». Эта краткая заметка становится своеобразным окном в ту переломную эпоху, когда формировался новый тип советского специалиста.

Вторая половина 1920-х годов в Тимирязевской академии представляла собой уникальный период трансформации. Научное сообщество, пережившее тяготы Гражданской войны, теперь стояло перед новой задачей — не просто сохранить традиции аграрной науки, но и переосмыслить их в контексте строительства социалистического общества. Защита дипломных работ превращалась в сложный ритуал, где переплетались академические традиции и новые идеологические требования. Работа студента о севооборотах становится олицетворением этого синтеза. Его исследование — не просто сугубо агрономическое изыскание, а сознательная попытка найти практическое применение научным знаниям в решении масштабных народнохозяйственных задач. Упоминание о «задачах коллективизации» особенно значимо — это было время, когда еще только формировались контуры будущей масштабной реорганизации сельского хозяйства.

Особый интерес представляет упоминание «общественно-политической характеристики» — нового элемента в академической жизни. Если до революции оценивалась исключительно научная составляющая работы, то теперь в фокусе оказывалась целостная личность будущего специалиста. Активная работа в комсомольской организации становится таким же значимым критерием, как и профессиональная подготовка. Этот документ эпохи показывает, как в стенах Тимирязевской академии шел сложный процесс формирования нового типа ученого-агрария — не просто специалиста в своей области, но и активного строителя нового общества, сочетающего профессиональную компетентность с общественно-политической активностью. За сухими строками текста скрывается драматический поиск баланса между научной истиной и идеологическим заказом, между академическими традициями и требованиями времени. Таким образом, научная квалификация

все более тесно переплеталась с политической лояльностью, что становилось новой нормой академической жизни¹⁹⁹.

Рабфак сельскохозяйственной академии имени Тимирязева

Дата съемки: 12 июня 1926 г.

К концу 1920-х годов процесс трансформации в основном завершился. «Великий перелом» и начало форсированной коллективизации поставили точку в истории Академии как относительно автономного сообщества. Ученые окончательно превратились в «специалистов на службе государства». Журнал «На аграрном фронте» (1929, № 11) в статье «За большевистские кадры в сельскохозяйственной науке» подвел итог этому периоду: «Период

¹⁹⁹ Краткая справка об истории и состоянии сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева (бывш. Петровской). Москва: Тип. Мосполиграф, 1925; Соколов Н.С. Кого и как готовит Тимирязевская сельскохозяйственная академия. Москва: Кооп. изд-во студенчества с.-х. акад. им. К.А. Тимирязева «Новый агроном», 1929.

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

компромиссов со старой профессурой закончен. Тимирязевская академия должна стать настоящей кузницей кадров для колхозного строительства²⁰⁰. Окончание процесса фиксировала 19 августа 1924 года и газета «Слово»: «В ряде крупных городов, в том числе Москвы, начинается «чистка высших учебных заведений». Среди учеников и преподавательского состава должны быть убраны все, кто ранее отказывался принимать участие в партийной жизни. Их место займут более сознательные граждане, понимающие, что университеты — это гораздо больше, чем просто место для учебы²⁰¹». Газета «Правда» от 15 сентября 1929 года в статье «Чистка в вузах» уже писала о «враждебных элементах среди профессуры», с которыми «советская наука не может мириться»²⁰².

Таким образом, историко-антропологический анализ жизненного мира Петровской-Тимирязевской академии в 1917–1929 годах показывает, что советская наука рождалась не только через декреты и реорганизации, но и через повседневные практики выживания, сложные этические выборы и символические ритуалы. Советизация была не идеологическим диктатом, а глубоким антропологическим сдвигом, затронувшим телесный опыт, языковые привычки и саму структуру профессиональной академической идентичности. Реконструкция этого процесса через призму микроистории и исторической антропологии позволяет глубже понять трагическую и противоречивую судьбу русской интеллигенции в революционную эпоху.

²⁰⁰ На аграрном фронте. 1929. № 11.

²⁰¹ Слово. 1924. 19 августа.

²⁰² Правда. 1929. 15 сентября.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, реконструирующее жизненный мир Петровской (Тимирязевской) академии через призму периодической печати XIX — начала XX вв., позволяет сделать ряд принципиальных выводов о специфике взаимодействия науки, образования и общества в переломную эпоху. Анализ обширного корпуса источников — от столичных газет до специализированных сельскохозяйственных журналов — раскрывает многогранный процесс становления Академии как уникального научно-образовательного центра, чья судьба оказалась неразрывно связанной с ключевыми историческими трансформациями российского государства. Петровская академия с момента основания предстает сложным социокультурным организмом, где сталкивались и взаимодействовали различные социальные силы, дискурсы и практики. Ее демократичный устав, уникальное пространство кампуса и разночинный состав студенчества создали среду, сочетающую научный рационализм, практическую ориентацию и обостренное чувство социальной ответственности. Особенностью Академии стало формирование особого типа научного этоса, где кабинетное знание неизбежно должно было пройти проверку практикой и получить общественное признание. Это порождало постоянное напряжение между чистотой научного поиска и социальными ожиданиями, между академической свободой и государственным контролем.

Периодическая печать выступала активным конструктором публичного образа Академии на всех этапах ее существования. Консервативный нарратив видел в Академии «рассадник крамолы», используя такие медийные скандалы, как «нечаевское дело», для дискредитации вольнодумства. Либеральные издания формировали образ Академии как центра прогресса и науки, героизируя фигуры ученых-граждан. В революционный период печать стала ареной острой идеологической борьбы за наследие Академии,

где старые дискурсы переплетались с новыми, советскими. Примечательно, что даже в условиях Гражданской войны Академия продолжала оставаться предметом публичного обсуждения, что свидетельствует о ее сохраняющемся символическом капитале. Исследование показывает, как через медиамеханизмы конструировалась корпоративная идентичность «тимирязевцев». Юбилейные публикации, некрологи, отчеты о научных трудах создавали «пантеон славы» Академии, канонизируя фигуры основателей и ведущих профессоров. В условиях Гражданской войны эта традиция приобрела особое значение как инструмент сохранения преемственности и морального духа научного сообщества. Риторика «служения народу», выработанная еще в дореволюционный период, оказалась востребованной и в новых политических условиях, позволив Академии вписаться в советский дискурс социальной полезности. Анализ материалов позволил реконструировать повседневность Академии «снизу». Студенческая среда была лабораторией по выработке новых социальных практик и ценностей, что делало ее одновременно гордостью Академии и источником конфликта с государством. В революционные годы эта особенность студенческой среды проявилась с особой силой, когда политические размежевания проходили прямо в стенах учебных аудиторий. Дневники, воспоминания и студенческие издания рисуют сложную картину адаптации к постоянно меняющимся условиям — от экономической разрухи до идеологического давления.

Эволюция образа Академии в прессе — от «детища реформ» 1860-х годов до признанного национального научного центра — отражает сложный путь российской высшей школы в имперский период. Закрытие Петровской академии в 1894 году и ее дальнейшая реорганизация стали символом кризиса политики просвещенного консерватизма и попытки подчинить науку узко понимаемой государственной пользе. Революция и Гражданская война стали следующим рубежом, испытавшим на прочность связь науки и государства. Примечательно, что несмотря на все потрясения, Академия смогла сохранить не только материальную инфраструктуру, но и главное — научные традиции и корпоративный дух. Особый интерес представляет трансформация роли Академии в периоды революционных потрясений и Гражданской войны. Революция 1917 года поставила Академию перед необходимостью выработки новой стратегии выживания в условиях коренной ломки

государственных институтов. Пресса этого периода зафиксировала сложный процесс адаптации — от первоначального хаоса и прекращения финансирования до поисков *modus vivendi* с новой властью. В годы Гражданской войны Академия столкнулась с беспрецедентными вызовами: массовый голод, разруха, идеологическое давление, утрата кадров. Однако именно в этот период особенно ярко проявилась практическая ориентированность «тимиразевской школы» — работы по повышению урожайности, борьбе с голодом, организации сельскохозяйственного производства стали вопросом физического выживания страны.

Таким образом, история Петровской (Тимиразевской) академии, отраженная в периодической печати, представляет собой ключ к пониманию механизмов взаимодействия знания и власти, становления российской научной интеллигенции и формирования публичной сферы. Наследие Академии, сочетающее свободомыслие с практическим служением, продолжает оставаться значимой интеллектуальной традицией для отечественной аграрной науки и образования. Способность Академии сохранить научный потенциал в условиях не только реформирования общества, но и в годы ломки и серьезных социальных потрясений демонстрирует устойчивость модели «ученого-гражданина», сформировавшейся в стенах «Петровки» еще в дореволюционный период. Этот исторический опыт сохраняет свою актуальность и сегодня, показывая, что подлинная научная традиция способна переживать даже самые радикальные общественные трансформации, находя новые формы служения своему предназначению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Архивные источники

1. Архив РГАУ-МСХА имени К.А. Тимиразева. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Протокол заседания Ученого совета от 15 октября 1879 г.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. РГАСПИ. Ф. 76. Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) Оп. 3. Д. 303.
3. Российский государственный архив экономик (РГАЭ) Ф. 731. А.В. Чайанов Оп. 1. Д. 99, 100, 110.
4. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 398. Оп. 1. Д. 1234. Журнал заседания ИМОСХ от 15 марта 1857 г.; Ф. 398. Оп. 2. Д. 567. Докладная записка министра государственных имуществ М.Н. Муравьева от 12 июня 1861 г.; Фонд № 398. Описание № 52. Единица № 17010. Департамент земледелия Министерства земледелия. I разряд. Об изменении правил Муравьевской стипендии в Петровской земледельческой академии. 1888–1889 г.
5. Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 8. Список арестованных во время операции с 16 на 17 августа 1922 года и содержащихся во внутренней тюрьме ГПУ. Список арестованных, коим может быть разрешен выезд за границу за собственный счет.
6. Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГАМ). Ф. 459. Канцелярия попечителя Московского учебного округа. Оп. 1. Д. 123; Ф. 459. Оп. 2. Д. 143. О праздновании 50-летия ПСХА. ЦГАМ. Ф. 184. Оп. 4. Д. 261. ЦГАМ. Ф. 228. Оп. 1. Д. 352.

Законодательные акты

7. Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей, 12 июня 1900 г. // Свод зако-

нов Российской империи. В пяти книгах. Кн. пятая. Т. XIII. СПб., [б. г.]. С. 44–54.

8. Указ Именной, данный Сенату 4 сентября 1881. Об отмене действия некоторых узаконений, изданных к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. № 383. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

9. Устав Петровской земледельческой и лесной академии, [Штат Петровской земледельческой и лесной академии и состоящей при ней фермы] [Утв. 27 окт. 1865 г.]. Санкт-Петербург, 1865. 17 с.

10. Устав Петровской земледельческой и лесной академии: утвержден 16/28 июня 1873 года. М.: Губернская типография, 1873. 46 с.

11. Высочайше утвержденное положение о Московском сельскохозяйственном институте и штат: [утверждено 6 июня 1894 г.]. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. 26 с.

Делопроизводственная документация

12. Годичный акт... бывший: краткий отчет о состоянии и действиях Петровской земледельческой и лесной академии со времени ее основания. 29 июня 1868 года. Москва: Унив. тип. Катков и К^о, 1869. 59 с.

13. Журналы заседаний совета Петровской земледельческой и лесной академии за 1868, 1869 и первую половину 1870 года. М., 1876.

14. Правила для поступления в число слушателей Академии и для посещения лекций посторонними лицами. Петровская земледельческая и лесная академия. Москва: В тип. И. Чуксина, 1866. 16 с.

15. Сборник сведений по Департаменту земледелия и сельской промышленности. СПб., 1880. Вып. 2.

16. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. 1. Постановления по сельскохозяйственным учебным заведениям за время 1836–1899 гг. 1900. 87 с.

17. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Департамент Земледелия. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1900. Вып. 3: Постановления по сельскохозяйственным учебным заведениям за время 1836–1899 гг. 518 с.

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

18. Отчет о действиях Петровской академии за 1880 год // Известия Петровской земледельческой и лесной академии. Вып. 3. 1881. С. 1–45.

19. Труды Совещания 20–22 мая 1915 года с участием представителей науки, земских и общественных учреждений Сельскохозяйственные машины, минеральные удобрения и лекарственные растения / Г.У.З. и З. Деп. земледелия. Петроград, 1915. 482 с.

Периодическая печать

20. Артишоки и миндаль: в память о вечере Петровцев 28 февраля 1913 года : [журнал]. Москва: Тип. Я.Г. Сазонова, 1913. 18 с.

21. Анофелес. 1914.

22. Беднота. 1919. 12 января.

23. Голос. 1865. № 320, № 321.

24. Земледельческая газета. 1865. № 49; Земледельческая газета. 1882. № 16.

25. Журнал сельского хозяйства. 1857. № 10.

26. Известия. 1920. 29 апреля.

27. Известия Петровской земледельческой и лесной академии. М., 1887. Вып. 2; Известия Петровской сельскохозяйственной академии. 1892. Вып. 4.

28. Московские ведомости. 1864. 28 января. № 22; Московские ведомости. 1864. 1 февраля. № 28; Московские ведомости. 21 декабря 1869 г. № 278; Московские ведомости. 8 января 1870 г. № 5; Московские ведомости. 1875. 18 февраля. № 45.

29. Новая Петровка: журнал студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Москва: Книгоизд-во студентов П.С.-Х.А. и К^о, 1922. № 1 (ноябрь); Новая Петровка: журнал студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Москва: Книгоизд-во студентов П.С.-Х.А. и К^о, 1923. № 3–4 (февраль-март).

30. Правда. 1920. 30 апреля; 1929. 15 сентября.

31. Рабочая Москва. 1923. 2 декабря.

32. Русские ведомости. 1885. № 68.

33. Слово. 1924. 19 августа.

34. Сельскохозяйственная жизнь. 1925. № 18.

Сборники документов

35. Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю: извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) [введение, подгот. текстов и коммент. Р.А. Тлепцок ; ред. и авт. предисл. Э.А. Шеуджен]. М: Социально-гуманитарное знание, 2010. 677 с.
36. Сборник сведений о Петровской земледельческой и лесной академии / Сост. под ред. Комис., избр. Сов. Акад. по поводу участия оной во Всерос. с.-х. выст. в Харькове. Москва: тип. М.Г. Волчанинова, 1887. 319 с.

Источники личного происхождения

37. Аннин [Новиков, А. А.]. Из записок агронома. Владимир: Типогр. Т-ва В. Е. Андреев и К^о, 1908. 71 с.
38. Воспоминания о студенческой жизни: [Сборник]. Москва: О-во распространения полезной книги, 1899. 271 с.
39. Гомилевский В. Воспоминания об Петровской земледельческой и лесной академии (ныне — Московский с.-х. институт // Лесной журнал. 1916. Вып. 2. С. 170–194; Вып. 3–4. С. 376–405.
40. Материалы Музея имени В.П. Горячкина. Личное дело В.П. Горячкина. Дело № 47.

II. Литература

41. *Балашов Л.Л.* Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева // Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева : [Сборник к 75-летию Академии] : [1865–1940 гг.] / [Под общ. ред. проф. В. С. Немчинова]. Москва: Сельхозгиз, 1946. 391 с.
42. *Баутин В.М.* К вопросу о причинах основания Петровской академии // Вестник аграрной истории. 2001. № 3. С. 33–41.
43. *Баутин В.М.* Московское общество сельского хозяйства и Петровская земледельческая и лесная академия // Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России. М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова, 2020. С. 35–59.
44. *Белоконский И.П.* По поводу 25-летия Петровской академии // Русские ведомости. 1890. № 295. С. 2–3.

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

45. *Бродель Ф.* Структуры повседневности. М., 1986. Т. 1. 623 с.
46. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
47. *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44–59.
48. *Бурдые П.* Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 119 с.
49. *Вернадский В.И.* Памяти К.А. Тимирязева как гражданина и ученого // Известия Российской академии наук. 1920. Т. XIV. С. 95–102.
50. Вехи: сб. статей о русской интеллигенции. М.: Правда, 1991.
51. *Вольфсон И.В.* Практика газетного издательства. Краткое руководство. Пг., 1919. 46 с.
52. *Востриков П.П., Королев Б.И.* Государственная цензурная политика в отношении периодической печати в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Власть. 2015. № 4. С. 178–183.
53. *Вышегородцкий С.С.* Периодическая печать как исторический источник // Молодой ученый. 2025. № 30 (581). С. 97–100.
54. *Георгиевский А.И.* Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. 302 с.
55. *Генинг В.Ф.* Образ жизни и социальный облик ученого общества Петровской академии (1865–1917) // Социологические исследования. 2008. № 7.
56. *Гугасари Е.С.* Роль уголовно-процессуального законодательства Российской империи в борьбе с терроризмом (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 6. С. 215–216.
57. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. М.: Русский язык. Медиа, 2003. Т. 1. 699 с.
58. *Демина Ю.В.* Современная отечественная историография голада 1891–1892 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 85–93.
59. *Дергачева Л.Д.* Периодическая печать // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001. С. 444–507.
60. *Долгова Е.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 469 с.

61. *Докучаев В.В.* О главнейших результатах почвенных исследований в России за последнее время // 8 съезд русских естествоиспытателей и врачей. Отд. 9. СПб., 1890. С. 9–10.
62. *Дояренко А.Г.* К пятидесятилетию Петровской академии (1865 г. — 21 ноября 1915 г.). М., 1916. 10 с.
63. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. 367 с.
64. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. 367 с. С. 78–81.
65. *Железнов М.* Неизданные письма К.П. Брюллова и документы для его биографии. СПб., 1867. 63 с.
66. *Жилякова Н.В.* История российской печати конца XIX — начала XX веков. М.: Юрайт, 2016. 235 с.
67. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
68. Журнал опытной агрономии / издатель-редактор Коссович П. С. (1862–1915). Периодические издания Санкт-Петербург: Типография Альтшулера, 1900–1915.
69. *Змеев В., Зайцева Н.* Петровская академия // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 145–149.
70. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX века. М., 1999.
71. *Иванова Л.Д.* Формирование системы периодической печати в России на рубеже XIX–XX вв. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1. С. 42–47.
72. *Иванова Л.Д.* Система газетной прессы на рубеже XIX–XX вв. Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. № 2. С. 5–12.
73. *Иванович К.А.* Сельскохозяйственное образование в СССР. М., 1958.
74. *Иванюков И.И.* Очерк истории политической экономии // Русская мысль. 1883, № 10; 1884, № 4.
75. *Иванюков И.И.* Общинное землевладение // Русская Мысль. 1885. Кн. I.
76. *Иванюков И.И.* Очерки провинциальной жизни // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Книга III. М., 1894. С. 164–165.

77. *Иверонов И.А.* К пятидесятилетию высшей сельскохозяйственной школы в Петровском-Разумовском. Москва: Тип. В. Киршбаума, 1915. 14 с.
78. Исторический очерк развития Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. М.: Изд-во МСХА, 1990.
79. История Российской государственной сельскохозяйственной академии — МСХА имени К.А. Тимирязева. М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 1995.
80. История Российской научно-популярной прессы в социально-культурном контексте. СПб., 2021.
81. *Каблуков Н.А.* Памяти А.А. Фадеева // Сельское хозяйство и лесоводство. 1897. Т. 213. С. 1–15.
82. *Катаев Н.М.* Петровская академия — Московский сельскохозяйственный институт. Пятьдесят лет существования. (1865–1915 гг.). Петроград: тип. «Сел. вестн.», 1915. 37 с.
83. *Катаев Н.М.* Петровская академия — Московский сельскохозяйственный институт: Пятьдесят лет существования (1865–1915 гг.). Пг., 1915. 15 с.
84. *Ковалевский В.* Памяти Ивана Александровича Стебута // Известия государственного института опытной агрономии. 1924. № 1–2.
85. *Ковальченко И.Д.* Столетие Петровской сельскохозяйственной академии и развитие аграрной науки в России // Отечественная история. 1965. № 4. С. 112.
86. *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: Институт философии РАН, 1996.
87. *Короленко В.Г.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4: История моего современника: Кн. 1, 2. Ленинград: Художественная литература, 1990. 656 с.
88. *Левицкий А.П.* Светлая жизнь: (По поводу 70-летия К.А. Тимирязева). Москва: Тип. О.Л. Сомовой, 1913. 34 с.
89. *Левицкий А.* Памяти проф. Ив. Ал. Стебута // Сельскохозяйственная жизнь. 1923. № 38.
90. *Лурье Ф.М.* Политический сыск в России: 1649–1917. Москва, Санкт-Петербург: Центрполиграф; Мим-Дельта, 2006. 398 с.
91. *Лунев С.* Газетное дело начала XX века. Как была устроена пресса Российской империи 1900–1914 годов. Электронный ресурс. URL: <https://vatnikstan.ru/history/gazetnoe-delo-1900-1914/> (дата обращения: 29.10.2025).

92. Любецкий С. Петровское-Разумовское // Русские ведомости. 1865. № 127.
93. Людоговский А.П. Заметка о сельскохозяйственных опытных станциях // Земледельческая газета. 1866. № 39. С. 612–614.
94. Людоговский А.П. Закон Либиха и рациональный метод определения размеров удобрения // Русское сельское хозяйство. 1871. Т. 9. № 5. С. 3–34.
95. Людоговский А.П. Издержки хозяйства усадьбы на рабочие силы в зависимости от расстояния угодий от усадьбы // Земледельческая газета. 1872. № 40. С. 625–528.
96. Людоговский А.П. К вопросу о распространении культуры подсолнечника в южной России // Русское сельское хозяйство. 1871. Т. 7. № 1. С. 3–15; № 2. С. 245–263.
97. Лункевич В.В. К.А. Тимирязев: Жизнь и творчество. М.: Молодая гвардия, 1926. 254 с.
98. Малченко В.С. Тимирязевская академия и будущая Москва. Москва: Новая деревня, 1925. 10 с.
99. Маноиленко К.В. Николай Иванович Железнов, 1816–1877. Москва: Наука, 2007. 2-е изд., доп. 241 с.
100. Марков Е.А. Власть и СМИ в России: история взаимодействия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. № 123. С. 204–214.
101. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 17.
102. Метеорологическая обсерватория имени В.А. Михельсона: 140 лет на службе науки. М.: РГАУ-МСХА, 2019.
103. Минувшее: Исторический альманах. Вып. 10. М.: Прогресс; Феникс, 1992. 450 с.
104. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). В 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
105. Мокшин Г.Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж: Научная книга, 2007. 357 с.
106. Молчанов С. Петровка и Октябрь // Новая Петровка. 1922. № 1.
107. Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. Научная конференция: [материалы научной конференции Академии, состоявшейся 6–12 декабря 1950 года]. М., 1950.
108. Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. Научная конференция: [материалы науч-

ной конференции академии, состоявшейся 6–12 декабря 1950 года / под общей редакцией Г.М. Лоза]. Москва: ТСХА, 1952. 298 с.

109. Московский сельскохозяйственный институт. Пятьдесят лет Высшей сельскохозяйственной школы в Петровском Разумовском. [1865–1915]. Московский сельскохозяйственный институт и его ученые и учебные учреждения к 1915 году: Т. 2. Ч. 1. Москва: Б. и., 1917. 411 с.

110. Насимович Ю.А., Майоров С.Р., Муратаев Р.А. Идентификация *Populus × gasumovskoe* (Salicaceae) в Москве // Социально-экологические технологии. 2025. Т. 15. № 2. С. 137–155.

111. Научные школы Тимирязевской академии: история и современность / Под ред. В.М. Баутина. М.: РГАУ-МСХА, 2005.

112. Некролог К.А. Тимирязева. Большевики работают для счастья народа // Известия. 29 апреля 1920 года.

113. Новая Петровка. Орган Испол. бюро проф. секций студентов Петровской с.-х. акад.. М.: Новый агроном, 1922–1923.

114. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

115. Новиков С.А. К.А. Тимирязев Изд. АН СССР, М.-Ленинград. 1946. 128 с.

116. Орехов А.М. Участие польских студентов в социал-демократической пропаганде в Петербурге (1889–1892 гг.). // Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.). М., 1967. С. 367–390.

117. Оришев А.Б. Петровская (Тимирязевская) академия: становление аграрной науки и образования в СССР (1917–1932). М.: РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, 2014. 326 с.

118. Оришев А.Б. Петровская академия в годы гражданской войны // Доклады ТСХА: Сборник статей. Вып. 287. Том I (Часть 3). М.: Изд-во РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2015. 224 с. С. 7–8.

119. Оришев А.Б. Тайны российской аграрной науки: тимирязевский прорыв. [б. м.]: Издательские решения, 2016. 398 с.

120. Открытие лекций в Петровской земледельческой и лесной академии. Речь Н.И. Железнова 25 января 1866 г. [Б. м.]: В тип. Ф. Стелловского, 1866. 14 с.

121. Памяти К.А. Тимирязева // Пролетарская культура. 1920. № 15–16. С. 1–3.

122. Памяти К.А. Тимирязева: Сборник докладов и материалов сессии Биол. ин-та им. К.А. Тимирязева, посвященной 15-летию со дня смерти К.А. Тимирязева. 1920–1935 / Под ред. П.П. Бондаренко, Б.П. Токина, Е.Е. Успенского. Москва; Ленинград: Биомедгиз, 1936. 315 с.

123. *Пестржецкий Д.П.* Очерки по крестьянскому вопросу // Новое время. СПб., 1906. № 10709, 10710.

124. Петровская земледельческая академия (к издателю «Северной пчелы»). Е.С.-ий. Петровское-Разумовское // Северная пчела. 1864. № 34.

125. По поводу Петровской академии // Северная почта. 1864. № 36. С. 141–142.

126. *Праздников А.Г.* Революционные события 1905 г. в Москве, отраженные в дневнике студента-вятчанина // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 101–109.

127. Профессор Василий Робертович Вильямс. К двадцатипятилетию научной, педагогической и сельскохозяйственной общественной деятельности. Москва: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1914. 110 с.

128. *Прянишников Д.Н.* Университеты и агрономия (Речь, произнесенная при открытии секции на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей) / Д.Н. Прянишников. Москва: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. 12 с.

129. *Прянишников Д.Н.* Высшая школа, опытное дело и съезды: речь, произведенная в общем собрании 2-го Съезда по агрономической помощи населению. Москва: Тип. О.Л. Сомовой, 1911. 28 с.

130. *Прянишников Д.Н.* Об опытах по химической переработке фосфатов за 1910–1911 гг. // Отчет об опытах по химической переработке фосфоритов и вегетационных опытах с ними. Вып. II. Труды Комиссии МСХИ по исследованию фосфоритов. Серия 2. М., 1911.

131. *Прянишников Д.Н.* Об опытах с фосфатами в 1910–1912 гг. // Из результатов вегетационных опытов и лабораторных работ. Т. 8. М., 1913.

132. *Прянишников Д.Н.* Об опытах с фосфоритами в отчетный период // Из результатов вегетационных опытов и лабораторных работ. Т. 9. М., 1914.

133. *Прянишников Д.Н.* О фосфате Пальмера // Из результатов вегетационных опытов и лабораторных работ. Т. 9. М., 1914.

134. *Резвый Н.П.* Петровская сельскохозяйственная академия. Краткий исторический очерк. 1865–1915. Пг.: Изд-во М.З. и Г.И., 1915. 180 с.

135. *Рогожина А.С.* Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков // Научный диалог. 2021. № 4. С. 423–437.

136. *Розенберг В.* Русская печать и цензура в прошлом и в настоящем. М., 1905. 250 с.

137. Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917 гг.). Справочник. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 352 с.

138. *Саваренская Т.Ф.* Архитектурные ансамбли Москвы XV — начала XX веков: принципы художественного единства / авторы: Т.Ф. Саваренская (руководитель), Д.О. Швидковский и др.; под редакцией академика РААСН доктора искусствоведения профессора Т.Ф. Саваренской: Стройиздат, 1997. 471 с.

139. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Наши бури и непогоды // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 9. Критика и публицистика (1868–1883). М.,: Художественная литература, 1970.

140. Сборник научных работ и воспоминаний, посвященных памяти профессора Николая Николаевича Худякова. Москва: Новый агроном, 1929. 180 с.

141. Сборник сведений о Петровской земледельческой и лесной академии. М., 1887. 319 с.

142. *Севастенко Р.А.* Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // Вестник РУДН. 2013. № 4. С. 112–121.

143. *Сворцов Н.* Об учреждении близ Москвы Петровской земледельческой академии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1861. Ч. 77. Кн. 4. С. 139–162.

144. Собичевский, Владимир Тарасович (1838–1913). Воспоминание о М.К. Турского / Воспоминание о Митрофане Кузьмиче Турском / [В. Собичевский]. [Санкт-Петербург]: тип. Спб. градоначальства, [1899]. 13 с.

145. *Соколов Н.С.* Кого и как готовит Тимирязевская сельскохозяйственная академия. Москва: Кооп. изд-во студенчества с.-х. акад. им. К.А. Тимирязева «Новый агроном», 1929. 32 с.

146. *Соловьев Я.В.* Самодержавие и дворянство в пореформенной России. Л.: Наука, 1973. 368 с. С. 145–148.

147. *Сорокин П.А.* Современное состояние России. Статьи: 1919–1923 / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.; СПб.; Сыктывкар: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 848 с.
148. *Спасович В.Д.* Дело о государственном преступлении, так называемое, «нечаевское». Речь в защиту Алексея Кузнецова / В.Д. Спасович // *Избранные труды и речи.* Тула: Автограф, 2000. С. 241–265.
149. *Сперанский П.А.* Цензура и печать Российской империи второй половины XIX — начала XX вв. в современной отечественной историографии // *История и современное мировоззрение.* 2023. Т. 5. № 4. С. 138–143.
150. *Стебут И.А.* // *Русские ведомости.* М., 1915.
151. *Стебут И.А.* Луговые сорные травы и их истребление // *Земледельческая газета.* 1867. С. 50–52.
152. *Стебут И.А.* О значении Петровской академии для русского сельского хозяйства // *Земледельческая газета.* 1890. № 45. С. 505–508.
153. *Стебут И.А.* О науке сельского хоз-ва и о сельскохозяйственном образовании // *Земледельческая газета.* 1861. № 12. С. 177–184.
154. *Стебут И.А.* Сорные травы и их истребление. По сочинению Э. Кирхгофа // *Сельское хозяйство и лесоводство.* 1867. С. 94–96.
155. *Тараканов И.Г.* Академик Н.И. Железнов — первый директор Петровской земледельческой и лесной академии, родоначальник отечественной экспериментальной ботаники // *Докл. ТСХА.* 2002. Вып. 274. С. 13–16.
156. *Тимирязев К.А.* Сочинения. 1843–1920. Москва: Сельхозгиз, 1937–1940. Т. 8.
157. *Тимирязев К.А.* Год итогов и поминок // *Вестник Европы.* 1911. № 11, 12.
158. *Тимирязев К.А.* Об усвоении света растением // *Известия Петровской земледельческой и лесной академии.* Вып. 1–2. 1879. С. 127–192.
159. *Тимирязев К.А.* Опровергнут ли дарвинизм? // *Русская мысль.* 1887. Т. 5. № 2. С. 145–180.
160. Труды Совещания 20–22 мая 1915 года с участием представителей науки, земских и общественных учреждений. Сельскохозяйственные машины, минеральные удобрения

- и лекарственные растения / Г.У.З. и З. Деп. земледелия. Петроград, 1915. 482 с.
161. *Турский М.К.* О культуре дуба в средних губерниях России // *Известия Петровской земледельческой и лесной академии.* Вып. 4. 1882. С. 289–345.
162. *Фортуатов А.* Несколько слов о М.М. Щепкине // *Вестник Сельского Хозяйства.* 1921. № 7. С. 2.
163. *Фортуатов А.Ф.* Иван Александрович Стебут: (К пятидесятилетию его деятельности). 1854–1904 гг. Москва: тип. О.Л. Сомовой, 1904. 9 с.
164. *Фортуатов А.Ф.* Из истории Петровской академии // *Вестник Европы.* 1915. Кн. 10. С. 40–52.
165. *Фортуатов А.Ф.* Памяти А.Н. Шишкина // *Хозяин.* 1899. № 27. С. 907–913.
166. Франция-память: Перевод с французского / Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж, Мишель Винок; С.-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. 325 с.
167. Хроника // *Известия Петровской сельскохозяйственной академии.* Вып. 2. 1891. С. 1–10 (Сообщения о Международном сельскохозяйственном конгрессе в Гааге).
168. *Цетлин Л.С.* Тимирязев. М.-Л., 1945. 156 с.
169. *Чаянов А.В.* Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем: путеводитель по Тимирязевской сельско-хозяйственной академии. М., 1925. 87 с.
170. *Челинцев А.Н.* Памяти А.Ф. Фортуатова // *Сельскохозяйственная жизнь.* 1925. № 18. С. 59–60.
171. *Шатилов И.Н.* О сельскохозяйственном образовании в России // *Русский вестник.* 1864. Т. 50. март. С. 310–327.
172. *Шевлякова В.В.* Периодическая печать в конце XIX — начале XX вв. об аграрном вопросе в России // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.* 2012. № 2. Т. 4. С. 44–50.
173. Щепкин, Дмитрий Митрофанович. Митрофан Павлович Щепкин: [Очерк деятельности] / [Дмитрий Щепкин]. Москва: тип. О-ва р. п. книг, преемник В.И. Воронов, 1910. 73 с.
174. *Щербаков А.С.* Р.И. Шредер и становление ландшафтной архитектуры Петровской академии // *Вестник РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева.* 2015. № 2. С. 134–135.

175. Юбилей А.Г. Дояренко // Вестник сельского хозяйства. 1926. №12.

176. Юбилей заслуженного профессора И.А. Стебута // Известия северо-западного Управления с.-х. опытного дела, Вып. I, II, 1923.

Авторефераты диссертаций

177. *Елина О.Ю.* Становление системы сельскохозяйственных опытных учреждений России, XVIII — 20-е гг. XX в. : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.10 / Елина Ольга Юрьевна; [Место защиты: Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН]. Москва, 2009. 45 с.

Справочники

178. Библиография периодических изданий России. 1901—1916 гг. Л., 1961. Т. 4. 396 с.

179. Московский календарь на 1872 г. Путеводитель по Москве и ея окрестностям, с адресными справочными сведениями. Москва: Издание И. Анского, 1872.

180. Москва: Историческое описание Москвы. Вся Москва в кармане Ист. рассказы о достопамятностях и достопримечательностях Москвы, от дня ее основания и до наших времен : История. Этнография. Статистика. Топография. Нравы и обычаи. Справ. адрес календарь: Сост. любители рус. старины. Москва: Д. Преснов, 1873. 576 с.

181. Полнейший путеводитель по Москве и ее окрестностям: со всеми необходимыми сведениями, как для приезжающих, так и для живущих в Москве: с подроб. ил. пл. Москвы, окрестностей и окруж. ж. д. Москва: Н.П. Дубов и Н.А. Пономарев, 1909. 80 с.

Работы на иностранных языках

182. *Merton R.K.* The Institutional Imperatives of Science // *Sociology of Science* / Ed. V. Barnes. L.: Penguin Books, 1972. Pp. 65–79.

183. *Merton R.K.* The Sociology of Science. Chicago: Chicago University Press, 1973. 605 p.

184. *Shils E.A.* Center and periphery. Essays in macrosociology. Chicago, London: Univ. of Chicago press, 1975. 516 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Директор Николай Иванович Железнов в окружении коллег и соратников. Фотография первого ученого совета академии сделана 3 декабря 1865 года на торжественном открытии Петровской земледельческой и лесной академии.

Место хранения: музей истории РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева

СЛЕВА-НАПРАВО СИДЯТ:

главный садовник **Р.И. Шредер**; постоянный член хозяйственного комитета и казначей **П.Ф. Гаврилов**; профессор **И.Н. Чернопятов**; профессор богословия **Я.Д. Головин**; профессор **В.Е. фон-Графф**; директор **Н.И. Железнов**; профессор **В.К. Делла-Вос**; врач **А.И. Гланка-Кендюков**; профессор **В.Т. Собичевский**; профессор **А.П. Степанов**; профессор **Я.Я. Цветков**

СЛЕВА-НАПРАВО СТОЯТ:

подрядчик **А.И. Бусургин**; ассистент **П.А. Григорьев**; помощник главного садовника **А.Ф. Вебст**; ассистент **Э.Б. Шене**; профессор **М.П. Щепкин**; управляющий фермой **Н.С. Барановский**; неизвестный; бухгалтер **П.М. Панов**; библиотекарь **В.И. Андреев**; неизвестный; ассистент **А.А. Армфельд**; профессор **П.А. Ильенков**; профессор **Я.А. Борзенков**; профессор **Е.М. Соколовский**; профессор **И.Б. Ауэрбах**; секретарь хозяйственного комитета **А.К. Финдейзен**; неизвестный; профессор **А.П. Захаров**; ассистент **К.А. Мазин**; неизвестный; помощник экзекутора **Д.П. Ефремов**

Приложение № 2

Железнов Николай Иванович.
 Доктор естественных наук, профессор.
 С 1865 по 1869 год — первый директор Академии

Приложение № 3

Таблица

Основные издания и тематика публикаций в периодических изданиях преподавателей Академии последней трети XIX века

Профессор	Издания	Ключевые темы	Особенности
Митрофан Павлович Щепкин	«Московские ведомости», «Русская летопись» В 1870 году вместе с профессором М.В. Неручевым Щепкиным была основана газета «Русская Летопись», в третьем номере которой был напечатан некролог «А.И. Герцен». Результатом явилось закрытие газеты и вынужденная отставка М.П. Щепкина с кафедры политэкономии	Статистика, политэкономия, народное просвещение, кооперация	Читал разработанный им курс политической экономии в двух частях — теоретической и практической. В его лекциях особое внимание уделялось таким вопросам, как владение землей (частное и общинное), рента, кредит, история земельного устройства в Европе и история экономических учений.
Иван Иванович Иванюков	«Русские ведомости», «Русская мысль», «Страна»	Экономическая политика, крестьянский вопрос, социальные реформы	В области политической экономии Иванюков яркой представитель историко-реалистической школы, признававшей историческую обусловленность экономических явлений.

Профессор	Издания	Ключевые темы	Особенности
Климентий Аркадьевич Тимирязев	«Отечественные записки», «Русская мысль»: Статьи о достижениях естествознания и их практическом применении в сельском хозяйстве. «Сельский хозяйин»: публикации по улучшению методов земледелия	Физиология растений, агрономия, популяризация науки	Тимирязев стремился сделать науку доступной для широкой аудитории, сочетая научную строгость с ясностью изложения.
Иван Александрович Стебут	«Земледелие», «Сельское хозяйство и лесоводство»	Растениеводство, сельскохозяйственное образование	Подчеркивал важность образования и верил, что аграриям необходимы научные знания для повышения производительности сельского хозяйства.
Митрофан Кузьмич Турский	«Лесной журнал», «Природа и охота»	Лесоводство, экология	Турский выступал за сохранение лесов и их рациональное использование, его публикации способствовали развитию лесного хозяйства.
Василий Васильевич Докучаев	«Земледельческая газета», «Труды Вольного экономического общества»	Почвоведение, геология, борьба с засухой	Докучаев активно участвовал в дискуссиях о необходимости сохранения и восстановления почв, его публикации способствовали формированию национальной программы борьбы с эрозией.

Профессор	Издания	Ключевые темы	Особенности
Александр Васильевич Советов	«Русский вестник», «Журнал Министерства государственных имуществ»	Агрономия, организация сельского хозяйства	Советов выступал за внедрение научных подходов в практику сельского хозяйства, его работы были ориентированы на крупных землевладельцев и государственных чиновников.

Приложение № 4

Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева за свою историю неоднократно менял названия.

В таблице ниже приведены основные вехи этих преобразований.

Период	Основное официальное название	Примечания
1865—1894	Петровская земледельческая и лесная академия	Основание. В 1889 г. лесное отделение ликвидировано, название сменилось на Петровская сельскохозяйственная академия
1894—1917	Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ)	Академия закрыта в 1894 г. и в том же году учрежден институт
1917—1923	Петровская сельскохозяйственная академия	Название восстановлено после революции
1923—1930	Сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева (ТСХА)	Присвоено имя ученого К.А. Тимирязева
1930-е годы	Период реорганизаций	На базе факультетов созданы отраслевые институты. Название менялось: Московский зерновой институт, Сельскохозяйственный институт им. К.А. Тимирязева
1939—2005	Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева (МСХА)	В 1965 г. награждена Орденом Трудового Красного Знамени
2005 — н.в.	Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева (РГАУ-МСХА)	Современное полное название. В 2008 г. включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия

Приложение № 5

О смерти К.А. Тимирязева, выдающегося биолога, основоположника русской школы физиологии растений, сообщила газета «Известия» 29 апреля 1920 года. Стали известны предсмертные слова тов. Тимирязева.

В 2 часа 35 мин. 28 апреля скончался член Московского совета рабочих и крестьянских депутатов профессор Климент Аркадьевич Тимирязев.

Всероссийский центральный исполнительный комитет постановил:

«1) Принять похороны К.А. Тимирязева на счет государства.

2) Принять по соглашению с родственниками покойного меры к сохранению и неприкосновенности кабинета, библиотеки и рукописей К.А. Тимирязева.

3) Обеспечить пожизненно членов семьи покойного.

4) Поручить Народному комиссариату просвещения, совместно с Московским Советом Р. и К.Д., членом которого состоял К.А. Тимирязев, выработать способы увековечения его памяти».

Как сообщает личный врач Тимирязева и Ленина Борис Соломонович Вейсброд, 26 апреля Тимирязев позвал его к себе и в присутствии сына Аркадия Климентьевича сказал следующее:

«Я всегда старался служить человечеству, я рад, что в эти серьезные для меня минуты вижу вас, представителя той партии, которая действительно служит человечеству. Большевики, проводящие “ленинизм”, — я верю и убежден, — работают для счастья народа и приведут его к счастью. Я всегда был ваш и с вами и надеюсь, что мой сын Аркадий Климентьевич будет верным моим последователем и останется только с вами — большевиками. Передайте Владимиру Ильичу мое восхищение его гениальным разрешением мировых вопросов в теории и на деле. Я считаю за счастье быть его современником и свидетелем его славной деятельности. Я преклоняюсь перед ним и хочу, чтобы об этом все знали. Передайте всем товарищам мой искренний привет и пожелание дальнейшей успешной работы для счастья всего человечества»²⁰³.

²⁰³ Известия. 1920. 29 апреля.

ПАМЯТИ К.А. ТИМИРЯЗЕВА²⁰⁴

28 апреля 1920 г. умер Климентий Аркадьевич Тимирязев, член Социалистической Академии и сотрудник нашего журнала. На его гроб Центральный Комитет Всероссийского Совета Пролеткульта возложил из живых цветов венки с надписью «Великому ученому и сотруднику «Пролетарской Культуры»».

Тов. А. Богданов над его могилой от имени Социалистической Академии и Всероссийского Пролеткульта произнес речь:

«Прощальный привет дорогому товарищу... Уже многое сказано — и еще столько хочется сказать, так много... и так бессильны слова... Но главное ясно. Умер большой человек. Человек науки, человек труда, человек идеала.

Человек науки... не здесь входить в оценку его работы; но его дело известно всему свету. Он исследовал и раскрыл одну из величайших тайн жизни: точно показал, как из мертвых материалов воздуха и воды растение, силою солнечных лучей, строит живое вещество. Это была великая победа науки. И старый ученый мир признал ее — тот мир, из которого вышел Климентий Тимирязев и от которого он так далеко отошел душою... Он — один из тех немногих, кому выпала на долю честь читать почетную лекцию в Лондонском ученом обществе, высшем научном учреждении Европы.

Он был не только неутомимым работником в своей обширной специальности, но и неутомимым борцом за научное мировоззрение. Никто в России не сделал столько для торжества идей дарвинизма и научного материализма. Никто лучше не понимал, никто ярче и нагляднее не выяснял силу науки и научного мышления, как орудия реального творчества, строительства жизни, победы над природою.

Товарищи! Мир науки имеет свою левую сторону, где бьется его живое сердце, и правую, где окаменевшее прошлое отстаивает себя против будущего. Тимирязев всегда стоял на крайней левой,

²⁰⁴ Пролетарская культура, 1920, № 15–16. С. 1–3.

всегда занимал самую прогрессивную позицию и неуклонно шел вперед, до конца сохраняя юношескую свежесть и гибкость мысли. Поразительна в этом отношении статья его «Дарвин и Маркс», написанная за год до смерти. Он только в последний период своей жизни подошел ближе к общественным наукам; но никто глубже его не сумел понять и ярче выразить внутреннее родство дарвинизма и исторического материализма, этих титанических созданий двух величайших творцов науки XIX века. Статья эта была напечатана в журнале «Пролетарская Культура». Да, товарищи, ему близка была и идея пролетарской культуры, эта идея, многих даже революционных социалистов отталкивающая своей непривычною Новизной. Социалистическая Академия недаром написала на своем венке «Благородному представителю союза пролетариата и науки». Он принимал пролетариат в его жизненном целом, во всем масштабе его движения — и как культурную силу.

«Благородному»... это слово первым приходит в голову, когда хочется характеризовать его личность. Основа его культуры была непреклонная совесть человека мысли и гражданина; та и другая составляли в нем одно. Еще и тогда, когда он не выступал на поле общественной деятельности, когда жил всецело научными интересами, эта совесть гражданина ярко сказывалась и имела сильное влияние на всю его судьбу. Старый академический мир, товарищи, служил старому порядку; а старый порядок часто требовал от ученых, от профессоров того, с чем не могла мириться совесть истинного гражданина. В этих случаях, — а их было немало, — Климентий Тимирязев не знал уступок, не допускал колебаний... Вспоминаю один случай, не очень значительный, но лично мне близкий. 26 лет тому назад в Московском Университете был разгромлен Союз Землячеств, организация, собственно, просто взаимопомощи студентов, но по тогдашним условиям нелегальная и потому — «революционная». Правление университета предложило всем профессорам подписать заявление, что они осуждают эту организацию. Только пять профессоров отказалось — и среди них первый был Тимирязев. Из-за малоизвестной ему студенческой организации он рисковал всей своей ученой карьерой... Но его совесть не знала колебаний. И так он поступал всегда. Понятно, что при этом старом порядке он, несмотря на все заслуги, не мог сделать «высокой академической карьеры».

Та же непреклонная совесть гражданина определила два его поражающе ярких и исторически важных выступления на закате его жизни: выступление против войны в то время, когда еще большинство даже социалистов, увлеченные волною, блуждали в кровавом тумане патриотизма; и выступление за полное принятие, полное признание Октябрьской революции — в то время, когда даже часть оставшихся до тех пор верными международному социализму колебалась и отходила от работы на поле Советской республики. Оба раза ему приходилось идти на разрыв многих прежних связей, жертвовать массой прежних симпатий... Но его совесть не знала колебаний.

Социалистическая Академия может с полным правом гордиться не только тем, что она избрала Климентия Тимирязева одним из первых в свои члены, но также и тем, что он сам открыто подчеркивал это свое звание. Он был бесконечно равнодушен ко всяким титулам; но это звание было важно для него потому, что оно выражало его отношение к социалистической науке.

Странная вещь, товарищи! Утрата огромная, невознаградимая; но, взглядываясь в этот чудный образ ученого и гражданина, охватывая взором гигантскую выполненную работу, как-то не можешь остановиться на чувстве грусти. Словно что-то главное не умерло... Да так оно и есть! Ведь этот образ останется в истории, он врежется в памяти поколений; это дело продолжается и продолжается.

Спи же спокойно, учитель истинный! Спи, рыцарь без страха и упрека, до конца чистый, до конца светлый, до конца верный себе и своему идеалу! Спи, счастливцев, один из немногих, кому дана душа бессмертная в жизни человечества! Ибо твоей душой было твое дело; а оно живет, над ним — смерть бессильна.

Слово победы, товарищи, только оно — достойно прозвучать как прощальное слово над могилой Климентия Тимирязева».

Приложение № 7

А. ФОРТУНАТОВ. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О М.М. ЩЕПКИНЕ²⁰⁵

Михайлов день 8 (21) ноября 1921 года больно отзовется среди людей, прикосновенных к русской агрономии и к учебному делу. В этот день покинул нас Митрофан Митрофанович Щепкин. Пишущий эти строки был неожиданно для себя и приятно удивлен встречей с Митрофаном Митрофановичем 2 (15) октября на годовщине открытия Голицинских курсов. Такою бодростью веяло от М.М. непосредственно после выхода его из места заключения. После короткого разговора с М.М. приходилось невольно как-то стыдиться тех минут уныния и разочарования, которые нет-нет да и подкрадутся к старческой душе. М.М. был сын профессора Петровской Академии Митрофана Павловича Щепкина, уволенного из Академии за написанный им некролог А.И. Герцена. Каюсь, что мне лично мало известны черты биографии М.М., с которым я познакомился поздно. Знаю, что М.М. прошел через Московский университет по юридическому факультету, и одна из встреч моих с М.М. была встреча в 1908 году на совещании у княгини С.К. Голицыной по поводу задуманных ею сельско-хозяйственных курсов, где М.М. Щепкин должен был выступить и действительно выступил преподавателем законоведения. Много лет спустя он вновь сам пришел на те же Голицинские курсы, но уже на более подходящий для него пост преподавателя животноводства. Слава М.М. как хорошего хозяина вообще, животновода в частности, укрепляется еще в первые годы XX века. Второе десятилетие XX века М.М. провел в качестве директора Московской Земледельческой школы. Мне давно уже пришлось применить к М.М. название, от которого М.М. не отрекся, — название «недиректорствующего директора». Это ведь такая редкость среди русских представителей ученой администрации, особенно в средних школах. С началом третьего десятилетия Щепкин стал во главе новой высшей школы Зоотехнического института, на обязанности которого теперь

²⁰⁵ Вестник Сельского Хозяйства. 1921. № 7. С. 2.

лежит восстановление образа покойного со всеми выдающимися чертами его биографии. О Щепкине как общественном деятеле мне удалось слышать от М.Е. Шатерникова, восхищавшегося поведением М.М. в Коломенском уезде в трудную осень 1905 года.

С годами меня относительно все сильнее и сильнее тянет к молодежи. С молодежью чувствую себя легче, чем со «взрослыми», но бывают исключения, и к таким исключениям принадлежит для меня Митрофан Митрофанович. Догадываюсь, что причина лежала в неугасаемой юности М.М. Щепкина. Благородная энергия, живость мысли так привлекали к интересному собеседнику, с которым не хотелось расставаться.

Знаю, что мои суконные строчки ничего не прибавят к физиономии М.М., отпечатлевшейся в памяти встречавшихся с ним людей и, конечно, ничего не дадут тем, кто не имел с ним личных встреч. Но я не мог отказаться на обращенный ко мне призыв написать несколько слов о М.М. Щепкине и закончу пожеланием, чтобы имя Щепкина, подобно имени М.Г. Павлова, И.А. Стебута и немногих других, явилось любовным цементом, связывающим русских агрономов в единую семью.

*Петровская академия,
16 ноября 1921 года.
Вестник Сельского Хозяйства. 1921. № 7. С. 2.*

Приложение № 8

В.Р. Вильямс в кругу своих учеников в 1912 г.

НЫНЕ: проф. Б.П. Серебряков, акад. А.Н. Соколовский,
проф. В.П. Бушинский, проф. П.А. Мантейфель, В.А. Мантейфель,
В.И. Турбин, К.И. Голенкина

Приложение № 9

Занятия на пасеке. 1884 г.

Приложение № 10

3 декабря 1880 года Ученый совет академии по предложению профессора К.А. Тимирязева единогласно избрал профессора Д.И. Менделеева почетным членом академии

Приложение № 11

47-е Собрание соревнователей Клуба Любителей Общественной агрономии и естествознания МСХИ. Россия, г. Москва. 1907 г.

Председатель Клуба — будущий академик Николай Вавилов сидит за столом, третий слева.

Автор: Александр Фальц-Фейн

Источник: Музей истории МСХА

Приложение № 12

Осмотр министром А.С. Ермоловым и директором МСХИ И.А. Ивероновым Ботанического сада. 1905 г.

Приложение № 13

Профессор В.П. Горячкин на испытаниях сельскохозяйственных машин со своими единомышленниками, г. Москва, 1926 г.

Фото Н.И. Мерцалова.

Источник: Музей имени В.П. Горячкина РГАУ-МСХА

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:

Петровская (Тимирязевская) академия в дискурсе периодической печати

Приложение № 14

Уголок лаборатории кафедры агрофизики и общего земледелия. Студенты с профессором А.Г. Дояренко Россия, г. Москва, 1922 г.

Справа у двери Алексей Григорьевич Дояренко.

Автор: Педотов Н.Н. Источник: Музей истории МСХА. Фонд А.Г. Дояренко

Приложение № 15

Группа окончивших Голицынские курсы с преподавателями. Среди преподавателей: Д.Н. Прянишников, А.Г. Дояренко (стоит в 3-м ряду 8-й справа), Н.Я. Демьянов, А.Ф. Фортунатов, А.И. Стебут. Январь 1917 г.²⁰⁶

²⁰⁶ РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 259. Ч. 2. Л. 12.

Приложение № 16

**Прибытие министра
в Московский сельскохозяйственный институт. 1912 г.**
Автор: Александр Луцинский

Приложения № 17

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
об утверждении списка высылаемых
из России интеллигентов²⁰⁷**

10 августа 1922 г.

ПБ № 21/7

а) Утвердить.

б) Предложить ГПУ подвергнуть обыску всех, арестовать же только тех, относительно которых имеется опасение, что они могут скрыться, остальных подвергнуть домашнему аресту.

²⁰⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 76. Оп. 3. Д. 303. Л. 1–3. Автограф.

[Приложение 2]

Список активной антисоветской интеллигенции (профессура) профессора Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии

7. Артоболевский Иван Алексеевич. Бывший профессор богословия, лишился кафедры со дня Октябрьской революции, но все время поддерживал тесную связь с академией. По убеждению монархист. Был руководителем Союза крестьянского студенчества в академии. Все его проповеди носят ярко черносотенный характер. Произвести обыск, арест и выслать за границу. Комиссия с участием т. Богданова и др. за высылку. Главпрофобр за высылку²⁰⁸.

8. Ушаков. Профессор законовещения, ярый защитник земельных законов Столыпина. Монархист. Произвести обыск, арест и выслать за границу. Главпрофобр за высылку²⁰⁹.

Опубл.: Известия. 1922. 18 августа. № 185.

²⁰⁸ **Артоболевский Иван Алексеевич** (9.1.1872–17.02.1938) — священник, профессор. Окончил Московскую Духовную Академию. С 8 августа 1911 года по 1918 год — профессор богословия Московского сельскохозяйственного института (избран на должность, несмотря на противодействие министра народного просвещения Льва Кассо, который считал его либералом), заведующий кафедрой богословия института, с 1915 года — член его правления; одновременно до 1924 года настоятель храма апостолов Петра и Павла в Петровско-Разумовском (с 1919 года протоиерей). В 1922 г. принимал активное участие в работе Союза христианской молодежи. 13 декабря 1922 г. по «2-му процессу церковников» по решению Коллегии ГПУ «за противодействие изъятию церковных ценностей был приговорен к 3 годам заключения». Повторно арестован 28 января 1933 г. По решению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 15 марта 1933 выслан в Севкрай на три года. 22 января 1938 года снова арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. 14 февраля Тройкой НКВД приговорен к расстрелу. Погребен в общей могиле на полигоне Бутово под Москвой. Прославлен в сонме новомучеников Российских на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви в августе 2000 года. Домовая церковь при Российском аграрном университете имени Тимирязева, обустроенная в 2008–2009 годах, освящена в память священномученика Иоанна Артоболевского в феврале 2009 года. По постановлению Президиума Московского городского суда от 13 августа 1970 г. дело в отношении И.А. Артоболевского прекращено «за недоказанностью предъявленного им обвинения».

Лица, подвергнутые репрессиям в ходе операции по высылке антисоветской интеллигенции в 1922–1923 гг. Артоболевский Сергей Иванович (1903–1961) — студент Петровской сельскохозяйственной академии. Сын И.А. Артоболевского. Впоследствии доктор технических наук, профессор Энергетического института.

²⁰⁹ **Ушаков Иван Иванович** (1867–?) — профессор Петровской сельскохозяйственной академии. Из дворян Нижегородской губернии. Юрисконсульт Московского союза производительных трудовых артелей. Арестован 17 августа 1922 г. 31 августа 1922 г. выслан за границу.

Приложение № 18

Список арестованных в ходе операции²¹⁰

Не ранее 23 августа 1922 г.

СПИСОК арестованных во время операции с 16 на 17 августа 1922 года и содержащихся во внутренней тюрьме ГПУ

СПИСОК арестованных, коим может быть разрешен выезд за границу за собственный счет

1. Стратонов Всеволод Викторович
2. Арбузов Алексей Дмитриевич
3. Розенберг Владимир Александрович
4. Сахаров Андрей Васильевич
5. Трубецкой Сергей Евгеньевич
6. Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович
8. Байков Александр Львович
9. Фельдштейн Михаил Соломонович
10. Ясинский Всеволод Иванович
11. Айхенвальд Юлий Исаевич
- 12. Артоболевский Иван Алексеевич**
- 13. Ушаков Иванов Иванович**
14. Бердяев Николай Александрович
15. Матвеев Иван Петрович
16. Зворыгин Владимир Васильевич
17. Куколевский Иван Иванович
18. Паршин Николай Евграфович
19. Матусевич Иосиф Александрович
20. Кудрявцев Василий Михайлович
21. Франк Семен Людвигович
22. Бардыгин Василий Михайлович
23. Цветков Николай Николаевич

Начальник 4-го Отделения СО ГПУ

«__» августа 1922 г.

²¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф 1. Оп. 6. Д. 8. Л. 71–73. Копия. Машинопись.

Приложение № 19

Выпуск рабфака ТСХА. г. Москва, 1928 г.

Приложение № 20

О. Иоанн Артобелевский, настоятель храма апостолов Петра и Павла в Петровском-Разумовском. 1911–1924 гг.

Фото Г.В. Трунова, 1914 г.

Владимир Иванович ТРУХАЧЕВ
Руслан Асланович ТЛЕПЦОК

**МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ,
НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ:**
Петровская (Тимирязевская) академия
в дискурсе периодической печати

Компьютерная верстка и обложка:
А.Н. Солодовников

Корректор:
Б.З. Симбулетова

Подписано в печать 24.11.2025. Бумага офсетная.
Формат бумаги 60x84/16. Гарнитура Georgia.
Печ.л. 14. Тир. 1000. Заказ 002.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфического центра «ТОТ ПИТЕР».
г. Санкт-Петербург, ул. Будапештская, 39А, офис 12Н